

СОДЕРЖАНИЕ

Политическое пространство региона

- 7 **А. В. Петухов, Е. А. Демьянов.** Гражданское общество: российская модель взаимодействия государства и социума
- 17 **Г. М. Барашков.** Аналоговые формы гражданского общества (на примере Индии и стран Латинской Америки)
- 30 **А. А. Токарев.** Будущее Донбасса: сравнительный анализ российского, грузинского и молдавского опыта решения проблем с сепаратизмом

Экономика региона

- 49 **С. А. Булярская, С. В. Булярский.** Требования к модульным кластерным системам в условиях открытой инновационной политики
- 59 **И. Б. Юленкова.** Интенсификация экономического роста в муниципальных районах Республики Мордовия
- 67 **Г. В. Морозова, О. В. Дерина.** Развитие кадрового потенциала налоговых органов как условие повышения их эффективности
- 79 **А. М. Аллаярва.** Методика расчета прожиточного минимума (на примере Республики Башкортостан)

Социология региона

- 88 **О. Н. Чиркова.** Влияние имиджевой политики и этнокультурного брендинга региона на формирование и развитие региональной идентичности

Главный редактор:
кандидат
экономических
наук, доцент
С. М. ВДОВИН

Журнал
входит в
Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых
должны быть
опубликованы
основные
научные результаты
диссертаций
на соискание
ученой степени
кандидата наук,
на соискание
ученой степени
доктора наук

- 106 **А. Н. Ершов, А. А. Салатова.** Общественное восприятие безработицы в 1992—2015 гг.
- 123 **И. М. Фадеева, В. И. Сысueva.** Стиль жизни молодежи как показатель воспроизводства среднего класса региона
- 137 **А. Г. Филипова, А. В. Еськова.** Социальный потенциал детства в регионе: построение онтологии предметной области
- 149 **Конференции. Встречи. Дискуссии**

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Scientific
and Socio-Political
Journal

Founder and Publisher:
Federal State
Budgetary
Educational
Institution of
Higher Education
«National Research
Ogarev Mordovia
State University»

The journal
has been
published since
October 1992

The journal
is published
quarterly

3/2016
(№ 96)

CONTENTS

Political Space of a Region

- 7 **A. V. Petukhov, E. A. Demyanov.** Civil Society: the Russian Model of Interaction Between State and Society
- 17 **G. M. Barashkov.** Analog Forms of Civil Society (the Case Study of India and Latin American Countries)
- 30 **A. A. Tokarev.** The Future of the Donbass: a Comparative Analysis of the Russian, Georgian and Moldavian Experience of Solving Secession Problems

Economy of a Region

- 49 **S. A. Bulyarskaya, S. V. Bulyarskiy.** Requirements for Modular Cluster Systems in the Open Innovation Policy
- 59 **I. B. Yulenkova.** Intensification of Economic Growth in the Municipal Districts of the Republic of Mordovia
- 67 **G. V. Morozova, O. V. Derina.** Development of the Tax Authorities' Human Resources as a Condition for Increasing their Efficiency
- 79 **A. M. Allayarova.** Methods of Calculating the Living Wage (the Case Study of the Republic of Bashkortostan)

Sociology of a Region

- 88 **O. N. Chirkova.** Influence of the Image Policy and Ethno-Cultural Branding of a Region on Formation and Development of Regional Identity

Editor-in-Chief:
Candidate
of Economic
Sciences, Docent
S. M. VDOVIN

The journal
is included
into the
List of the
peer-reviewed
scientific
publications
where the basic
scientific results
of candidate's
and doctoral
theses must be
published

- 106 **A. N. Ershov, A. A. Salatova.** Public Perception of Unemployment in 1992—2015.
- 123 **I. M. Fadeeva, V. I. Sysueva.** Lifestyle of Young People as an Indicator of Reproduction of the Middle Class in a Region.
- 137 **A. G. Filipova, A. V. Eskova.** Social Potential of Childhood in a Region: Building the Topical Area Ontology
- 149 **Conferences. Meetings. Discussions**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. М. Вдовин — главный редактор, канд. экон. наук, доц. (г. Саранск, Россия)
И. В. Бахлов — д-р полит. наук, доц. (г. Саранск, Россия)
В. И. Гришин — д-р экон. наук, проф. (г. Москва, Россия)
А. В. Дахин — д-р филос. наук, проф. (г. Нижний Новгород, Россия)
П. В. Дружинин — д-р экон. наук, доц. (г. Петрозаводск, Россия)
А. Н. Ершов — д-р социол. наук, проф. (г. Казань, Россия)
Т. Н. Иванова — д-р социол. наук, доц. (г. Тольятти, Россия)
Л. В. Калачина — отв. секретарь, канд. культурологии (г. Саранск, Россия)
В. А. Ковалев — д-р полит. наук, доц. (г. Сыктывкар, Россия)
В. В. Козин — зам. главного редактора, канд. социол. наук, доц. (г. Саранск, Россия)
А. Е. Лапин — д-р экон. наук, проф. (г. Ульяновск, Россия)
В. В. Маркин — д-р социол. наук, проф. (г. Москва, Россия)
В. И. Патрушев — д-р социол. наук, проф. (г. Москва, Россия)
Г. А. Резник — д-р экон. наук, проф. (г. Пенза, Россия)
Ж. Симанавичене — д-р экон. наук, проф. (г. Каунас, Литва)
В. П. Шалаев — д-р филос. наук, проф. (г. Йошкар-Ола, Россия)

EDITORIAL BOARD

S. M. Vdovin — Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences, Docent (Saransk, Russian Federation)
I. V. Bakhlov — Doctor of Political Sciences, Docent (Saransk, Russian Federation)
V. I. Grishin — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Moscow, Russian Federation)
A. V. Dakhin — Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
P. V. Druzhinin — Doctor of Economic Sciences, Docent (Petrozavodsk, Russian Federation)
A. N. Ershov — Doctor of Sociological Sciences, Full Professor (Kazan, Russian Federation)
T. N. Ivanova — Doctor of Sociological Sciences, Docent (Togliatti, Russian Federation)
L. V. Kalachina — Executive Secretary, Candidate of Culturology (Saransk, Russian Federation)
V. A. Kovalev — Doctor of Political Sciences, Docent (Syktyvkar, Russian Federation)
V. V. Kozin — Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Sociological Sciences, Docent (Saransk, Russian Federation)
A. E. Lapin — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Ulyanovsk, Russian Federation)
V. V. Markin — Doctor of Sociological Sciences, Full Professor (Moscow, Russian Federation)
V. I. Patrushev — Doctor of Sociological Sciences, Full Professor (Moscow, Russian Federation)
G. A. Reznik — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Penza, Russian Federation)
Zh. Simanavichene — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Kaunas, Lithuania)
V. P. Shalaev — Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

ЧЛЕНЫ ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА ПО РЕЦЕНЗИРОВАНИЮ СТАТЕЙ

- О. И. Аверина** — д-р экон. наук, доц. (г. Саранск, Россия)
С. С. Артемьева — д-р экон. наук, проф. (г. Саранск, Россия)
О. В. Бахлова — д-р полит. наук, доц. (г. Саранск, Россия)
О. А. Богатова — д-р социол. наук, доц. (г. Саранск, Россия)
Н. Д. Гуськова — д-р экон. наук, проф. (г. Саранск, Россия)
Т. М. Дадаева — д-р социол. наук (г. Саранск, Россия)
Н. И. Изергина — д-р полит. наук, доц. (г. Саранск, Россия)
М. А. Казаков — д-р полит. наук, проф. (г. Нижний Новгород, Россия)
П. Н. Киричек — д-р социол. наук, проф. (г. Дубна, Россия)
А. В. Логинов — д-р полит. наук, доц. (г. Саранск, Россия)
Е. А. Неретина — д-р экон. наук, проф. (г. Саранск, Россия)
В. А. Писачкин — д-р социол. наук, проф. (г. Саранск, Россия)
С. В. Полутин — д-р социол. наук, проф. (г. Саранск, Россия)
И. М. Фадеева — д-р социол. наук, доц. (г. Саранск, Россия)

MEMBERS OF THE COUNCIL OF EXPERTS ON REVIEWING SCIENTIFIC PAPERS

- O. I. Averina** — Doctor of Economic Sciences, Docent (Saransk, Russian Federation)
S. S. Artemieva — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Saransk, Russian Federation)
O. V. Bakhlova — Doctor of Political Sciences, Docent (Saransk, Russian Federation)
O. A. Bogatova — Doctor of Sociological Sciences, Docent (Saransk, Russian Federation)
N. D. Guskova — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Saransk, Russian Federation)
T. M. Dadaeva — Doctor of Sociological Sciences (Saransk, Russian Federation)
N. I. Izergina — Doctor of Political Sciences, Docent (Saransk, Russian Federation)
M. A. Kazakov — Doctor of Political Sciences, Full Professor (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
P. N. Kirichek — Doctor of Sociological Sciences, Full Professor (Dubna, Russian Federation)
A. V. Loginov — Doctor of Political Sciences, Docent (Saransk, Russian Federation)
E. A. Neretina — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Saransk, Russian Federation)
V. A. Pisachkin — Doctor of Sociological Sciences, Full Professor (Saransk, Russian Federation)
S. V. Polutin — Doctor of Sociological Sciences, Full Professor (Saransk, Russian Federation)
I. M. Fadeeva — Doctor of Sociological Sciences, Docent (Saransk, Russian Federation)

А. В. ПЕТУХОВ

Е. А. ДЕМЬЯНОВ

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И СОЦИУМА

Ключевые слова: общество, государство, концепция прав человека, развитие, правовые акты, гражданское общество, власть, традиции

Аннотация. В статье проанализированы проблемы формирования гражданского общества, зарубежный опыт и российские традиции взаимодействия власти и общества. Предложен авторский взгляд на основные проблемы, связанные с формированием гражданского общества и его институтов в современной России, их взаимоотношений с государством. Намечены пути разрешения выявленных проблем.

Реферат. Введение: концепция гражданского общества относится к одному из самых известных и ценных достижений политико-правовой мысли современности. Анализ истории возникновения элементов гражданского общества в России, уроки отечественной истории, предпосылки возникновения гражданского общества в сложных, а порой трагических взаимоотношениях государства со своим обществом могут дать истинное понимание происходящих сегодня политических процессов выстраивания диалога государственных и гражданских институтов.

ПЕТУХОВ Алексей Валентинович, доцент кафедры правовых дисциплин Мордовского государственного педагогического института, кандидат социологических наук.

ДЕМЬЯНОВ Евгений Александрович, доцент кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат социологических наук.

© Петухов А. В., Демьянов Е. А., 2016

Материалы и методы: материалом послужили работы Г. В. Ф. Гегеля, К. Маркса, общеизвестные исторические факты, а также современные исследования в области политологии. При исследовании использовался общенаучный диалектический метод познания, а также частно-научные методы познания: системно-научный, историко-сравнительный, анализа, синтеза, индукции и дедукции.

Результаты исследования: предложен авторский взгляд на основные проблемы, связанные с формированием гражданского общества и его институтов в современной России, их взаимоотношений с государством, намечены пути разрешения выявленных проблем. Определены принципы, на которых должны строиться взаимоотношение и сотрудничество власти и общества, существующие предпосылки гражданского общества в России, а также социальные структуры, чьи интересы и социальные диспозиции делают их субъектами процесса становления гражданского общества.

Обсуждение и заключения: проблема формирования гражданского общества обзревается в цивилизационном ракурсе, дающем возможность судить об универсальном потенциале данного понятия, о его принципиальной применимости к различным этнокультурным средам. Выявлены структуры и акторы гражданского общества, обладающие возможностями непосредственного влияния на политические процессы, механизмы политического представительства корпоративных интересов и функции выражения и агрегирования политических интересов общества.

Под гражданским обществом принято понимать негосударственную часть общественно-политической жизни, представляющую собой совокупность общественных отношений, формальных и неформальных структур, которые обеспечивают условия для политической деятельности человека, удовлетворение и реализацию его потребностей и интересов¹. Иными словами, это наличие у человека возможности выразить свое мнение и донести его с помощью различных общественных структур до государственной власти.

Гражданское общество является посредником между государством и рядовым гражданином. В отличие от государства, в котором преобладают вертикальные (иерархические) связи руководства и ответственности, в гражданском обществе отношения строятся в первую очередь по горизонтальному принципу сотрудничества и конкуренции. Такие социальные связи получили название «гетерархия». В настоящее время разграничить гражданское общество и государство не так просто. Многие органы власти современных демократических государств возникли из структур гражданского общества, т. е. снизу вверх.

Гражданское общество не может быть введено или установлено указом или распоряжением. Это качественное состояние жизни общества, выражающееся в устойчивом диалоге власти и граждан.

Идея гражданского общества как политического института оформилась в середине XVIII в. в качестве ответной реакции просвещенного общества на произвол абсолютной монархии. Первоначально концепция гражданского общества отталкивалась от идеи естественного права и общественного договора. Естественное право — это система правовых норм, формирующаяся из социальных отношений, независимо от государственного законодательства, а общественный договор состоит в наличии в обществе согласия между различными социальными группами на основе взаимного учета интересов.

Идеи гражданского общества тесно связаны с экономикой. Еще Г. В. Ф. Гегель отметил, что гражданское общество включает рыночную экономику как пространство свободного экономического творчества граждан². К. Маркс обратил основное внимание на противоречия внутри гражданского общества, считал его пространством борьбы социальных классов в защиту своих интересов³.

Основными институтами гражданского общества выступают общественные объединения (организации). При этом под общественной организацией понимается негосударственное добровольное объединение граждан на основе общности их целей и интересов. Главной целью общественных организаций является привлечение внимания общества и власти к проблемам и интересам своих членов. Для обозначения комплекса общественных организаций иногда используется термин «третий сектор» (первым и вторым, соответственно, являются государственные и коммерческие организации).

В России традиционно высокая роль в общественной активности принадлежит религиозным организациям, прежде всего Русской православной церкви. Это обусловлено историческими особенностями развития нашей страны с периода феодальной раздробленности, когда церковь была единственным социальным институтом, объединяющим все русское общество. Моральный авторитет Русской православной церкви и остальных традиционных религиозных организаций позволяет им активно выступать в роли посредников между властью и обществом. В то же время по

этой причине они являются постоянным объектом нападков со стороны деструктивных антигосударственных и антиобщественных сил. Главным документом, определяющим характер участия церкви в жизни государства и общества, являются Основы социальной концепции Русской православной церкви⁴.

Главной организацией, обеспечивающей взаимодействие общественных структур с органами власти является Общественная палата Российской Федерации, цель которой — координация деятельности организаций «третьего сектора», организация их взаимодействия с государственными структурами для учета потребностей и интересов граждан России, защиты их прав и свобод. Общественная палата проводит экспертизу социально значимых проектов законов и иных правовых актов, организует общественные слушания по важным для общества проблемам, привлекает общественное внимание к острым проблемам и контролирует их решение.

Обязательным условием существования в стране гражданского общества является установление в ней режима правового государства. В его основе лежит стремление подчинить все происходящие процессы фундаментальным принципам права и тем самым оградить человека от государственного произвола, гарантировать индивидуальную свободу и права личности.

Идеал правового государства, сформированный философами эпохи Просвещения, основан на признании суверенности индивида, равных прав и свобод граждан, подчиненности властей закону. Государство при этом рассматривается как результат общественного договора, т. е. соглашения между властью и гражданами относительно способов организации общественной жизни и развития общества.

Правовое государство руководствуется рядом обязательных правил, называемых принципами. В качестве таковых можно назвать следующие обязательные условия:

— господство закона во всех сферах общественной жизни. Закон обладает высшей юридической силой, остальные правовые акты, а также практика правоприменения должны ему соответствовать. Вместе с тем и принимаемые законы должны соответствовать духу и основным принципам права;

— равенство перед законом. Под ним понимается как равенство перед законом всех граждан, независимо от их статуса и положения в обществе, так и подчиненность за-

кону самого государства, которое также не имеет права нарушать законы;

— незыблемость свободы личности, ее прав, чести и достоинства. Правовое государство признает в полном объеме и не допускает ограничения и нарушения прав и свобод человека;

— независимость судебной власти. Осуществление правосудия возможно только лишь при условии, что судебная власть защищена от вмешательства в свою деятельность со стороны политических и государственных структур. Суд должен быть подчинен только букве закона;

— надзор за соблюдением законов. При этом в первую очередь имеется в виду не надзорная деятельность прокуратуры, а контроль за законностью со стороны общества в лице активистов гражданского общества.

Еще одно условие для функционирования гражданского общества — рыночная экономика. Лишь в ее рамках возникают условия, позволяющие человеку быть экономически независимым от государства. Только будучи независимым, человек может вести с государством равноправный диалог.

Распределительная экономика, а российская экономика традиционно по большей части является таковой, ставит человека в зависимость от государственной власти, что не позволяет ему говорить с ней на равных. Поэтому отношения власти и граждан в России носят четко выраженный патерналистский характер: граждане обращаются «наверх» с просьбами и жалобами, а «верхи», как заботливые родители, эти проблемы по мере возможности решают. Значительная часть россиян сегодня склонна передать решение вопросов поддержания отлаженной системы реализации базовых потребностей именно государству. Однако «сложные проблемы современного российского общества предполагают необходимость того, чтобы государство, оставаясь учреждением, одновременно развивало самоуправленческое начало в обществе»⁵.

Западное гражданское общество сформировалось в результате серии буржуазных революций, борьбы молодого капитализма с монархией. Поэтому ему свойственна идея экономического либерализма, т. е. свободная и неограниченная рыночная деятельность без вмешательства государства. Однако в современной идеологии гражданского общества

интерес к этой идее начинает доминировать над остальными ее составляющими, в первую очередь над идеей социальной защиты. Эту мысль используют в своих интересах крупные корпорации, и гражданское общество часто выступает как их инструмент, направленный на ограничение социальных функций государства. Таким образом, либерализация концепции гражданского общества может нести угрозу практике строительства социального государства. Именно это стало причиной массовых гражданских протестов в демократических странах Запада. В связи с этим следует согласиться с мнением Н. И. Изергиной и А. В. Логинова, полагающими, что в России «в перспективе целесообразно идти по пути создания смешанной модели социального государства, соединяющей характеристики социально ориентированной и либеральной моделей»⁶.

Стоит отметить, что исторический путь нашей страны отличался от условий развития западных демократий. Когда в Европе проходили процессы формирования гражданского общества, в России шел схожий процесс, который привел к иным результатам. Власть страны, борясь с элитами в лице боярства, нашла опору в широком народном представительстве, т. е. в гражданском обществе того времени, представленном земскими соборами. Они делегировали монархической власти максимальный объем полномочий в обмен на защиту от произвола аристократии. На этой основе сформировалось самодержавие, т. е. царская власть с опорой на народное представительство, направленное против социально-политической элиты общества.

В результате установления подобных отношений общества и власти в России утвердилась административная культура прямого обращения народа к высшим лицам государства. Такую культуру взаимодействия с властью можно назвать челобитной (от слова «челобитная» — в Русском государстве XV — начала XVIII в.: грамота с прошением или жалобой, подававшаяся на имя царя или местным властям). В структуре российского государства долго существовал специализированный орган для рассмотрения таких обращений — Челобитный приказ. Современная российская власть также уделяет внимание работе с обращениями и жалобами граждан, в то время как в западной традиции эту функцию выполняют общественные организации и судебные органы.

В XIX в. российская интеллигенция начала пропаганду и борьбу за слепое копирование западного политического опыта. Однако почти сразу выяснилось, что западные политические институты, в том числе институты гражданского общества, часто не соответствуют базовым принципам и политическим традициям российского общества.

Перенимая западный опыт, мы часто не берем во внимание, что гражданское общество там сложилось в двух неодинаковых формах: англо-саксонское и континентальное понимание смысла и содержание гражданского общества в значительной мере различаются. В Англии и исторически с ней связанных странах гражданское общество дополняет государственную власть и помогает ей в ее деятельности, даже в тех случаях, когда прибегает к критике. Показательно, что оппозиция в английском парламенте называется «оппозицией Ее Величества», а не «оппозицией Ее Величеству». Эта разница всего в одну букву лучше всего иллюстрирует характер гражданского общества в странах англо-саксонской традиции.

Континентальное понимание гражданского общества принципиально иное. Оно исходит из идеи конфликта и борьбы элит, классов и других политических сил за свои интересы. Один из этих конфликтов — противостояние государственной машины и рядовых граждан. В соответствии с этим задача гражданского общества в его континентальном понимании видится в получении полного контроля над государством, подчинении его своим интересам.

В России утвердилась именно континентальная модель гражданского общества. Однако в результате длительного и сложного процесса становления она приобрела резко радикальную форму: борьба с государством ведется не ради достижения каких-либо политических или экономических благ, часто она является самоцелью. В этом участвует наиболее активная часть гражданского общества. Фраза «никакого сотрудничества с государством» фактически является их девизом.

Описанная позиция в значительной степени препятствует развитию гражданского общества, однако государственная власть постоянно заявляет о его необходимости и помогает его становлению, даже в тех случаях, когда оно эту власть жестко критикует. Причина состоит в том, что при развитом

гражданском обществе власть слагает с себя значительную долю функций и ответственности за результат работы. Государство делится своими полномочиями с гражданским обществом, которое несет совместную с властью ответственность за развитие страны. В то же время российская власть не доверяет активистам гражданского общества, справедливо обвиняя их в радикализме, доходящем до предательства национальных интересов.

В заключение добавим, что в России гражданское общество развивается непоследовательно, значительная его часть неоправданно радикализована. Однако этот процесс продолжается, а здоровые силы гражданского общества получают широкую поддержку со стороны государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. напр.: Паслер О.В. Гражданское общество и государство: дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2011. URL: <http://www.dissercat.com/content/grazhdanskoe-obshchestvo-i-gosudarstvo> (дата обращения: 02.02.2016).

² См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсисянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990. С. 228.

³ См.: Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд-е 2-е. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. 1. С. 405.

⁴ См.: Основы социальной концепции Русской православной церкви. М.: Изд-во Моск. Патриархии, 2000. 158 с.

⁵ Изергина Н.И. Демократическое будущее России в представлении Ивана Ильина: методологические аспекты // Наследие. 2015. № 1. С. 55. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24303895> (дата обращения: 22.01.2016).

⁶ Изергина Н.И., Логинов А.В. Социальная политика Республики Мордовия как стабилизирующий фактор регионального процесса и становление социального государства // Истор., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2014. № 4. Ч. 2. С. 65—69. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21259901> (дата обращения: 22.01.2016).

A. V. PETUKHOV, E. A. DEMYANOV. CIVIL SOCIETY: THE RUSSIAN MODEL OF INTERACTION BETWEEN STATE AND SOCIETY

Key words: society, state, human rights concept, development, legal acts, civil society, power, traditions

Abstract. The paper analyzes the problems of formation of civil society, international experience and Russian traditions of interaction between the authorities and the society. The authors put forward their view on the main issues associated with the formation of civil society and its institutions

in contemporary Russia, their relations with the state. Ways to solve the identified problems are outlined.

Synopsis. Introduction: the concept of civil society is one of the most famous and valuable achievements of the political and legal thought of modern times. Analysis of history of emergence of civil society elements in Russia, the lessons of Russian history, the preconditions for the emergence of civil society in complex and sometimes tragic relations between the state and its society, can give a true understanding of the current political processes of establishing a dialogue between the state institutions and civil ones.

Materials and Methods: the materials used were the works of G. W. F. Hegel and K. Marx, well-known historical facts and contemporary research in the field of political science. The study employed the general scientific dialectical method of cognition, as well as specific scientific methods of cognition: the systematic and scientific, the historical and comparative ones, methods of analysis, synthesis, induction and deduction.

Results: the authors propose their own view on the main issues associated with formation of civil society and its institutions in contemporary Russia, their relations with the state, ways to solve the identified problems are outlined. The principles of building the relationship and cooperation between the authorities and society are defined, as well as the existing preconditions of civil society in Russia and social structures whose interests and social disposition make them actors of the process of civil society formation.

Discussion and Conclusions: the issue of formation of civil society was observed in the civilizational perspective giving an insight about the universal potential of this concept, about its fundamental applicability to different ethnic and cultural environments. Structures and civil society actors capable of direct influence on political processes were identified, as well as the mechanisms of political representation of corporate interests and functions of expression and aggregation of political interests of the society.

REFERENCES

¹ Pasler OV. Grazhdanskoe obshchestvo i gosudarstvo [Civil society and the state]. Stavropol; 2011. Available from: <http://www.dissercat.com/content/grazhdanskoe-obshchestvo-i-gosudarstvo> (accessed 02.02.2016). (In Russ.)

² Hegel GWF. Filosofija prava [The Legal Philosophy]. Moscow: Thought Publ.; 1990.

³ Marx K. K evrejskomu voprosu [On the Jewish Question]. Marks K., Jengel's F. Sochinenija = The Marx-Engels Reader. Moscow: State Publishing House of Political Literature; 1955. Vol. 1.

⁴ Osnovy social'noj koncepcii Russkoj pravoslavnoj cerkvi [Basics of the social concept of the Russian Orthodox Church]. Moscow: Publishing house run by the Russian Orthodox Church; 2000. 158 p.

⁵ Izergina NI. Demokrateskoe budushhee Rossii v predstavlenii Ivana Il'ina: metodologicheskie aspekty [Democratic future of Russia in views of

Ivan Ilyin; methodological aspects]. *Nasledie* = Heritage. 2015. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24303895> (accessed 22.01.2016). (In Russ.)

⁶ Izergina NI, Loginov AV. Social'naja politika Respubliki Mordovija kak stabilizirujushhij faktor regional'nogo processa i stanovlenie social'nogo gosudarstva [Social policy of Mordovia Republic as stabilizing factor of regional process and formation of social state]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice. 2014; 4(2):65—69. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21259901> (accessed 22.01.2016). (In Russ.)

PETUKHOV Aleksey Valentinovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Legal Disciplines, Mordovian State Pedagogical Institute (Saransk, Russian Federation).

DEMYANOV Evgeny Aleksandrovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

Поступила 25.03.2016.

Г. М. БАРАШКОВ

АНАЛОГОВЫЕ ФОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ИНДИИ И СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ)

Ключевые слова: аналоговая модель, гражданское общество, институты гражданского общества, демократия, демократизация, модернизация, традиционализм, кастово-джатная система

Аннотация. В статье рассматриваются аналоговые формы гражданского общества на примере Индии и стран Латинской Америки. Анализируется становление и развитие гражданского общества в этих регионах мира, его специфика и характерные черты. Показано, что формирующиеся модели гражданского общества незападного ареала обладают специфическими чертами, определяемыми особым характером цивилизационного развития этих стран.

Реферат. Введение: формирующиеся модели гражданского общества в Индии и странах Латинской Америки мира обладают функциональными особенностями, определяемыми ходом культурно-исторического развития этих стран и отличающимися их от аналогичных институтов в других регионах мира.

Материалы и методы: использованы материалы публикаций исследователей зарубежных и российских ученых, занимающихся данной проблематикой, а также материалы, основанные на собственных умозаключениях. В основе исследования лежат принципы сравнительного, структурно-функционального, системного методов.

Результаты исследования: введена методологическая новация — аналоговое гражданское общество, которая подразумевает, что в развивающейся политической системе, участвующей в цивилизационной конкуренции с другими системами, исторический опыт и накопленные ресурсы которых она намеревается использовать в своих интересах прямо, например путем привлечения идей, технологий, инвестиций, или косвенно (создавая такие же ресурсы у себя путем, например, модернизаций и социальных мобилизаций), изначально не предусмотрено органической связи между

БАРАШКОВ Григорий Михайлович, доцент кафедры политических наук Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, кандидат политических наук.

© Барашков Г. М., 2016

идеологически отрефлексированным смыслом существования этой системы, формами этого существования и функциональностью основных институтов. Смысл существования такой системы состоит в том, чтобы использовать формы, принципы, механизмы, наработанные в ходе исторического развития одних социально-политических систем, для решения именно их очень конкретных и специфических задач, а также для решения совершенно других задач, часто даже не очень конкретных.

Обсуждения и заключения: в предлагаемом контексте гражданское общество не выступает символом уникальности западной цивилизации. Реалистический учет объективных тенденций мирового развития не требует разрушения собственных цивилизационных основ, скорее, наоборот, в них на институциональном уровне должны быть встроены достижения Запада, что в итоге приведет опять к усилению культурной самоидентификации. Опыт таких государств, как Индия и страны Латинской Америки, отвергнувших вестернизацию, но в процессе модернизации превратившихся в современные общества, свидетельствует о том, что мощная корпоративность не противостоит индивидуализму, традиционная стратификация может способствовать установлению парламентского строя, а сохранение цивилизационной самобытности не препятствует эффективному экономическому развитию. В настоящее время вопрос стоит о формировании такого вида гражданского общества, который был бы адекватен современной эпохе.

На первый взгляд, вопрос о наличии и функционировании гражданского общества в незападном ареале исключает сколько-нибудь реальные мотивы для его постановки в исследовательском плане ввиду некоторых условий развития и становления этих обществ, особенно учитывая евро-американское происхождение и довольно рыхлое содержание самой концепции гражданского общества, разнообразие его моделей, характеристик гражданских организаций, сфер и направлений их деятельности, отношений с государством, рынком и т. д. Могут ли гражданские общества существовать вне западной цивилизации? Некоторые исследователи в этом сомневаются по причине связи этого понятия с особой исторической траекторией западных обществ. Построение социальных отношений на общинной, этнической или религиозной основе, как и смешение государственной и частной сфер, вроде бы должно препятствовать развитию гражданских обществ в полном смысле этого слова.

Вместе с тем при исследовании общей проблематики гражданского общества вряд ли можно исходить из существующей какой-то единой «нормативной» его модели. Это объясняется тем, что в мире сложно найти страны с

комплексом абсолютно идентичных культурно-исторических, экономических, политических и иных условий развития, которые бы укладывались в некое лекало. Есть некий набор признаков «идеального» гражданского общества, в наибольшей мере существующий в экономически и демократически развитых государствах. Страны догоняющего развития, в том числе страны Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, с разной степенью настойчивости пытаются освоить этот набор, который, накладываясь на местную специфику, порождает своеобразные формы гражданских отношений.

Есть мнение, что препятствием для становления гражданского общества в странах незападного ареала являются два фактора. Во-первых, западное происхождение этого феномена. Во-вторых, существенное различие в характере формирования общественных организаций, которые на Западе образуются на добровольной основе, а в странах незападного ареала при доминирующей роли государства¹. Между тем в западных странах, включая страны Азии и Латинской Америки, гражданское общество пробивает себе дорогу, привнося в свое содержание элементы, определяемые цивилизационной природой населения того или иного региона. Вполне успешное гражданское общество существует в ряде регионов мира, отличающихся от западных по своим цивилизационным моделям (Япония, Южная Корея, ЮАР и др.).

В странах незападного ареала формируются модели гражданского общества, которые со временем приблизятся по некоторым параметрам к «западному образцу», но в то же время будут обладать специфическими чертами, определяемыми особым характером цивилизационного развития этих стран.

Анализ традиционных обществ, вставших на путь демократизации и модернизационных преобразований позволяет сделать вывод о возникновении в них некоего нового качественного состояния, своеобразного симбиоза, в результате наложения и проникивания западных культурных начал на традиционные ценности². Процессы вестернизации влияют на традиционные общества неоднозначно: с одной стороны, они, несомненно, воздействуют на политическую культуру этих обществ, внедряя политические ценности, интегрируя их в свое политическое пространство. С другой стороны, чем больше признаков вестернизации наблюдается в поли-

тической жизни таких регионов, тем больше сопротивления традиционному западному влиянию. Такая ситуация вызывает вопрос «Чего в таких обществах хотят больше — демократии или достойной жизни?». Вместе с тем Дж. Коэн и Э. Арато предполагают, что демократия никогда не может быть полностью институционализирована и что процесс демократизации бесконечен³.

Н. И. Шестов, исследуя политическую культуру, отмечает, что на современном этапе на передний план в ней все более выходят универсальные, «общечеловеческие» идеи и ценности. «Но не они в конечном итоге определяют специфику развития национального политического процесса. Они, скорее, создают некоторый “цивилизационный фон”, в сравнении с которым, корректируется структура и содержание идейного обеспечения современных политических процессов в различных государствах. В гораздо большей степени упомянутая специфика предопределена массивом так называемых социально-мифологических представлений о политической реальности. Они, эти представления, создают неповторимую историческую и национальную окраску политической культуры и в известной мере ее своеобразное внутреннее качество»⁴. Сказанное как нельзя точно характеризует политические процессы в традиционных обществах, привнося в них особенность и неповторимость, в частности в формировании и функционировании гражданского общества.

Исследуя становление и развитие институтов гражданского общества в Индии, следует отметить некую двойственность индийского политического сознания и процесса, явившуюся результатом пребывания Индии долгое время в качестве британской колонии. Именно поэтому в формальном плане «Индия во многих отношениях воспроизводит элементы политико-правовой организации западных обществ (парламентаризм, политические свободы, юридическое равенство прав). Но на низовых и повседневных уровнях своей социополитической жизнедеятельности Индия руководствуется иными началами»⁵, которые остались прежними, образуя основные параметры индийской микрополитики. Такая ситуация сложилась потому, что индийское общество разбито на множество каст, каждая из которых имеет свою идентичность. Именно кастово-джатная система, малые локальные общности выступают в качестве основы индийской

политики на неформальных уровнях⁶. Взаимоотношения и взаимодействия между кастово-джатными группами по широкому спектру индийской политики, будь то организация коалиционного правительства либо формирование местных элит и т. д., являются определяющими и образуют основные параметры индийских социально-политических отношений.

Заимствованная у Запада партийно-политическая система в Индии во многом является основой развития институтов гражданского общества. Среди функций этой системы, имеющих непосредственное отношение к гражданскому обществу, можно выделить две наиболее важные.

Во-первых, партийно-политическая система достаточно эффективно обеспечивает интеграцию различных уровней (местный, штатовский, федеральный) поляризованного гражданского общества. Интеграционная функция реализуется в двух плоскостях — по вертикали, т. е. сопряжение общенациональных общественно-политических процессов с соответствующими процессами в штатах и дистриктах, и по горизонтали — сведение многочисленных этнических, социальных, конфессиональных и иных групп в единую национально-территориальную общность, поддерживаемую в равновесии общезначимыми и общепринятыми нормами, принципами, ценностями, регулирующими межличностные отношения.

Во-вторых, как часть организационно-институциональной инфраструктуры гражданского общества партийно-политическая система своей деятельностью обеспечивает непрерывное и «естественное» пополнение и обновление политической элиты. В ходе политического процесса происходит спонтанное выдвижение на руководящие позиции в партиях и государстве наиболее деятельных, одаренных и профессионально подготовленных политиков. Значение этого обновления элит многократно возрастает в условиях перехода общества к более зрелой модели экономического роста и к более усвершенствованной системе организации социально-политического пространства.

Будучи одним из важных институтов гражданского общества, политические партии поддерживают непрерывность политического процесса, обеспечивая устойчивую связь между государством и обществом. В частности, расширяя пространство публичного политического процесса, индийские

партии пытаются уменьшить отчуждение между «периферийными» группами населения («зарегистрированные» племена, хариджаны, сельскохозяйственные рабочие, деклассированные элементы и группы в городах) и властвующей элитой. Более того, в Индии появляются партии, притязавшие на представительство интересов социально ущемленных сегментов общества, играющие все более активную роль в общенациональной расстановке социально-политических сил. Способствуя преодолению возникающих противоречий в обществе, политические партии совершенствуют механизмы реагирования на вновь возникающие претензии к власти, повышают общий потенциал разрешения конфликтов. Как следствие, правящая элита Индии, как правило, предпочитает политическое решение любого конфликта силовым методам выхода из кризисных ситуаций. Действуя сообразно законам открытой, публичной политической жизни, индийские партии выступают и как сознательная сила политической социализации, внедряя определенные ценности в сознание индийского общества посредством политических технологий и диалога политиков с электоратом.

Очевидно, включение новых массовых групп в современный политический процесс создает фундамент политической стабильности в обществе, резко отличающемся от «западного» по таким базовым характеристикам, как: неравномерность распределения национального дохода между социальными группами, перепады в уровне социально-экономического развития регионов Индии, глубокие различия в образе жизни и в мотивациях хозяйственной деятельности у социально-профессиональных, национально-этнических и конфессиональных общностей Индостана.

Исследуя гражданское общество в странах Латинской Америки, необходимо отметить ряд ключевых факторов, которые повлияли на формирование политической культуры латиноамериканского общества и, как следствие, создали некую матрицу процессам гражданской самоорганизации и модель взаимодействия государства и общества. Подчеркнем, что «в основе латиноамериканской политической культуры лежат три составляющие: цивилизации доколумбовой эпохи, испано-португальский католицизм и стремление к обновлению»⁷. Важным звеном в структуре гражданского общества латиноамериканских стран выступали низовые христиан-

ские общины, занимавшие не только просветительством населения, организацией экономической помощи в периоды ухудшения экономической ситуации, но и правозащитной, и политической деятельностью, особенно в странах с недемократическими политическими режимами.

Однако в странах Латинской Америки в качестве основы отношений принята доминирующая роль государства по отношению к обществу. Это восходит к католической идее «органического государства»⁸, способствовавшей формированию и укоренению корпоративистских тенденций в сочетании с испанской колониальной традицией и наследием индейских цивилизаций ацтеков и инков. В XIX — начале XX в. эта традиция была несколько нарушена. У власти оказывались либо слабые олигархические демократии, либо военные диктатуры. Однако в 1930-х — 1950-х гг. популистские режимы воплотили государственно-центричную матрицу развития в Латинской Америке в наиболее полном и законченном виде⁹.

Суть популизма заключалась в желании государства интегрировать общество при активном государственном вмешательстве. В политическом плане это предполагало доминирующую роль государства в решении всех вопросов, включая воспроизводство порядка смены формы организации политической жизни. Может создаться впечатление, что современный популизм идейно близок органической государственности и продолжает ее традиции. Однако органическая теория генезиса государственного порядка исключает проявление любых несанкционированных общественных инициатив в политической жизни, т. е. того, что лежит в основе популизма. Логичнее это представить не как развитие одной базовой традиции, а как череду попыток в определенных политических ситуациях возвести конкретные способы решения частных политических проблем в ранг базовой традиции и принудить общество (отсюда и устойчивая сила государственных институтов при всех изменениях режимных характеристик государственной власти) вопреки многообразию и сложности собственного исторического опыта относиться к ним именно как к вековой традиции, отменить которую, впрочем, можно, если установить на месте одной военной диктатуры другую¹⁰.

В социальном плане это предполагало «включение», инкорпорирование городских трудящихся и средних слоев с помощью активной социальной и перераспределительной политики и создания «сверху» корпоративных структур, охватывающих наиболее активную часть народных масс сетью государственных и полугосударственных организаций¹¹.

В странах Латинской Америки одним из базовых элементов гражданского общества выступают профсоюзы. Однако роль последних в его становлении и развитии отличается от таковой в развитых странах Запада. Это касается и отношений профсоюзов с государством. По общему правилу, чем более узкий, «элитарный» характер имели профсоюзные организации, объединяя лишь наиболее квалифицированных для своего времени рабочих, тем более свободными, добровольными и автономными от государства они были. Напротив, профсоюзы, распространявшие блага организации на огромные массы новых, неквалифицированных наемных трудящихся, были по большей части зависимы от государства (часто непосредственно созданы им), политически подчинены правящей партии и ее лидеру. К первому типу относятся профсоюзные организации, возникшие в конце XIX — начале XX в. в наиболее развитых странах континента — Аргентине, Чили, Уругвае — в среде «анклавного» рабочего класса горнодобывающих отраслей и городских рабочих-иммигрантов, занятых в обрабатывающей промышленности. Эти профсоюзы часто складывались в ходе прямого противостояния государственным репрессивным структурам, непосредственно защищавшим интересы предпринимателей.

Профсоюзы начала XX в., безусловно, были частью зарождавшегося гражданского общества, сферы публичной деятельности, автономной от государства и правящей олигархии. Несмотря на «элитарный», «очаговый» характер, эти профсоюзы добились в первые десятилетия XX в. значительных успехов в защите экономических и социальных интересов наемных трудящихся в целом: законодательного введения восьмичасового рабочего дня, воскресного отдыха и отпуска для рабочих.

Деятельность профсоюзов, их местных организаций, тесно связанных с новыми социальными движениями в среде маргинального населения, с низовыми христианскими общинами и левым крылом католической церкви, резко ускорила

формирование гражданского общества в Бразилии. По сути, до 70-х гг. XX в. можно было говорить лишь об отдельных, крайне неустойчивых элементах этого общества, некоторых выдающихся личностях и институтах, пытавшихся действовать автономно по отношению к авторитарному государству. С конца 70-х — начала 80-х гг. XX в. старые и новые элементы соединяются в единое гражданское общество, возникновение которого ускорило падение военно-авторитарного режима и переход к демократическому правлению в 1985 г.

С точки зрения перспектив становления и развития гражданского общества в Латинской Америке тип государственных и полугосударственных профсоюзов, на первый взгляд, должен быть оценен как контрпродуктивный. Дело в том, что из независимых, отстаивающих интересы трудящихся организаций, составляющих важный элемент в структуре гражданского общества, профсоюзы, по сути, инкорпорировались в государственный механизм, оказавшись его составной частью.

Однако такая, однозначно негативная, оценка рассматриваемого процесса даже под углом зрения формирования гражданского общества была бы неполной и неверной. Проблемой, наиболее остро вставшей в эти годы, оказалась сложность взаимоотношений масс, силою экономического развития вовлекаемых в политику (к которой они раньше не имели доступа), и институтов гражданского общества, которые носили узкий, элитарный характер. Аргентинские профсоюзы первой трети XX в. были свободными от опеки государства, но закрытыми для массы новых, неквалифицированных рабочих.

Модель корпоративного государства, которую пытались воплотить латиноамериканские популистские режимы, была наиболее оптимальной и реализуемой формой объединения общества, учитывая преобладающую политическую культуру и масштабы социальной маргинализации населения. Несомненно, политика популистского государства ослабила гражданское общество, но в то же время способствовала созданию системы политических и социальных институтов, которые в последующие годы стали важной составляющей гражданского общества и придали ему новое качественное состояние.

Анализ функционирования гражданского общества в развивающихся странах, вставших на путь демократизации и модернизационных преобразований, показывает, что становление и развитие такого общества невозможны без упорядочения самого этого процесса, введения его в институционализированные экономические, политические и духовно-идеологические рамки. Важным структурообразующим фактором гражданского общества выступает государство. Роль последнего в процессе сложения основ гражданского общества выше, чем влияние государства на развитие гражданских отношений на этапе становления индустриального способа производства в Западной Европе.

Есть еще один аспект становления гражданских отношений в «незападных» обществах. Роль государства в развитии экономических основ гражданского общества проистекает и из включенности страны в мировую систему, где основные тенденции задаются научно-технической революцией. Мировой системный «демонстрационный эффект» требует от развивающихся обществ постоянного обновления материально-вещественной и технологической инфраструктуры производства, повышения эффективности всего экономического механизма. Фактически государство выступает мощным стимулятором модернизации в условиях включенности страны в отношения с высокоразвитыми социально-экономическими системами.

Объективная роль государства в становлении гражданского общества реализуется в комплексе мер, преследующих политические и экономические цели. К политическим можно отнести создание необходимых условий укрепления системы представительной демократии, регулирование отношений между различными классами и социальными группами, минимизацию социального напряжения в обществе путем проведения активной экономической политики. В сфере экономических отношений это расширение государством социального пространства гражданского общества в процессе перераспределения ресурсов, политика ценообразования и протекционизма.

Сохраняющаяся относительная самостоятельность от основных классов позволяет государству стимулировать политическую «унификацию» различных национально-этнических и социально-политических общностей. Подобная унификация обозначает формирующееся гражданское общество, состав-

ляющие которого сохраняют исторически унаследованную лингвистическую и культурную самоидентификацию и одновременно лояльны общенациональным ценностям-символам.

Таким образом, исследования современного состояния социально-политических систем, особенно гражданских обществ Индии и стран Латинской Америки, позволяют сделать вывод о том, что институты гражданского общества в странах этих регионов не просто копируются у западных обществ и затем экстраполируются на свое политическое пространство, но и, соприкасаясь с местными культурно-историческими традициями и особенностями политического процесса, приобретают своеобразие новых моделей, суть которых заключается в реализации собственных задач общественного и государственного управления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Степин В.С. Гражданское общество, правовое государство и право // *Вопр. философии*. 2002. № 1. С. 24—25.

² См.: Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // *Полит. Полит. исслед.* 2004. № 4. С. 6—27. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=9164394> (дата обращения: 15.11.2015).

³ См.: Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория / пер. с англ.: И.И. Мюрберг и др.; общ. ред. И.И. Мюрберг. М.: *Весь Мир*, 2003. 784 с. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19653466> (дата обращения: 10.10.2015).

⁴ Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде / под ред. А.И. Демидова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 7. URL: http://www.ino-center.ru/doc/Politicheskij_mif.pdf (дата обращения: 19.12.2015).

⁵ Шестов Н.И., Барашков Г.М. Гражданское общество и его аналоговые формы // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Социология. Политология*. 2011. Т. 11. Вып. 2. С. 76. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16816256> (дата обращения: 25.12.2015).

⁶ См.: Политические системы и политические культуры Востока / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России; под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Восток-Запад, 2006. С. 399. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24187057> (дата обращения: 25.12.2015).

⁷ Шестов Н.И., Барашков Г.М. Гражданское общество и его аналоговые формы. С. 76.

⁸ См.: Ворожейкина Т.Е. Государство и общество в России и Латинской Америке // *Обществ. науки и современность*. 2001. № 6. С. 8. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/446/384/1217/002wOROVEJKINAx20t.e..pdf> (дата обращения: 20.01.2016).

⁹ Там же. С. 9.

¹⁰ Шестов Н.И., Барашков Г.М. Гражданское общество и его аналоговые формы. С. 76—77.

¹¹ Там же. С. 76.

**G. M. BARASHKOV. ANALOG FORMS OF CIVIL SOCIETY
(THE CASE STUDY OF INDIA AND LATIN AMERICAN COUNTRIES)**

Key words: analog model, civil society, civil society institutions, democracy, democratization, modernization, traditionalism, jati caste system

Abstract. The paper deals with the analog forms of civil society exemplified by India and Latin American countries. Formation and development of civil society in these regions of the world are analyzed as well as their specificity and characteristic features. It is shown that the emerging models of civil society in non-Western nations have their own specific features determined by the special nature of civilizational development of these countries.

Synopsis. Introduction: the emerging models of civil society in India and Latin American countries have their specific features and functionalities defined by the course of historical and cultural development of these countries which distinguish them from similar institutions in other regions of the world.

Materials and Methods: the materials used are the research papers by foreign of and Russian scientists dealing with this issue, as well as materials based on the author's conclusions. The study is based on the principles of the comparative, structural and functional methods, as well as the systematic one.

Results: the study introduced a methodological innovation of the analog civil society, which implies that in a developing political system participating in a civilizational competition with other systems historical experience and accumulated resources which it intends to use in its own interests directly, for example, by involving ideas, technologies and investments, or indirectly (by creating the same resources, for example, by means of modernization and social mobilization) no organic connection is stipulated between the ideologically reflected *raison d'être* of this system, the forms of its existence and functionality of the main institutions. The *raison d'être* of such a system is to use the forms, principles and mechanisms developed in the course of historical development of certain socio-political systems to solve them, the very concrete and specific tasks, to solve other tasks which often are not very specific.

Discussion and Conclusions: in the proposed context, civil society is not a symbol of uniqueness of the Western civilization. Realistic consideration of the objective tendencies of development does not require destruction of the cultural foundations, rather on the contrary, at the institutional level, the achievements of the West must be integrated which will eventually lead to strengthening of cultural identity. The experience of India and Latin American countries, which rejected Westernization but modernized and turned into modern societies, suggests that powerful corporatism is not opposed to

individualism; traditional stratification may contribute to the establishment of a parliamentary system, and preservation of civilizational identity does not impede effective economic development. Currently, formation of a civil society adequate to the modern era is topical.

REFERENCES

¹ Stepin VS. Grahdanskoe obshhestvo, pravovoe gosudarstvo i pravo [Civil society, legal state and law]. *Voprosy Filosofii* = Problems of Philosophy. 2002; 1:24—25.

² Karl TL, Schmitter Ph. Demokratizacija: koncepty, postulaty, gipotezy (razmyshlenija po povodu primenimosti tranzitologicheskoy paradigmy pri izuchenii postkommunisticheskikh transformacij) [Concepts, Assumptions and Hypotheses about Democratization (Reflections on Applicability of the Transitological Paradigm for the Study of Post-Communist Transformations)]. *Polis. Politicheskie issledovanija* = Polis. Political Studies. 2004; 4:6—27. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=9164394> (accessed 15.11.2015). (In Russ.)

³ Cohen J, Arato E. Grahdanskoe obshhestvo i politicheskaja teorija [Civil society and political theory]. Moscow: The Whole World Publ.; 2003. 784 p. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19653466> (accessed 10.10.2015). (In Russ.)

⁴ Shestov NI. Politicheskij mif teper' i prezhde [Political myth is now and before]. Moscow: OLMA-PRESS; 2005. Available from: http://www.ino-center.ru/doc/Politicheskij_mif.pdf (accessed 19.12.2015). (In Russ.)

⁵ Shestov NI, Barashkov GM. Grahdanskoe obshhestvo i ego analogovye formy [Civil society and its analog forms]. *Izvestija Saratovskogo Universiteta. Novaja serija. Serija: Sociologija. Politologija* = Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology. 2011. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16816256> (accessed 25.12.2015). (In Russ.)

⁶ Politicheskie sistemy i politicheskie kul'tury Vostoka [Political systems and political cultures of the East]. Moscow: East West Publ.; 2006. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24187057> (accessed 25.12.2015). (In Russ.)

⁷ See reference number 5 in the list of References.

⁸ Vorozhejkina TE. Gosudarstvo i obshhestvo v Rossii i Latinskoj Amerike [State and society in Russia and Latin America]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* = Social Sciences and the Present. 2001. Available from: <http://ecsocman.hse.ru/data/446/384/1217/002wOROVEJKINAx20t.e..pdf> (accessed 20.01.2016). (In Russ.)

⁹ Ibid.

¹⁰ See reference number 5 in the list of References.

¹¹ Ibid.

BARASHKOV Grigory Mikhailovich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Political Sciences, Saratov State University (Saratov, Russian Federation).

Поступила 31.03.2016.

**А. А. ТОКАРЕВ БУДУЩЕЕ ДОНБАССА:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
РОССИЙСКОГО, ГРУЗИНСКОГО
И МОЛДАВСКОГО ОПЫТА РЕШЕНИЯ
ПРОБЛЕМ С СЕЦЕССИЯМИ**

Ключевые слова: сецессия, постсоветское пространство, Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Донбасс, Чечня

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, влияющие на сецессии в Донбассе. Отмечено, что дать точный прогноз их развития невозможно, так как институциональная структура и ценностная система в самопровозглашенных республиках не устоялась. В исследовании предпринят анализ трех стратегий материнских государств по борьбе с сецессиями, чтобы сравнить их с украинским случаем и спрогнозировать, какое направление может выбрать официальный Киев, учитывая объективные внутренние и внешние условия конфликта, а также интересы всех его акторов.

Реферат. Введение: три стратегии по борьбе с сецессиями (российская, грузинская и молдавская) различаются не только по степени успешности (Абхазия и Южная Осетия — частично признанные государства, ПМР — де-факто государство, Чечня — неотъемлемая часть России), но и конкретными политиками, выбранными материнскими государствами. Россия последовательно отстаивала вариант по возвращению де-юре своей территории, военным путем вытесняя боевиков, чтобы в дальнейшем делать историю успеха со значительными вложениями и опорой на местные кланы. Грузия, наоборот, начала реформировать только ту часть страны, которая была подконтрольна официальному Тбилиси, надеясь, что сецессии завершатся вне военного конфликта, эскалация которого оказалась безуспешной для грузинского государственного и национального строительства. Молдавия выбрала третий, промежуточный путь «ни признания, ни войны», не обладая ни уровнем российских финансов, ни степенью консолидации грузинского общества в отношении необходимости реформ.

Материалы и методы: в основе статьи лежат полевые исследования автора в Донецке, Луганске, Дебальцево и Горловке, проведенные в феврале 2016 г. Методы глубинного интервью с 15 респондентами (ополченцами, представителями академического сообщества, политической и бизнес-элиты,

ТОКАРЕВ Алексей Александрович, старший научный сотрудник Центра глобальных проблем Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кандидат политических наук.

© Токарев А. А., 2016

общественными деятелями) и включенного наблюдения позволили получить уникальный материал, недоступный в рамках «кабинетного» исследования. Автор проводит сравнительный анализ казусов Донбасса с приднестровским, чеченским, абхазским и юго-осетинским случаями.

Результаты исследования: несмотря на изменение позиции России как государства-патрона и отказ от реализации проекта «Новороссия», сохраняющееся признание формальных украинских границ при негласной поддержке государственного и военного строительства в Луганской и Донецкой народных республиках, нынешнее состояние массового сознания жителей непризнанных республик являются основными препятствиями для реинтеграции территорий и обществ Украиной и для выполнения соглашений «нормандской четверки» «Минск-1» и «Минск-2».

Обсуждение и заключения: на основании полтора десятков глубинных интервью с жителями Донбасса сделан вывод, что современное состояние массового сознания жителей Луганской и Донецкой народных республик является основным препятствием для реинтеграции территорий и обществ Украиной и для выполнения «Минска-1» и «Минска-2».

Все постсоветские сецессии, как завершившиеся формированием де-факто государств, так и неудавшиеся, имеют принципиально различный характер. Они разнятся по степени эффективности внутреннего суверенитета, внешнего признания, зависимости от государства-патрона и многим другим признакам. Сейчас, всего через два года после начала конфликта на юго-востоке Украины, типологизировать сецессии в Донбассе крайне сложно, поскольку даже институциональный уровень их государственности испытывает значительные изменения едва ли не каждый месяц, не говоря уже о неукорененности той или иной ценностной системы и модели политического поведения. Вместе с тем, исследуя уже завершившиеся сецессии, мы можем сравнить факторы, влияющие на них в выбранных постсоветских государствах, и в зависимости от стратегий материнского государства и государства-патрона попытаться дать прогноз будущего развития Донецкой народной республики (ДНР) и Луганской народной республики (ЛНР). По состоянию на апрель 2016 г. ДНР и ЛНР не признаны ни одним членом ООН. При этом они, очевидно, являются государствами де-факто, осуществляя управление на обозначенной ими территории.

Для анализа мы выбрали четыре региональные единицы принципиально разного порядка и степени автономности, отвечающие двум признакам: сепаратистская территория вела боевые действия против материнского государства;

вооруженный конфликт завершен, а вероятность его повторения в ближайшие годы крайне мала. Первый пункт требует пояснений: и Приднестровье, и Чечня (в варианте террористической организации-государства Ичкерия), и Абхазия, и Южная Осетия вели боевые действия против правительств тех стран, в состав которых они входили по состоянию на момент распада СССР. Второй пункт позволяет диверсифицировать рассматриваемые казусы гораздо сильнее. Абхазия и Южная Осетия являются признанными Россией членами мирового сообщества. Уровень их признания, безусловно, крайне низок, но не является предметом настоящего исследования. Приднестровье представляет собой де-факто государство, в смысле национального, государственного строительства и функционирования суверенной экономики, пожалуй, самое успешное из всех постсоветских казусов. Во всех трех политиях находятся российские войска (в Приднестровской Молдавской Республике (ПМР) — с миротворческим мандатом) — именно они являются важнейшим фактором стабильности вокруг частично признанных государств. Чечня является неотъемлемой частью России, чья сецессия оказалась самой неудачной из всех начавшихся. Таким образом, в отношении четырех рассматриваемых казусов можно сделать вывод о том, что, несмотря на всю непохожесть их развития, военный конфликт в настоящее время вокруг них невозможен. Именно поэтому мы анализируем опыт таких разных политий, сопоставляя его с нынешними условиями развития конфликта в Донбассе.

В отношении максимально объективных условий развития любого вооруженного конфликта — географических — ДНР и ЛНР более всего похожи на Южную Осетию. Если соотносить государственные границы с природными, то в одной группе окажутся ПМР и Абхазия, в другой — все остальные. Днестр естественным образом отделяет территорию Приднестровья от Молдавии. За вычетом двух исключений: на правом берегу расположен город Бендеры, вокруг которого и развернулся конфликт в 1992 г. В районе Дубоссар приднестровские и молдавские села как бы поменялись местами (приднестровские на правом берегу, молдавские на левом), р. Ингури представляет собой естественное препятствие между Абхазией и Грузией, р. Псоу и Большой кавказский хребет — между Абхазией и Россией. Северная, равнинная

часть Чечни во время двух войн в 1990-е гг. относительно контролировалась федеральными войсками, а форсирование Терека не представляло для них особого труда. Только Грозный, в котором с успехом велась партизанская война, и горы представляли собой препятствие для восстановления конституционного контроля. Наконец, Южная Осетия самой природой «подталкивается» в лоно Грузии. С дружественной Россией республику связывают лишь две нитки Рокского тоннеля, путешествие через который дает понять всю ничтожность этой связи и явную опасность для страны в случае блокады тоннеля по естественным или искусственным причинам. Граница Южной Осетии и Грузии проходит не по географически рубежам, а часто по селам, в результате чего постоянно происходят крайне раздражающие грузинское общество и элиты инциденты. В условиях отсутствия природных рубежей граница остается постоянным источником напряженности, чему особенно способствуют действия ФПС ФСБ России по передвижению демаркационной линии. Искусственно созданная еще большевиками граница Южной Осетии дает постоянный повод грузинским элитам не воспринимать страну всерьез, дискурсивно используя официальные для грузинского истеблишмента понятия «бывшая юго-осетинская автономная область», «регион Шида-Картли» или «Цхинвальский регион». Кроме того, Южной Осетии как таковой не существует в грузинском конституционном пространстве: ее территория разделена между четырьмя краями (в отличие от Абхазии, наравне с Аджарией, остающейся автономной республикой по конституции Грузии).

Похожая ситуация складывается в Донбассе. Ополченцы и ВСУ разделяются не естественным барьером и даже не границами бывших Донецкой и Луганской областей. С одной стороны, линия разграничения закреплена в обоих документах, подписанных в «нормандском формате», для краткости называемых «Минск-1» и «Минск-2», с другой — обе стороны противостояния постоянно испытывают соблазн изменить линию разграничения в свою пользу. В республиках в дискурсе элит периодически воспроизводится устойчивое выражение «дойти до границ областей», что необходимо для поддержания милитаристских настроений. Напротив, украинская сторона, стремящаяся восстановить контроль над своей территорией, использует любую возможность,

чтобы сократить территорию, контролируемую ДНР и ЛНР, и «прижать» ополченцев к российско-украинской границе. В марте 2016 г. ВСУ придвинулись вплотную к Ясиноватской развязке, стремясь отсечь от Донецка Горловку, хотя еще в феврале на трассе Донецк — Горловка стояли посты ополченцев. Учитывая пример Южной Осетии, сложная ситуация с несовпадением государственных границ с географическими не является препятствием для существования де-факто государств. Но, во-первых, для этого необходима жесткая воля государства-патрона. Во-вторых, если измерять течение конфликта не годами, а десятилетиями, география будет «работать» на возвращение донбасских республик и Южной Осетии в состав Украины и Грузии соответственно.

Общая граница с государством-патроном еще сильнее влияет на успехи суверенизации. Патрон может делать проницаемой границу государства, в которое формально входит желаемая отделиться территория, переправляя через нее технику, вооружения, людей и товары. Так действовали Армения в Нагорном Карабахе и Россия в Южной Осетии, Абхазии и на Украине. Низкий уровень консолидации границ является критичным для выживания материнского государства, даже если против не играет конкретное государство-патрон. Слабо контролируемый чеченский участок российско-грузинской границы в 1990-е гг. активно использовался террористами для ухода из России на территорию грузинского Панкисского ущелья, бывшего местом отдыха и пополнения запасов. Отсутствие общей границы России и ПМР — основной фактор угрозы безопасности Приднестровья: как военной, так и экономической. Проницаемая общая граница с патроном является критическим условием для выживания ДНР и ЛНР. В независимом от Украины качестве они будут существовать ровно до тех пор, пока Украина не контролирует российско-украинскую границу.

Важной исторической ценностью для успешного завершения гонки за суверенитет для большинства новых государств в XX в. был статус автономии, наделявший их большими правами по отношению к центру по сравнению с окружающими регионами. Американский политолог Ф. Редер предложил понятие «государство-сегмент», на базе которого институционализируется новое государство. По его подсчетам, из 177 новых государств, появившихся с 1901

2000 г., 153 (86 %) являлись государствами-сегментами до получения независимости¹.

ДНР и ЛНР не имели автономии до начала суверенизации. Попытки равных в правах с другими регионами Украины Донецкой и Луганской областей провести в 1994 г. референдум о федерализации были нивелированы судом и Генеральной прокуратурой Украины. Последний раз высокий уровень автономии можно было найти на этих территориях почти 100 лет назад в рамках Донецко-Криворожской республики, границы которой вовсе не идентичны границам ДНР и ЛНР. В феврале 2016 г. элиты ДНР активно использовали информационный повод 98-летия со дня установления Донецко-Криворожской для продвижения национального нарратива о «независимости ДНР, которая уходит корнями в историю». Несмотря на официальное «закрытие» проекта «Новороссия» со стороны кремлевских идеологов и его сторонников в ДНР и ЛНР, иностранные гуманитарии рассматривают национальное строительство в Донбассе по-прежнему в рамках националистического нарратива и апелляции к советскому прошлому и православию². При распаде СССР ни одна из этих политий не стремилась повысить свой статус до автономного при условии «развода» с Москвой собственной столицы, в отличие, например, от Абхазии, Южной Осетии и ПМР. Декларируя необходимость разрыва с Киевом и вхождение в состав России или создание Новороссии, Донецк и Луганск не учитывают отсутствие институциональной традиции существования вместе с Москвой за последние 23 года.

ДНР и ЛНР не являются образованиями, имеющими этническую и лингвистическую основу. Обе самопровозглашенные республики объективно лишены важнейшего инструмента легитимации сепаратистских проектов³. В отличие от прочих политий, их лидеры не могут апеллировать к существованию особой этнической общности с отдельным языком в рамках границ. Административный фронтир, доставшийся в наследство от Киева, — единственный инструмент оправдания функционирования конкретно ЛНР и ДНР⁴. Русские, русскокультурные и русскоязычные люди живут далеко за пределами республик. Апелляция к русской крови, истории и языку имела больший смысл для Новороссии, условно отделявшей украинское население от

русского (но и в этом случае этнические и лингвистические границы крайне размыты)⁵. У идеологов ЛНР и ДНР отсутствует монополия на этничность, которая, например, была у Республики Абхазия (РА) — для абхазов, у Республики Южная Осетия (РЮО) — для осетин, у Чеченской Республики Ичкерии (ЧРИ) — для чеченцев. Дискурс лидеров Донбасса строится вокруг цели «дойти до границ областей» или «борьбы с карателями»⁶, что, конечно, несравнимо по силе влияния на массовое сознание с «построить свое чеченское государство» или «избавиться от грузинского ига».

Несмотря на утверждения российских федеральных телеканалов о притеснениях русского языка на Украине, сецессия Крыма и последовавшая война на юго-востоке привели к утрате Россией монополии на русскость в массовом сознании граждан Украины. Базисный стереотип, сформированный после государственного переворота в Киеве в феврале 2014 г., описывается фразой «майданные власти запретили русский язык». Принятый накануне парламентских выборов — 2012 в популистских целях закон депутатов «Партии регионов» Колесниченко — Кивалова от 2012 провозглашал русский одним из 11 региональных языков. Когда новые нелегальные киевские власти захотели отменить этот закон, безусловно массовым сознанием рассматривавшийся как «закон о русском языке», ОБСЕ послала им сигнал, и председатель парламента и и. о. президента Украины А. В. Турчинов не подписал постановление Рады об отмене закона. Закон действует до сих пор. Политическое украинство, при котором этническую и даже национальную идентичность гражданина можно определять как русскую, больше не является антирусским (безусловно, в несколько раз увеличив свой антироссийский нарратив). Как говорил один из командиров бригады армии ДНР в беседе с автором в феврале 2016 г., «эфирные переговоры, которые мы перехватываем, идут на русском. Большая часть сражающихся против нас — русские, которые лояльны украинскому государству, потому что прежде всего рассматривают Россию как государство-агрессор». Русский язык и русская этничность более не являются политическими маркерами внутри территории, подконтрольной Киеву, как это было, например, во время «оранжевой революции» и до начала «революции достоинства». В связи с этим элиты республик

лишены апелляции к лингвистическому компоненту в стиле ««укропы» запрещают русский язык». Кроме того, жители соседних с ДНР и ЛНР областей говорят по-русски и по большому счету являются носителями того же культурного кода, что и жители самопровозглашенных республик. Искусственно сформированная линия разграничения не совпадает с культурно-лингвистическим разделением регионов Украины. Это является дополнительным препятствием для успешной сецессии Донбасса. Под критерием наличия собственного языка мы понимаем не монопольное его использование в изучаемых регионах (в РЮО говорят на грузинском, в ЧРИ использовали в том числе русский, в Гальском районе РА живут абхазские грузины и т. д.), а обладание им титульным этносом. Соответственно, наличие такого этноса полностью определяет лингвистический критерий. ЧРИ, НКР, РЮО и Абхазия в отличие от ПМР, ЛНР и ДНР являются институционализированными вокруг чеченцев, армян, осетин и абхазов с их языками соответственно. ПМР в данном случае исключение: уникальный опыт республики состоит в мирном сосуществовании русских, молдаван и украинцев с тремя языками и попытками сформировать надэтническую идентичность «я — приднестровец».

Однако попытки силовой реинтеграции территорий, напротив, работают на сохранение и развитие сецессионистских устремлений. В ряде случаев сложно сказать, кто является жертвой, а кто — агрессором. Например, в абхазском и грузинском постсоветском национальном строительстве есть свои мифы о войне 1992—1993 гг. Абхазы вспоминают трагедию со сбитым у с. Латы вертолетом, грузины — зверства «басаевских янычар». В нескольких случаях военные действия материнского государства не просто не препятствовали сецессии, а, напротив, работали на сплочение политической нации внутри сецессионистских проектов на основе общей для всех ценности противодействия внешнему врагу (так было в ПМР, РА и РЮО). Грань, отделяющую готовность государства защищать свою территориальную целостность от шовинистских действий того же государства по подчинению этноса, встраиваемого в национальный проект большинства, определить невозможно. В любом случае в формирующийся национальный нарратив Донбасса уже включены концепты «укропов», «нациков», «карателей из добробатов» — всех

тех, кто участвует в обстрелах, в том числе жилых кварталов городов и поселений. Наши респонденты из Донецка, Горловки и Луганска в глубинных интервью отмечают, что именно обстрел со стороны украинских ВСУ жилых кварталов (необходимый украинским силовикам, в том числе для подавления огневых позиций ополчения) стал для них «точкой невозврата».

Среди постсоветских вариантов завершения сецессий можно выделить три стратегии: противоположные российский и грузинский варианты и промежуточный молдавский. Во всех трех случаях взаимоотношения сецессий (включая переставшие быть таковыми политии) с материнскими государствами не предполагают в ближайшей перспективе активных боевых действий.

Стратегии В. В. Путина в отношении Чечни и М. Н. Саакашвили в Панкиси, Абхазии и Южной Осетии были в целом похожи: подавление международного терроризма (в России — собственными силами, в грузинском Панкисском ущелье — при помощи американцев в рамках антикриминальной операции), попытки введения внешнего управленческого контроля, совмещенного с сохранением местных лояльных элит, культурная реинтеграция. Разница оказалась видна в деталях. Если Кремлю удалось сформировать широкую базу поддержки федерального центра на основе кланов Кадыровых и Ямадаевых, перешедших на сторону России бывших участников НВФ, то ставленника М. Н. Саакашвили в Южной Осетии Д. И. Санакоева никто всерьез не воспринимал. Предложение грузинского президента в апреле 2008 г. отвергнуто главой абхазского МИДа С. М. Шамбой. Речь шла о последней попытке мирной реинтеграции РА. Республике предлагались пост вице-президента Грузии, сохранение статуса автономной республики в составе грузинского государства и право вето при решении национально-культурных вопросов. После все большего поворота Грузии на запад с 2006 г. Россия явно не собиралась повторять сценарий января 2004 г., когда министр иностранных дел И. С. Иванов уговорил многолетнего хозяина Аджарии А. И. Абашидзе покинуть республику, фактически сыграв основную роль в восстановлении конституционного контроля со стороны Тбилиси над Аджарией. В 2008 г. работать вместе с Грузией над сохранением ее территории Россия

уже не могла: не столько экономическое, сколько военно-политическое сближение южного соседа с НАТО и США явным образом противоречило ее национальным интересам.

Задолго до этого президент М. Н. Саакашвили, имея мощный запрос со стороны масс на восстановление государственности и территориальной целостности, начал отходить от «чеченского варианта», не теряя надежды реализовать его при поддержке западных партнеров позже (собственно в 2008 г. такая попытка и была осуществлена). Грузинские элиты после «революции роз» стали развивать подконтрольную им территорию. Метко названная М. Малекон «внутренняя Грузия» (inner Georgia)⁷, т. е. признаваемая большинством членов ООН Грузия без 19 % территории, стала местом масштабных реформ по борьбе с коррупцией, восстановлению функций государства (stateness), повышению собираемости налогов и уровня верховенства закона, укреплению армии, полиции и госаппарата, приватизации и снижения бюрократических издержек. «Не ждать, пока вернутся “оккупированные территории”, а развивать то, что можем», — примерно так можно сформулировать грузинский вариант взаимоотношения с сецессиями и до и после 2008 г. Оказание высококвалифицированной медпомощи населению Абхазии и Южной Осетии, совместная с ЕС программа «вовлечение без признания», создание министерства реинтеграции и эволюция его в сторону Министерства примирения и гражданского равноправия — говорят о том, что Грузия, не имея четкой стратегии по возвращению, более того, понимая, что обе республики являются отдельными от нее образованиями, не сжигает мосты окончательно.

Совместно с ЕС Грузия начала выдавать «легитимно живущим» («нелегитимно живущие» — российские военнослужащие и члены их семей) жителям де-факто государств паспорта, дающие им возможность ездить по территории Грузии, учиться в грузинских вузах, получать пенсии наравне с грузинскими гражданами, лечиться за государственный счет в клиниках Тбилиси и других городов, самое главное — получать визы государств Шенгена для туристических поездок, учебы и лечения. Наличие «нейтрального паспорта» не требует отказа от российского гражданства (соответственно, пенсии), которым обладают абсолютное большинство граждан непризнанных государств. Обладатели таких паспортов не

будут считаться гражданами Грузии (тем, кто захочет ими стать, достаточно написать заявление). На этих паспортах нет государственной символики Грузии, заполняются они не по-грузински, а на абхазском, осетинском либо на русском языках (однако в графе «код государства» указана Грузия, «выдавший орган» — МВД Грузии).

В октябре 2012 г. министр по делам реинтеграции П. Закареишвили анонсировал изменения закона «Об оккупированных территориях», которые позволят снять часть ограничений, налагаемых на жителей Абхазии и ЮО. Новое правительство собиралось «способствовать развитию товарооборота и снятию ограничений на передвижение населения “оккупированных территорий” по территории Грузии — считать паспорта де-факто государств действительными на территории Грузии и уравнивать их в правах с грузинскими удостоверениями личности, чтобы их обладатели пользовались теми же правами, что и другие»⁸. С 1 января 2014 г. министерство реинтеграции стало обозначаться «по вопросам примирения и гражданского равноправия». Это означает кардинальное изменение ракурса, с которого из Тбилиси смотрят на Сухум и Цхинвал. Если до этого акцент делался на территориальном аспекте возвращения де-факто государств в административное пространство Грузии, то теперь речь идет о реконструкции политической нации грузин, в которую приглашаются абхазы и осетины. Независимо от успешности результатов следует признать рациональным этот шаг — хотя бы в смысле изменения повестки дня и дискурса.

Не менее важной, хотя и неочевидной деталью является название одного из регионов на сайте министерства. В отличие от всех официальных документов, в которых употребляется топоним «Цхинвальский регион», ЮО в грузинской юридической реальности не существует: полное название республики присутствует на сайте через слэш перед официальным грузинским: Южная Осетия/Цхинвальский регион. Также сайт министерства содержит полноценную русскоязычную версию, в отличие от остальных, доступных, кроме грузинского, лишь на английском⁹.

Стратегия Кремля в отношении Чечни оказалась противоположной и, на наш взгляд, более успешной. После того как боевики были в целом истреблены, а желающих сложить

оружие амнистировали и принимали на службу в чеченские подразделения российских силовых структур (ВС, ВВ, МВД, ФСБ), федеральный центр приступил к восстановлению разрушенной республики. К 2016 г. Россия сформировала управляемую территорию с функционирующими институтами государства, развитым социальным пространством и высоким уровнем безопасности рядовых граждан. Наряду с этим возник, безусловно, авторитарный режим, не терпящий критики и подавляющий публичных политических противников, не имеющий никакой легальной оппозиции внутри границ региона и использующий практики культа личности для поддержания легитимности власти. «Вернуть в рамки конституционного пространства и внутри государства строить мирную жизнь с явными преференциями для местных элит», — такова была российская стратегия борьбы с сецессией.

Молдавский вариант оказался промежуточным между грузинским и российским. Кишинев не пытался создать историю успеха, как «внутренняя Грузия», но и опасался реинтегрировать Приднестровье военным путем, как Россия Чечню. Во многом это обусловлено объективными обстоятельствами: экономика Молдавии не справлялась с собственными вызовами, не говоря уже о том, чтобы поднять уровень жизни и в без того более развитом промышленном приднестровском регионе. Кроме того, в ПМР размещены российские миротворцы, являющиеся гарантами стабильности. Наши респонденты в глубинных интервью неоднократно отмечали витальную важность сохранения российского контингента: «Даже если случится, что Россия решит вывести своих ребят, мы сами их не отпустим. Иначе здесь завтра же будет Румыния». С другой стороны, Кишинев не разрывал экономические связи с ПМР, хотя и устраивал периодически блокады непризнанной республики вместе с Украиной: экспорт электроэнергии, текстильных товаров, продукции машиностроительных заводов Приднестровья шел через Молдову в ЕС, равно как и импорт в саму республику. Парадоксальным образом, не контролируя территорию ПМР, Кишинев никогда не отказывался от более чем 5 млрд долл. газового долга, который «Газпром» фактически бесплатно поставляет в Приднестровье.

Молдо-приднестровская граница не существует: единственного полицейского (по одному на каждый импровизированный пост), в зависимости от собственного настроения выборочно проверяющего документы, в таком качестве вряд ли стоит воспринимать. Молдова до сих пор не имеет границы на востоке с той разницей, что после начала украинского конфликта приднестровско-украинская граница (с точки зрения международного права молдавско-украинская) контролируется Киевом четко. Приднестровско-молдавская граница — очевидная реальность: массовая проверка документов, досмотр большегрузов, символы государства, пограничники, заполнение документов на въезд. В подобном отношении к пограничному контролю с сепаратистской политикой состоит отличительная черта молдавского государства: в отличие от Грузии, де-факто признающей границы с Абхазией и Южной Осетией постоянным содержанием на них воинских контингентов, Кишинев, считая ПМР своей территорией, обходится незначительными полицейскими силами и отсутствием пограничной инфраструктуры.

Какую стратегию по возвращению Донбасса сможет выбрать Украина, учитывая тот факт, что данный казус включает взаимодействие глобальных игроков?¹⁰ Чеченский вариант «военная операция с последующим социально-экономическим развитием» мы исключаем по двум причинам. Во-первых, соотношение промышленных потенциалов Украина/Донбасс похоже, скорее, на случай Молдавия/Приднестровье: Украина попросту не имеет того же уровня экономического развития, что и довоенный Донбасс, а сейчас в принципе не в состоянии заниматься его восстановлением. Во-вторых, ни армия ДНР и ЛНР, ни Россия не позволит силовым путем вернуть территории республик под контроль Киева.

Грузинский вариант для Украины более вероятен. В стране существует запрос на масштабные социально-экономические реформы (собственно, частично их и проводит М. Н. Саакашвили и часть его прежней команды) и европеизацию. С учетом отсутствия национальной и этнической границы на востоке Украины как таковой и явной несформированностью национального сообщества украинцы не имеют ответов на устанавливающие вопросы «Каковы критерии членства в нации?», «Являются ли членами сообщества жители Донбасса?», «Должен ли русский быть вторым государственным

языком?», «Должна ли быть проведена федерализация?» и т. д. В этих условиях возвращение Донбасса не является национальной целью номер один для Украины. Национальный консенсус вокруг проблемы ДНР и ЛНР отсутствует (вернуть территории украинцы хотят, безусловно, реинтегрировать население Донбасса — большой вопрос)¹¹. Согласно опросам украинского Центра Разумкова, за последний год мнение украинцев в целом не изменилось. Отвечая на вопрос «Каковы дальнейшие действия по разрешению конфликта на юго-востоке?», 33—35 % настаивают на продолжении «АТО до полного освобождения оккупированных районов», 24—30 % считают, что у региона должен быть особый статус, 18—20 % предлагают отделить эти территории от остальной страны, 18—23 % затрудняются ответить¹². Этим Украина отличается от России 1999—2000 гг., где в результате атак чеченских террористов на регионы центральной части страны возник запрос на решение чеченской проблемы. Поэтому грузинский путь «развивать то, что контролируем, с надеждой вернуть сепаратии в будущем» более вероятен для Украины.

Рассмотрим приднестровский вариант. С одной стороны, замораживанию конфликта (именно так понимают «приднестровизацию» в Европе¹³) противостоит ОБСЕ, надеясь на его разрешение. С другой стороны, Украина и Россия неофициально сходятся в том, что конфликт, скорее всего, будет заморожен. Для Украины заморозка предполагает продление западных санкций в отношении России при обвинениях со стороны Запада в том, что восточный сосед не имплементирует Минские соглашения. Продление санкций дает прозападным украинским элитам незначительную надежду на то, что Россия не сможет поддерживать ДНР и ЛНР ни в экономическом, ни в военном смысле, и уж точно не способна обеспечить их военную экспансию на запад в сторону Киева и (или) регионов исторической Новороссии. Подобная позиция не вербализована в официальном дискурсе украинских элит, но отчетливо транслируется по неофициальным каналам. Российское руководство понимает, что Киев не будет выполнять Минские соглашения, предполагающие сначала проведение выборов в ДНР и ЛНР, внесение изменений в Конституцию Украины и лишь потом передачу Киеву контроля над границей. Вопрос восстановления контроля над границей важен для Украины. Сейчас паспортный

контроль на международных КПП Донецк (Россия) — Изварино в ЛНР, Матвеев курган — Успенка в ДНР и других осуществляют МГБ непризнанных республик. Для народных республик камень преткновения «Минска-2» — конституционная реформа и принятие постоянного законодательства об особом порядке самоуправления. Законодательные новации позволят «отдельным районам Донецкой и Луганской областей» иметь право на языковое самоопределение, амнистию для ополченцев, создание народной милиции, участие в назначении прокуроров и судей, получение не только финансирования от Киева, но и его содействия трансграничному сотрудничеству этих территорий с Россией. Условие и следствие «Минском-2» регулируется четко. Во-первых, Украина начинает восстанавливать контроль над границей в первый день после местных выборов (п. 9). Во-вторых, там же прямо указано, что условием восстановления пограничного контроля является выполнение п. 11, т. е. проведение конституционной реформы. В начале 2016 г. Кремль сделал ставку на государственное строительство внутри республик.

Вместе с тем приднестровский мирный вариант не представляется возможным реализовать в Донбассе по причине «окропления» конфликта кровью¹⁴. На Украине прошло несколько волн мобилизации, были сформированы добровольческие батальоны. В Донбассе уровень вовлечения гражданского населения в местное ополчение еще выше. С обеих сторон война уже «вошла в музеи», а в семьях погибших участников конфликта формируются истории о том, как «мужчины героически гибнут, сражаясь с врагом». Сам национальный нарратив с обеих сторон изменяется в сторону противостояния и ненависти по отношению к врагу, что явным образом отличает Донбасс от невоспринимающего столь негативно Молдавию Приднестровья.

Наконец, даже с учетом того, что географические условия (отсутствие географических барьеров в качестве границ между Донбассом и Украиной и неконкретность «линии соприкосновения»), отсутствие этнических и лингвистических противоречий между ДНР, ЛНР и соседними русско-населенными и русскоязычными регионами Украины, санкционное давление на Россию, которая (пусть это крайне маловероятно, но не будем исключать этот вариант окончательно) перестанет поддерживать республики, постоянные

стычки элитных групп в Донбассе в борьбе за ресурсы и низкий уровень внутреннего суверенитета непризнанных республик, Украина не сможет реинтегрировать население Донбасса. Негативное отношение к украинскому государству — константа массового сознания. Пророссийски настроенные граждане остались, но находятся в абсолютном меньшинстве. Позитивные воспоминания о жизни внутри Украины, как правило, относятся к ностальгии по мирной жизни. Как бы ни относились наши собеседники в Донбассе к своим властям, возвращение в конституционное пространство Украины казалось им невозможным. Признавая и пытки как инструмент выбивания признаний, похищения людей, нищенский размер пенсий и заработных плат, траты лидеров республик на имидж и наличие представителей криминала в ополчении, дискредитирующих идеи «русской весны», жители Донбасса говорят: «Лишь бы не на Украину». Один из ополченцев уверяет: «По ту сторону фронта 80 % русских. Нациков там меньшинство... Я пошел на войну, когда залп “Града” сравнял соседский дом с землей». Доцент Донецкого национального университета, пожелавший остаться неизвестным, поясняет: «Украина сама отталкивает нас, продолжая обстрелы. Мы нацелены на интеграцию с Россией не потому, что так решили в Кремле. Мы культурно, лингвистически, исторически связаны с ней гораздо сильнее, чем с Украиной»¹⁵. В этом смысле даже если Украина вернет территории, она получит их в качестве бомбы замедленного действия, которая в связи с неизбежной новой волной украинизации взорвется опять.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Roeder P.G. Where nation-states come from: Institutional change in the age of nationalism. Princeton: Princeton university press, 2007. 430 p.

² См.: Laruelle M. The Three Colors of Novorossiia, or the Russian Nationalist Mythmaking of the Ukrainian Crisis // Post-Soviet Affairs. 2016. Vol. 32. Iss. 1. P. 55—74. DOI: 10.1080/1060586X.2015.1023004

³ См.: Comai G., Venturi B. Language and Education Laws in Multi-ethnic de facto States: the Cases of Abkhazia and Transnistria // Nationalities Papers: The J. of Nationalism and Ethnicity. 2015. Vol. 43. Iss. 6. P. 886—905. DOI: 10.1080/00905992.2015.1082996

⁴ См.: Robinson R. Russia's role in the war in Donbass, and the threat to European security // European Politics and Society. Publ. online: 15 March 2016. P. 1—16. DOI: 10.1080/23745118.2016.1154229

⁵ См.: Bobick M.S. Separatism Redux: Crimea, Transnistria, and Eurasia's de facto States // *Anthropology Today*. 2014. Vol. 30. Iss. 3. P. 3—8. DOI: 10.1111/1467-8322.12108

⁶ См.: Kuzio T. Competing Nationalisms, Euromaidan, and the Russian-Ukrainian // *Conflict Studies in Ethnicity and Nationalism. Special Iss.: Nationalism and Belonging*. 2015. Vol. 15. Iss. 1. P. 157—169. DOI: 10.1111/sena.12137

⁷ См.: Malek M. State Failure in the South Caucasus: Proposals for an Analytical Framework // *Transition Studies Rev.* 2006. Vol. 13. Iss. 2. P. 441—460. DOI: 10.1007/s11300-006-0106-z

⁸ Смягчение оккупации. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2013/02/20_a_4974357.shtml (дата обращения: 15.10.2015).

⁹ См.: Аппарат государственного министра Грузии по вопросам примирения и гражданского равноправия. URL: <http://new.smr.gov.ge/smr/default.aspx> (дата обращения: 08.04.2014).

¹⁰ См.: Ericson R.E., Zeager L.A. Ukraine Crisis 2014: A Study of Russian-Western Strategic Interaction // *Peace Economics, Peace Science and Publ. Policy*. 2015. Vol. 21. Iss. 2. P. 153—190. DOI: 10.1515/peps-2015-0006

¹¹ См.: Katchanovski I. The Separatist War in Donbas: A Violent Break-up of Ukraine? // *Europ. Politics and Society*. Publ. online: 15 March 2016. P. 1—17. DOI: 10.1080/23745118.2016.1154131

¹² См.: Further actions to resolve the conflict in the East of Ukraine. URL: http://razumkov.org.ua/eng/poll.php?poll_id=1093 (дата обращения: 16.03.2016).

¹³ См.: Kennedy R. The limits of soft balancing: the frozen conflict in Transnistria and the challenge to EU and NATO strategy // *Small Wars & Insurgencies. Special Iss.: Hybrid War in Post-Soviet Spaces*. 2016. Vol. 27. Iss. 3. P. 512—537. DOI: 10.1080/09592318.2016.1151655

¹⁴ См.: В ООН подсчитали, сколько людей погибло на Донбассе. URL: <http://uapress.info/ru/news/show/88438> (дата посещения: 15.03.2016).

¹⁵ Цит. по: Токарев А.А. Граничное состояние. Как годовщину подписания документа «Минск-2» встречали в Минске и Донецке // *Коммерсант ВЛАСТЬ*. 2016. № 8. С. 36—40.

**A. A. TOKAREV. THE FUTURE OF THE DONBASS:
A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE RUSSIAN, GEORGIAN
AND MOLDAVIAN EXPERIENCE OF SOLVING SECESSION PROBLEMS**

Key words: secession, the post-Soviet space, Transnistria, Abkhazia, South Ossetia, Donbass, Chechnya

Abstract. The paper discusses the factors influencing secession in the Donbass region. It is noted that it is impossible to give an accurate forecast of their development since the institutional structure and value system in the self-proclaimed republics are not well established. The study analyzes three strategies of the parent states to combat secession in order to compare them with the Ukrainian case and predict which direction the official Kiev

may choose, basing on the objective internal and external aspects of the conflict as well as the interests of all the actors involved.

Synopsis. Introduction: the three strategies for combating secession (the Russian, Georgian and Moldavian ones) differ not only by degree of efficiency (Abkhazia and South Ossetia are partially recognized states, PMR is a de facto state, Chechnya is an integral part of Russia), but also by the specific policies selected by the parent states. Russia has consistently defended the option for the return of the de jure its territory militarily forcing the militants out in order to continue the story of success with significant investments and support of local clans. Georgia, on the contrary, began to reform only the part of the country controlled by the official Tbilisi hoping that secession would be over outside the military conflict whose escalation had been unsuccessful for the Georgian state and nation building. Moldova chose a third, intermediate way of “no recognition, no war” not having the level of Russian finances, nor the degree of consolidation of the Georgian society regarding the need for reforms.

Materials and Methods: the paper is based on field studies in Donetsk, Lugansk, Debaltsevo and Gorlovka held in February 2016. The method of in-depth interviews with 15 respondents (militia men, representatives of the academic community, political and business elite, public figures) and that of participant observation allowed to obtain a unique material unavailable for desk research. The author conducts a comparative analysis of the Donbass incidents with the Pridnestrovian Moldavian Republic, Chechen, Abkhaz and South Ossetian cases.

Results: it is noted that despite the change of Russia's stand as the patron state and rejection of implementation of the project “Novorossiya”, the continued formal recognition of the Ukrainian borders with the tacit support of the state and military building in the Lugansk and Donetsk people's republics, the current state of mass consciousness of the inhabitants of the unrecognized republics is a major obstacle for reintegration of the territories and societies of Ukraine and for the implementation of the Minsk and Minsk II Protocols signed by the Normandy Four.

Discussion and Conclusions: basing on fifteen in-depth interviews with residents of the Donbass, a conclusion is drawn that the current state of the mass consciousness of inhabitants of the Lugansk and Donetsk people's republics is the main obstacle for reintegration of the territories and communities of Ukraine and implementation of the Minsk and Minsk II Protocols.

REFERENCES

¹ Roeder PG. Where nation-states come from: Institutional change in the age of nationalism. Princeton: Princeton university press; 2007.

² Laruelle M. The Three Colors of Novorossiya, or the Russian Nationalist Mythmaking of the Ukrainian Crisis. *Post-Soviet Affairs*. 2016; 1(32):55—74. DOI: 10.1080/1060586X.2015.1023004

³ Comai G, Venturi B. Language and Education Laws in Multi-ethnic de facto States: the Cases of Abkhazia and Transnistria. *Nationalities Papers:*

The Journal of Nationalism and Ethnicity. 2015; 6(43):886—905. DOI: 10.1080/00905992.2015.1082996

⁴ Robinson R. Russia's role in the war in Donbass, and the threat to European security. *European Politics and Society*. Published online: 15 March 2016. DOI: 10.1080/23745118.2016.1154229

⁵ Bobick MS. Separatism Redux: Crimea, Transnistria, and Eurasia's de facto States. *Anthropology Today*. 2014; 3(30):3—8. DOI: 10.1111/1467-8322.12108

⁶ Kuzio T. Competing Nationalisms, Euromaidan, and the Russian-Ukrainian. *Conflict Studies in Ethnicity and Nationalism. Special Issue: Nationalism and Belonging*. 2015; 1(15):157—169. DOI: 10.1111/sena.12137

⁷ Malek M. State Failure in the South Caucasus: Proposals for an Analytical Framework. *Transition Studies Review*. 2006; 2(13):441—460. DOI: 10.1007/s11300-006-0106-z

⁸ Smjagchenie okkupacii [Mitigation of military occupation]. Available from: http://www.gazeta.ru/politics/2013/02/20_a_4974357.shtml (accessed 15.10.2015). (In Russ.)

⁹ Apparat gosudarstvennogo ministra Gruzii po voprosam primireniya i grazhdanskogo ravnopravija [Office Of The State Minister of Georgia for Reconciliation and Civic Equality]. Available from: <http://new.smr.gov.ge/smr/default.aspx> (accessed 08.04.2014). (In Russ.)

¹⁰ Ericson RE, Zeager LA. Ukraine Crisis 2014: A Study of Russian-Western Strategic Interaction. *Peace Economics, Peace Science and Public Policy*. 2015; 2(21):153—190. DOI: 10.1515/peps-2015-0006

¹¹ Katchanovski I. The Separatist War in Donbas: A Violent Break-up of Ukraine? *European Politics and Society. European Politics and Society*. Published online: 15 March 2016. DOI: 10.1080/23745118.2016.1154131

¹² Further actions to resolve the conflict in the East of Ukraine. Available from: http://razumkov.org.ua/eng/poll.php?poll_id=1093 (accessed 16.03.2016).

¹³ Kennedy R. The limits of soft balancing: the frozen conflict in Transnistria and the challenge to EU and NATO strategy. *Small Wars & Insurgencies. Special Issue: Hybrid War in Post-Soviet Spaces*. 2016; 3(27):512—537. DOI: 10.1080/09592318.2016.1151655

¹⁴ V OON podschitali, skol'ko ljudej pogiblo na Donbasse [UN has calculated how many people died in the Donbass region]. Available from: <http://uapress.info/ru/news/show/88438> (accessed 15.03.2016). (In Russ.)

¹⁵ Tokarev AA. Granichnoe sostojanie. Kak godovshhinu podpisanija dokumenta «Minsk-2» vstrechali v Minske i Donecke [The boundary condition. How the anniversary of the signing of Minsk II protocol was commemorated in Minsk and Donetsk]. *Kommersant VLAST* = Businessman POWER. 2016; 8:36—42.

TOKAREV Aleksey Aleksandrovich, Candidate of Political Sciences, Senior Research Officer at the Center for Global Issues of the Institute for International Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Поступила 24.06.2016.

С. А. БУЛЯРСКАЯ С. В. БУЛЯРСКИЙ

ТРЕБОВАНИЯ К МОДУЛЬНЫМ КЛАСТЕРНЫМ СИСТЕМАМ В УСЛОВИЯХ ОТКРЫТОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ¹

Ключевые слова: промышленный экономический кластер, открытые производственные модули, система управления, критерии эффективности, компетенции топ-менеджмента

Аннотация. В статье анализируется деятельность открытого производственного модуля как части промышленного кластера. Показано, что система управления кластера в целом должна строиться по матричному методу, в части узлов матрицы располагаются производственные модули. Эти модули по вертикали подчиняются координаторам проекта и согласуют свою детальность с другими модулями, связанными цепочкой производства прибавочной стоимости. Проанализированы направления формирования критериев эффективности, в виде простых мультипликаторов, произведение которых характеризует эффективность модуля по всем направлениям его деятельности. Обоснована необходимость роста количества и улучшения качества компетенций топ-менеджмента модуля.

Реферат. Введение: ускоренное развитие экономики России привело к формированию кластерных систем на региональном и общероссийском

БУЛЯРСКАЯ Светлана Алексеевна, старший научный сотрудник лаборатории Ульяновского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент.

БУЛЯРСКИЙ Сергей Викторович, начальник лаборатории Ульяновского государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор.

© Булярская С. А., Булярский С. В., 2016

уровне. Увеличение доступности ресурсов снижает стоимость сделок, минимизирует запасы, уменьшает транзакционные издержки, обеспечивает реализацию коллективной ценовой политики. Дальнейшее повышение эффективности деятельности кластера связано с применением модульного принципа организации производства. Модульность организационных процессов позволяет добиться: системности, специализации, компетентного подхода, инновационности, высокого качества и производительности труда, выполнения производственных процессов. Эта проблема привлекла наше внимание в связи с задачей повышения эффективности управления, сложного хозяйственного комплекса, каким является модульная кластерная система.

Материалы и методы: в статье использованы: процессный подход, способствующий пониманию внутренних процессов гибкого развития сети и ее центра — промышленного кластера, а также роли отдельных связей и взаимодействий, ее обеспечивающих; системный подход, который принят при разработке схемы управления сетью и кластером и который обеспечил выявление взаимосвязанных процессов, их понимание и управление ими как системой.

Результаты исследования: анализ и обобщение опыта управления кластерами Ульяновской области позволил разработать матричную систему управления кластером, построенным по модульному типу, а также предложить мультипликативные формы критериев оценки эффективности производственной и экономической деятельности такого кластера. Показано, что усложнение системы управления предполагает ужесточение требований к компетенции менеджеров кластера.

Обсуждение и заключения: разработанная матричная система управления позволяет унифицировать функционал менеджеров кластера, а в совокупности с мультипликативными критериями упростить и сократить по времени процесс принятия решения. Это упрощает систему управления и сокращает затраты на нее, так как производственное время тесно связано с непрямыми расходами.

Ускоренное развитие экономики Российской Федерации привело к формированию кластерных систем на региональном и общероссийском уровне. Реализация кластерной парадигмы, обоснованной М. Портером² и другими учеными³, открывает перспективы повышения эффективности регионального производства за счет синергетики интеграции предприятий кластера, обеспечивающей дешевый доступ к специализированным факторам производства (новому оборудованию и технологиям, квалифицированному персоналу, развитой инфраструктуре, включая подготовку кадров и проведение НИОКР, и т. д.). Увеличение доступности ресурсов снижает стоимость сделок, минимизирует запасы, уменьшает транзакционные издержки, обеспечивает реализацию коллективной

ценовой политики. Дальнейшее повышение эффективности деятельности кластера связано с применением модульного принципа организации производства⁴. Модульность организационных процессов позволяет добиться: системности, специализации, компетентного подхода, инновационности, высокого качества и производительности труда, выполнения производственных процессов и т. д. Модули кластерной системы являются открытыми, так как формируются за счет кластерной кооперации промышленных научных и образовательных организаций. Открытость кластерной системы требует внутримодульной синхронизации участников кластера. Такая деятельность приводит к необходимости совершенствования системы управления кластером и формирует новые требования к менеджерам, исполнителям синхронной модульной политики. В связи с этим мы рассмотрим изменения структуры управления, вытекающие из открытости инноваций политики кластера, критерии эффективности деятельности открытого производственного модуля, новые компетенции аппарата управления модулями кластера

Открытая инновационная политика требует синхронизации целеполагания, упорядочения ресурсных потоков, согласования процессов организации производства, маркетинговой деятельности, включая рекламу и сбыт продукции. Должны быть синхронизированы процессы подготовки и переподготовки кадров. В связи с этим систему управления необходимо перестраивать по программно-матричному методу. При этом менеджеры узловых точек управления неизбежно должны приобретать новые дополнительные функциональные обязанности по согласованию и синхронизации доверенных им процессов с аналогичными управленцами других участников кластера.

Для реализации модульного построения производства в концепции открытой инновационной системы больше всего подходит матричный принцип управления. Вертикаль матрицы реализует модульный подход. Возникают специализированные модули, решающие общие организационные и производственные задачи для набора производственных программ, которые осуществляет кластер. Например, модуль обработки металла резанием осуществляет комплекс токарных и фрезерных работ, в том числе с применением обрабатывающих центров. В то же время в этом модуле

осуществляется выполнение подготовительных мероприятий (изготовление оснастки, моделирование и организация маршрутизации производственных потоков, необходимых для выполнения отдельных программ кластера). Интеграция близких специализированных функций позволяет сократить время подготовки производства. Это особенно важно сейчас, когда массовое производство однотипных изделий в последнее время почти исчезло. На его смену приходит реализация некоторых программ для изготовления ограниченного количества изделий. Такую программу даже трудно отнести к мелкосерийному производству, так как она не повторяется через определенные промежутки времени. Изготовление партии изделий в рамках одной программы требует гибкого и быстрого встраивания программы в модуль.

Заметим, что подобный модуль может не находиться на территории одного предприятия. Кластер интегрирует несколько предприятий, часть из которых имеет родственную технологию. При этом вовсе не обязательно, чтобы одно предприятие обладало всем набором оборудования, необходимым для функционирования модуля. Представим, что одно из предприятий обладает современным обрабатывающим центром, другое — токарным участком и т. д. В этом случае добавляются процессы логистики. Возникает вопрос «Зачем такой модуль вообще нужен?». Во-первых, сокращается размер производственных партий, нарушается стабильность их запуска. В этом случае высокопроизводительное специализированное оборудование используется нерационально. Для того чтобы сокращать его простои, необходимо размещать такое оборудование в узлах производственных маршрутов, которые допускают реализацию его возможностей. В таких открытых с точки зрения размещения на разных предприятиях маршрутах на универсальном оборудовании делают заготовки для специальной обработки. Модульная система позволяет реализовывать такие задачи. Во-вторых, заказчики настаивают на сокращении производственного времени, чтобы ускорить оборот средств и сократить потери, возникающие из-за высокой стоимости кредитов. В этом случае применение высокопроизводительных комплексов неизбежно, но обеспечение их производительности требует предварительной обработки изделий. Таким образом, сложная экономическая обстановка, режим тотальной экономии и выживания требуют

усложнения управленческих решений. Для их реализации создаются распределенные кластерные модули.

По вертикали кластер управляется функциональными структурами: финансово-экономической, снабженческой, логистической, сбытовой и т. д. По горизонтали его деятельность регламентируется программами и связями с соседними модулями, которые участвуют в цепочке создания прибавочной стоимости. Управление таким модулем требует, с одной стороны, его максимальной самостоятельности, с другой — жесткой локализации в производственных цепочках. Возникающее противоречие между самостоятельностью и локализацией можно преодолеть только гибкой системой финансирования, основанной на премировании успешной деятельности и штрафных санкциях за задержку или срыв той или иной программы. Тогда нужны прозрачные критерии оценки деятельности. Прозрачность критерия подразумевает: во-первых, тесную и однозначную увязку его с результатами производственной деятельности (такая увязка не должна допускать различий в толковании результата); во-вторых, оперативность оценки выполнения критерия, т. е. сразу по окончании работы над некоторой партией деталей, а не в конце отчетного периода. Такие критерии позволяют осуществлять финансовые расчеты по результату их исполнения. Набор критериев эффективности открытого промышленного кластера обсуждался в научной литературе, однако он обладает недостатками, связанными с количественной и качественной избыточностью. Мы не претендуем на полноту системы предлагаемых критериев, а приводим лишь примеры критериев, удовлетворяющих признакам прозрачности.

Безусловно, деятельность менеджмента начинается с целеполагания, но производственный модуль — это исполнительская система. Надо выполнить качественно и быстро полученное задание. Целеполагание осуществляется вне пределов модуля, но внутри кластера. Производственному модулю спускается заказ в виде некоторой производственной программы или заказа, которые необходимо выполнить в установленные сроки. От производственного модуля требуется не планирование своей деятельности, а выполнение заказа или программы. В связи с этим критерии эффективности модуля должны быть направлены на развитие исполни-

тельской стороны производства. Их можно разделить на технические и экономические. Технические связаны только с параметрами производственных процессов, поэтому экономику производства характеризуют только косвенно. Экономические тесно соединены с экономическими показателями кластера в целом. Приведем по одному примеру из каждого блока критериев.

В первую очередь деятельность открытого модуля должна подчиняться «комбэйн»-критерию — точно в срок. Эффективность этого критерия определяется детальностью проработки проекта, которая зависит от его координатора. В нем должно быть точно рассчитано время работы модуля над данным проектом. Реально затраченное время сопоставляется с расчетным. Внешне такой критерий прост:

$$\eta_t = t_{\text{расчетное}} / t_{\text{затраченное}}, \quad (1)$$

где $t_{\text{затраченное}}$ — время, затраченное модулем на выполнение проектного задания; $t_{\text{расчетное}}$ — расчетное время.

Этот критерий может быть как больше, так и меньше единицы. Он больше единицы, когда модуль выполнил задание быстрее норматива. С одной стороны, не выдержан принцип точно в срок, с другой — произошла экономия производственного времени, что благотворно сказывается на выполнении проекта в целом. Для практической цели управления модулем можно все значения η_t выше единицы считать единицей, что лучше согласуется с принципом «точно в срок». Критерий меньше единицы, когда модуль произвел работу в неполную силу. За это он должен быть наказан. В экономических показателях этого модуля должны быть учтены дополнительные непроизводительные затраты. Например, сумма вознаграждения за выполнение заказа может умножаться на величину критериального фактора η_t . В этом случае при выполнении заказа в срок или раньше срока производственный модуль получает всю сумму вознаграждения, задержка в выполнении задания приводит к снижению вознаграждения. Этот критерий не привязан к отчетному периоду. За отчетный период модуль может выполнить несколько заказов, например n . В этом случае результаты деятельности кластера легко оценить путем мультипликации критерия:

$$\eta_t = \prod_{i=1}^n \eta_{ti}, \quad (2)$$

где η_{ti} — численное значение критерия выполнения задания под номером i точно в срок.

По своему смыслу предложенный критерий корреспондируется с критерием исполнительской дисциплины работы⁵. В нашем случае количественной величиной критерия исполнительской дисциплины является дисперсия выполнения плана работ. В качестве дисперсии выступает среднеквадратичное отклонение программы от плана. Во-первых, этот критерий характеризует не отдельный модуль, а кластер в целом. Координаторы кластера должны верстать план и давать задание на выполнение программы. Поэтому выполнение этого критерия целиком лежит на руководстве кластера, а не отдельного модуля. Во-вторых, если программа перевыполняется, критерий растет в той же степени, если бы она не выполнялась. Это специфика среднеквадратичного отклонения. В-третьих, данный критерий имеет размерность в штуках или рублях. Размерность критериальной величины затрудняет ее сравнение с другими подобными величинами, у которых размерность может быть иная. Даже штукам рознь, стоимость и прибыль у каждого изделия своя. В отличие от этого предлагаемый критерий проще, он оценивается сразу после завершения модулем задания. Его легко сравнивать и строить на его основе интегральный критерий эффективности модуля.

В качестве одного из критериев экономической эффективности модуля при реализации проекта можно использовать:

$$\eta_{efi} = \frac{\text{прирост прибавочной стоимости проекта } i}{\text{затраты модуля на прирост прибавочной стоимости по данному проекту}}. \quad (3)$$

Преимущества относительных показателей очевидны. Они легко мультиплицируются. Например, модуль реализует несколько проектов, допустим m . В этом случае показатель эффективности по всем проектам примет вид:

$$\eta_{ef} = \prod_{i=1}^m \eta_{efi}. \quad (4)$$

По смыслу этот критерий близок к норме прибыли. Поэтому можно сопоставлять величину η_{ef} с нормой прибыли кластера в целом. Если величина η_{ef} превышает норму прибыли кластера в целом, то этот модуль является передовым,

если η_{ef} модуля меньше нормы прибыли, то он является отстающим. В последнем случае необходимо принимать управленческие решения по развитию и совершенствованию организации работы кластера.

Произведение критериев эффективности очень точно отражает качество работы модуля и позволяет быстро определить, в каких направлениях модуль лидирует, а в каких отстает. Тем самым введение подобных критериев повышает эффективность и скорость реакции всей системы управления. Такой подход, основанный на относительных коэффициентах, разработан, в частности, М. А. Ковалевым⁶, однако применительно к предприятию в целом, а не к открытому модулю кластера. При одинаковом подходе (нашем и М. А. Ковалева) критерии эффективности различаются своим содержанием.

В заключение добавим, что усложнение системы управления модулем должно сопровождаться снижением затрат на ее содержание. Такой подход требует увеличения количества и разнообразия функциональных компетенций топ-менеджеров кластера. Не углубляясь в детали формирования компетенций, отметим, что возрастают требования к развитости личностных компетенций и качеств менеджера. Так как в условиях открытости на первый план выходят качества, необходимые для согласования межмодульных вопросов организации выпуска продукции, должны быть усилены компетенции в области организации производства и технологии процессов, держателем которых является модуль. От умения менеджера выстроить технологические цепочки движения продукции по технологическим операциям и процессам зависит результат деятельности модуля. При этом менеджер должен хорошо разбираться в логистике объектов, которые обрабатываются в модуле; хорошо владеть практическими экономическими знаниями для обеспечения учета деятельности модуля.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Публикация подготовлена при поддержке РГНФ. Грант 15-02-00402.

² См.: Портер М. Конкуренция / пер. с англ. М.: Вильямс, 2000. 495 с.

³ См.: Булярский С.В., Синицын А.О. Условия формирования региональных промышленных кластеров // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2014. № 3. С. 101—112. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22376942> (дата обращения: 15.10.2015).

⁴ См.: Белов А.А., Гвоздев А.В. Модульное построение автоматизированной системы управления организационными процессами // Вестн. ИГЭУ. 2007. № 3. С. 94—98. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18250905> (дата обращения: 13.10.2015).

⁵ См.: Семенова А.А., Пилипенко М.В. Моделирование процесса оптимизации инновационной деятельности предприятия // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». 2015. Т. 7. № 2. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24104408> (дата обращения: 13.10.2015).

⁶ См.: Ковалев М.А. Инструменты стратегического управления инновационной деятельностью станкостроительного предприятия: дис. ... канд. экон. наук. Смоленск, 2015. 152 с. URL: http://www.gostinfo.ru/Content/img/edufiles/ref/kovalev_disser.pdf (дата обращения: 23.01.2016).

S. A. BULYARSKAYA, S. V. BULYARSKIY. REQUIREMENTS FOR MODULAR CLUSTER SYSTEMS IN THE OPEN INNOVATION POLICY

Key words: industrial economic cluster, open production modules, administration system, criteria of efficiency, top management competence

Abstract. The paper examines the activities of the open production module as part of the industrial cluster. It is shown that the cluster control system as a whole should be based on the matrix method with production modules in some nodes of the matrix. These modules are directly subordinate to the coordinators of the project; they reconcile details with other modules connected by the surplus value production chain. Formation of efficiency criteria was analyzed in the form of simple multipliers the product of which characterizes the module's effectiveness in all areas of its activities. The necessity of increasing the number and improving the quality of competences of the module's top-management was substantiated.

Synopsis. Introduction: the accelerated development of Russia's economy led to formation of cluster systems at the regional and national levels. Increased availability of resources reduces transaction costs, minimizes inventory, ensures implementation of the collective pricing policy. Further enhancement of the effectiveness of cluster activities is associated with the use of the modular principle of production organization. Modularity of organizational processes allows for: consistency, differentiation, competence approach, innovation, high quality and productivity of the production processes. This issue came to our attention in connection with the task of improving the administration efficiency, the complex economic system a modular cluster system is.

Materials and Methods: the paper used the process approach to understand the internal processes of flexible development of the network and its center, the industrial cluster, as well as the role of individual relations and interactions providing it; the systematic approach adopted in the design of the network and cluster management which provided identification of the interdependent processes, enabled their understanding and administering them as a system.

Results: the analysis and generalization of the experience of cluster administration in the Ulyanovsk Region made it possible to develop a matrix cluster administration system designed as a modular type, as well as to propose multiplicative forms of evaluation criteria of production efficiency and economic activities of such a cluster. It is shown that the complexity of the administration system requires increasing competency requirements for the cluster managers.

Discussion and Conclusions: the developed matrix administration system allows to unify the functionality of the cluster managers and, in conjunction with multiplicative criteria, to simplify and shorten the decision-making process. This simplifies the administration system and reduces costs as production time is closely connected with indirect costs.

REFERENCES

¹ Publikacija podgotovljena pri podderzhke RGNF. Grant 15-02-00402. [The publication was prepared with support from the Russian Foundation for the Humanities. The grant No. 15-02-00402].

² Porter M. On competition. Moscow: Vil'jams Publ.; 2000. 495 p.

³ Bulyarskiy SV, Sinitsyn AO. Usloviya formirovaniya regional'nyh promyshlennykh klasterov [Conditions of Formation of Regional Industrial Clusters]. *REGIONOLOGIYA REGIONOLOGY = REGIONOLOGY*. 2014; 3:101—112. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22376942> (accessed 15.10.2015). (In Russ.)

⁴ Belov AA, Gvozdev AV. Modul'noe postroenie avtomatizirovannoy sistemy upravleniya organizacionnymi processami [Modular formation of automated organization proceedings management systems]. *Vestnik IGJeU = Vestnik IGEU*. 2007; 3:94—98. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18250905> (accessed 13.10.2015). (In Russ.)

⁵ Semenova AA, Pilipenko MV. Modelirovanie processa optimizacii innovacionnoj dejatel'nosti predpriyatija [Simulation of optimization process of innovation enterprise]. *Internet-zhurnal «NAUKOVEDENIE»* = Electronic scientific publication of «NAUKOVEDENIE». 2015. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24104408> (accessed 13.10.2015). (In Russ.)

⁶ Kovalev MA. Instrumenty strategicheskogo upravleniya innovacionnoj dejatel'nost'ju stankostroitel'nogo predpriyatija [Tools for strategic management of the innovative activity of a machine building enterprise]. Smolensk; 2015. 152 p. Available from: http://www.gostinfo.ru/Content/img/edufiles/ref/kovalev_disser.pdf (accessed 23.01.2016). (In Russ.)

BULYARSKAYA Svetlana Alekseyevna, Candidate of Economic Sciences, Docent, Senior Research Officer at the Laboratory, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russian Federation).

BULYARSKIY Sergey Viktorovich, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Full Professor, Head of the Laboratory, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russian Federation).

Поступила 10.02.2016.

И. Б. ЮЛЕНКОВА

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНАХ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Ключевые слова: регион, муниципальный район, факторы, интенсификация экономического роста

Аннотация. В статье рассмотрены особенности интенсификации экономического роста в муниципальных районах Республики Мордовия на примере Краснослободского муниципального района. Определены направления муниципальной политики для интенсификации экономического роста в этом муниципальном образовании.

Реферат. Введение: в настоящее время социально-экономическое развитие муниципальных районов региона и достижение их конкурентоспособности во многом зависят от интенсификации экономического роста. Отсутствие комплексного подхода к осуществлению поддержки, который учитывал бы различные особенности районов, подтверждает актуальность выбранной темы.

Материалы и методы: использованы материалы Муниципальной программы комплексного социально-экономического развития на 2015—2018 гг. Краснослободского муниципального района. В основе исследования лежат принципы структурно-функционального, системного методов.

Результаты исследования: доказана необходимость интенсификации экономического роста Краснослободского муниципального района, определены приоритетные направления развития данного процесса. Разработан комплекс мероприятий, способствующих достижению конкурентоспособности района на долгосрочную перспективу.

Обсуждение и заключение: в статье обозначены направления муниципальной политики для интенсификации экономического роста Краснослободского муниципального района Республики Мордовия. Разработан комплекс мер для повышения качества экономического роста и формирования муниципальной политики в контексте обеспечения экономической безопасности Краснослободского муниципального района.

ЮЛЕНКОВА Ирина Борисовна, доцент кафедры финансов и кредита Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

© Юленкова И. Б., 2016

В экономической науке при определении причин быстрого или медленного экономического роста, а также интенсивного расширенного воспроизводства в качестве основной из них справедливо признается научно-технический прогресс, подчеркивается, что экономическое развитие происходит не столько вследствие роста накопления, сколько за счет его эффективности, обеспечиваемой применением новых технологий и использованием передовых достижений научно-технического прогресса¹.

В настоящее время специфика интенсификации качественного экономического роста муниципальных районов регионов России определяется расширением производства за счет совершенствования факторов роста, таких как прогрессивные технологии, квалифицированная рабочая сила, производительность труда, эффективность капитальных вложений. Эти показатели характеризуют качество производства и уровень экономического роста.

Для достижения качественного экономического роста в реальном секторе экономики необходимы: разработка комплекса мер по его повышению, формированию муниципальной политики в русле обеспечения экономической безопасности муниципальных районов регионов России.

Рассмотрим вопрос, касающийся интенсификации экономического роста, на примере Краснослободского муниципального района Республики Мордовия. Он расположен в северо-западной части республики, в окружении таких рек, как Мокша и Сивинь, в 107 км к западу от регионального центра, г. Саранска, и в 52 км к северу от железнодорожной станции Ковылкино на линии Рязань — Сызрань.

Экономический рост Краснослободского муниципального района во многом обусловлен высокой долей валовой продукции сельского хозяйства в общем объеме производимой продукции и услуг. К положительным тенденциям социально-экономического развития этой административной единицы можно отнести стабильный рост объемов розничной торговли, реализации платных услуг, оборота общественного питания.

Для повышения темпов экономического роста в кратко- и среднесрочной перспективе необходима активизация деятельности в направлениях использования инвестиционного потенциала и природно-сырьевых преимуществ Краснослободского муниципального района.

Формирование муниципальной политики в контексте обеспечения экономической безопасности Краснослободского муниципального района предполагает в первую очередь развитие институциональной инфраструктуры государственно-частного партнерства (ГЧП). На первом этапе формирования институциональной среды развития ГЧП необходима разработка концепции ГЧП в Краснослободском муниципальном районе, где будут обоснованы вопросы методического и информационного обеспечения проектов ГЧП.

Не менее важным условием сохранения экономической безопасности района является организация мониторинга прогнозных и пороговых значений индикаторов экономической безопасности Краснослободского муниципального района. К пороговым значениям экономической безопасности реального сектора относятся: объем продукции и услуг; объем промышленной продукции; сбор зерна; инвестиции в основной капитал; доля инновационной продукции; использование производственных мощностей; объемы производства в районообразующих предприятиях; износ основного капитала; конкурентоспособность продукции; повышение цен на энергоносители; наличие квалифицированных кадров.

Приоритетами кластерной политики района являются формирование и развитие агропромышленного кластера, кластера лесной и деревообрабатывающей промышленности, туристско-рекреационного кластера.

Учитывая благоприятные для развития сельского хозяйства природные условия и исторически сложившуюся специализацию Краснослободского муниципального района, целесообразно развитие агропромышленных субкластеров мясо-молочного скотоводства, свиноводства, зернофуражного, прудового рыбоводства.

Например, согласно Муниципальной программе комплексного социально-экономического развития на 2015—2018 гг. Краснослободского муниципального района, в сфере животноводства с 2015 по 2018 г. планируется строительство свинокомплекса на 6 тыс. свиноматок (ООО «Глобал-Поволжье»), молочного комплекса на 1 тыс. фуражных коров в селах Тенишево и Шаверки, СХАП «Свободный труд» на 400 и 1 500 гол. соответственно. В процессе реализации указанных инвестиционных проектов будет освоено 2,8 млрд руб.² Следует отметить, что «достижение инвестиционной

привлекательности региона является одной из основных задач при создании необходимых условий для интенсификации экономического роста и социального развития. Инвестиционная привлекательность — важное условие для активной инвестиционной деятельности и эффективного комплексного социально-экономического развития на государственном и региональном уровнях»³.

Для увеличения объемов молочно-мясного скотоводства в Краснослободском муниципальном районе необходимы расширение и модернизация производства ООО «Краснослободский молочный завод».

Перспективным направлением развития Краснослободского муниципального района является фермерская аквакультура, которая будет способствовать эффективному использованию водных ресурсов Краснослободского муниципального района. В настоящее время в районе действует ряд рыболовных хозяйств на территории Мордовского-Паркинского, Гуменского и Куликовского, Слободско-Дубровского, Старорябинского и Колпинского сельских поселений.

Наиболее эффективными видами аквакультуры для Краснослободского муниципального района могут быть: интегрированная, при которой рыболовство сочетается с созданием сельскохозяйственных потребительских кооперативов и развитием переработки товарной рыбы; рекреационная, позволяющая более полно использовать природные ресурсы и сочетать рыболовство с организацией отдыха населения, спортивным рыболовством и агротуризмом⁴. Эффективное использование природно-ресурсного потенциала района позволит создать дополнительные рабочие места, увеличить выпуск конкурентоспособной продовольственной продукции и повысить доходы бюджета.

Перспективы формирования на территории района деревообрабатывающего кластера обусловлены достаточными запасами древесины на корню. Необходимо обратить внимание на более высокий уровень их освоения и соблюдения качественного породного состава. В настоящее время в лесопромышленном комплексе района работает ряд индивидуальных предпринимателей, в основном занимающихся производством пиломатериала. При должном уровне поддержки со стороны администрации Краснослободского муниципального района и вливании частных инвестиций на территории Краснослобод-

ского муниципального района возможна организация более крупных предприятий по лесозаготовке и деревообработке. В частности, организация деревообрабатывающего завода по выпуску древесного угля и топливных брикетов позволит перерабатывать отходы древесного производства, что повысит экологическую безопасность лесопромышленного комплекса района.

Природные и историко-культурные ресурсы Краснослободского муниципального района составляют основу развития его туристско-рекреационного кластера. Перспективными направлениями являются экологический и культурно-познавательный туризм. В рамках экологического туризма возможно создание условий для любительской рыбалки и охоты. Строительство гостиниц, кафе, стоянок, позволит наиболее полно удовлетворить их запросы. Создание необходимой инфраструктуры позволит увеличить посещаемость природных достопримечательностей Краснослободского муниципального района. Экологический туризм представляет собой экономически выгодный вид туризма. Кроме стоимости лицензий на право отстрела животных, вылов рыбы, значительные доходы возможны от услуг егерей, автотранспорта, обработки трофеев, а также проезда к месту охоты⁵.

Район имеет благоприятный климат для осуществления санаторно-курортного лечения и, соответственно, развития инфраструктуры учреждений для лечения и отдыха. Основные лечебные факторы — голубая глина, добываемая в окрестностях р. Сивинь, и сосновый бор. Развитие этого направления в районе будет способствовать продвижению санаторно-туристических услуг не только в Республике Мордовия, но и в Российской Федерации.

Одним из направлений развития туризма в районе является ознакомление с историческими объектами, которыми могут стать Краснослободский краеведческий музей, памятники археологии — городища «Ляй Пря», «Шаколовское» и др. Среди архитектурных памятников можно отметить усадьбу А. В. Веденяпина (д. Тройни), дом И. М. Севостьянова (г. Краснослободск), дом А. Д. Муромцева (г. Краснослободск). Объектами религиозно-паломнического туризма в районе являются Спасо-Преображенский мужской монастырь, Александро-Невская церковь.

Создание в Краснослободском муниципальном районе туристской зоны с комплексом туристских маршрутов позволит повысить уровень социально-экономического развития района, сохранить историко-культурное наследие, благоразумно и эффективно использовать природно-ресурсный потенциал территории.

Предложенный нами комплекс мероприятий и обоснованная грамотная экономическая политика, направленная на повышение конкурентоспособности экономики района, использование инновационного потенциала и резервов обеспечат увеличение объемов производства, рост производительности труда, собственных доходов бюджета, повышение инвестиционной активности, создание новых рабочих мест. Это будет способствовать дальнейшей интенсификации экономического роста Краснослободского муниципального района и Республики Мордовия в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Юленкова И.Б. Теоретические подходы к проблеме взаимосвязи экономического роста и инновационного предпринимательства // Бизнес. Образование. Право. Вестн. Волгоград. ин-та бизнеса. 2014. № 3. С. 192. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21975057> (дата обращения: 13.01.2016).

² См.: Муниципальная программа комплексного социально-экономического развития на 2015—2018 гг. Краснослободского муниципального района. Краснослободск, 2014. 416 с. URL: krasnoslodsk.e-mordovia.ru/file/66476 (дата обращения: 01.09.2015).

³ Писачкин В.А., Козин В.В. Социальные константы регионального развития // Регионоведение. 2013. № 2. С. 9. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19085828> (дата обращения: 15.01.2016).

⁴ См.: Борисов Д.В. Повышение устойчивости сельских территорий на основе развития фермерской аквакультуры (на материалах Алтайского края): автореф. дис. ... канд. экон. наук. Новосиб., 2011. С. 23. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19352524&> (дата обращения: 17.01.2016).

⁵ См.: Развитие туристического кластера. URL: http://www.molchanovo.ru/upload/files/razvitie_tk.doc. (дата обращения: 21.01.2016).

I. B. YULENKOVA. INTENSIFICATION OF ECONOMIC GROWTH IN THE MUNICIPAL DISTRICTS OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Key words: region, municipal district, factors, intensification of economic growth

Abstract. The paper discusses peculiarities of intensification of economic growth in the municipal districts of the Republic of Mordovia through the case study of the Krasnoslobodsk municipal district. The author identifies the directions of municipal policy for intensification of economic growth in that municipality.

Synopsis. Introduction: at present, socio-economic development of municipal districts of a region and their competitiveness largely depend on intensification of economic growth. The lack of an integrated approach to implement support which would take into account different characteristics of districts confirms the relevance of the chosen topic.

Materials and Methods: the materials of the Municipal Program for Comprehensive Socio-Economic Development of the Krasnoslobodsk Municipal District for 2015—2018 were used. The study is based on the principles of the structural and functional, and the systematic methods.

Results: necessity of intensification of economic growth in the Krasnoslobodsk Municipal District was proved; priority development directions of this process were identified. A set of measures to achieve the long term competitiveness of the District were developed.

Discussion and Conclusions: the paper identified the directions of the municipal policy to stimulate economic growth in the Krasnoslobodsk Municipal District of the Republic of Mordovia; it developed a set of measures to improve the quality of economic growth and formation of municipal policy in the context of ensuring economic security in the Krasnoslobodsk Municipal District.

REFERENCES

¹ Yulenkova IB. Teoreticheskie podhody k probleme vzaimosvjazi jekonomicheskogo rosta i innovacionnogo predprinimatel'stva [Theoretical approaches to the interaction between economic growth and innovative entrepreneurship]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa* = Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21975057> (accessed 13.01.2016). (In Russ.)

² Municipal'naja programma kompleksnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija na 2015—2018 gg. Krasnoslobodskogo municipal'nogo rajona [The municipal program of comprehensive socio-economic development of the Krasnoslobodsk municipal district for 2015—2018]. Krasnoslobodsk; 2014. 416 p. Available from: krasnoslodsk.e-mordovia.ru/file/66476 (accessed 01.09.2015). (In Russ.)

³ Pisachkin VA, Kozin VV. Social'nye konstanty regional'nogo razvitija [Social Constants of Regional Development]. *Regionologiya* = Regionology. 2013. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19085828> (accessed 15.01.2016). (In Russ.)

⁴ Borisov DV. Povyshenie ustojchivosti sel'skih territorij na osnove razvitija fermerskoj akvakul'tury (na materialah Altajskogo kraja) [Improving the sustainability of rural areas through the development of farm aquaculture (the case study of the Altai Territory)]. Novosibirsk; 2011. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19352524&> (accessed 17.01.2016). (In Russ.)

⁵ Razvitie turisticheskogo klastera [Development of the tourism cluster]. Available from: http://www.molchanovo.ru/upload/files/razvitie_tk.doc. (accessed 21.01.2016). (In Russ.)

YULENKOVA Irina Borisovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Finance and Credit, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

Поступила 22.02.2016.

Г. В. МОРОЗОВА

О. В. ДЕРИНА

РАЗВИТИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ ИХ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Ключевые слова: кадровый потенциал, человеческие ресурсы, персонал, налоговая служба, кадровая работа, профессиональное образование, повышение квалификации, мотивация

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы и особенности кадровой работы в налоговых органах, направленной на повышение профессионального роста и профессиональной компетенции государственных служащих. На основе исследования предложен комплекс мероприятий по развитию мотивации персонала налоговой службы.

Реферат. Введение: в настоящее время человеческий капитал — наиболее значимый экономический ресурс общества, а инвестиции в него — важное условие конкурентоспособности для любой организации. Трансформация налоговой службы в сервисно ориентированную структуру создает ряд проблем, связанных с необходимостью совершенствования методов управления, сохранения и повышения качества человеческого капитала налоговых органов, основной составляющей которого является кадровый

МОРОЗОВА Галина Владимировна, доцент кафедры финансов и кредита Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

ДЕРИНА Ольга Викторовна, доцент кафедры финансов и кредита Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

© Морозова Г. В., Дерина О. В., 2016

потенциал. Управление кадровым потенциалом, включающее комплекс мероприятий по формированию кадрового резерва, профессиональному обучению и повышению квалификации сотрудников, влияет на эффективность функционирования налоговой службы и реализацию налоговой политики.

Материалы и методы: в качестве материалов использовались научные публикации, отчеты и приказы Федеральной налоговой службы России, отчетные данные Управления Федеральной налоговой службы России по Республике Мордовия. Применялись принципы системного подхода, позволившие выявить существующие проблемы и особенности развития кадрового потенциала налоговых органов. Кроме того, использовались такие общенаучные методы и приемы, как научная абстракция и статистические методы анализа.

Результаты исследования: анализ кадровой работы в Управлении Федеральной налоговой службы России по Республике Мордовия позволил выявить следующие особенности и проблемы: предлагаемые учебными заведениями программы дополнительного профессионального образования недостаточно ориентированы на практические потребности; действующие кадровые технологии (отбор, формирование и обучение кадрового резерва) применяются весьма ограниченно; проведение квалификационного экзамена носит формальный характер и др. Серьезной проблемой является и отсутствие внутренней мотивации служащих как одной из основ формирования профессионализма кадров налоговой службы.

Обсуждение и заключения: в целях развития мотивации персонала налоговой службы целесообразно проведение ряда мероприятий, таких как: повышение профессионального уровня и квалификации работников на основе дальнейшего развития системы непрерывного профессионального образования; присвоение соответствующего квалификационного разряда по результатам аттестации; назначение сотрудников на должности с учетом их заслуг в профессиональной деятельности; развитие системы материального и морального стимулирования работников налоговых органов и др. Развитие кадрового потенциала налоговых органов будет способствовать повышению эффективности их работы.

В условиях становления инновационной экономики человеческий капитал рассматривается как наиболее ценный и значимый экономический ресурс общества, важный источник конкурентных преимуществ, а инвестиции в него — как решающий фактор конкурентоспособности для организации любого вида деятельности¹. Повышенное внимание к человеческому фактору развития организации стало уже почти аксиомой теории и практики современного менеджмента. Системы и методы управления человеческими ресурсами и расходами на привлечение и развитие конкурентоспособного персонала в мировой практике становятся все более разнообразными и постоянно совершенствуются.

Невозможно переоценить значение человеческого капитала и для организаций, функционирующих в налоговой сфере. В условиях трансформации Федеральной налоговой службы в сервисно ориентированную структуру накапливается комплекс проблем, связанных с необходимостью совершенствования ее организационного построения, методов управления и взаимодействия с внешней средой, а также сохранения, укрепления и повышения качества человеческого капитала налоговых органов, выступающего главным фактором экономического роста и конкурентоспособности. Основопологающим компонентом последнего является кадровый потенциал, от качества которого зависят осуществление налогового администрирования и реализация налоговой политики.

Управление Федеральной налоговой службы России по Республике Мордовия (УФНС России по РМ) является территориальным органом федерального органа исполнительной власти, уполномоченного по контролю и надзору в области налогов и сборов, а именно территориальным органом ФНС России. Следует отметить, что об уровне и успешности управления персоналом свидетельствуют итоговые экономические показатели, а также стабильность работы всей структуры. Однако существуют и специфические показатели: эффективность (результативность) деятельности структурных подразделений налоговых органов и отдельных сотрудников; удовлетворенность персонала своей работой; текучесть кадров; соблюдение трудовой дисциплины; наличие (отсутствие) конфликтов на всех уровнях отношений; социально-психологический климат; особенности организационной культуры.

Важным показателем движения персонала в налоговых органах, характеризующим эффективность управления трудовыми ресурсами, является текучесть кадров (табл. 1).

В 2014 г. текучесть кадров в целом по УФНС России по РМ составила 5,8 %. Наивысшего значения показатель текучести персонала достиг в 2013 г., составив 10,0 %. На этот период приходится значительный объем сокращений, связанный с оптимизацией численности сотрудников налоговых органов, а также наибольшее число уволившихся по собственному желанию.

Таблица 1

**Динамика показателей движения кадрового персонала
налоговых органов Республики Мордовия²**

Год	Средне- списочная числен- ность, чел.	Выбыло, чел.			Текущесть, %
		по собст- венному желанию	другое основание	по сокра- щению должности	
2010	977	42	2	11	4,8
2011	930	29	10	44	4,2
2012	854	31	2	75	3,9
2013	775	69	9	28	10,0
2014	798	39	7	0	5,8

Основополагающим требованием в деятельности государственных служащих налоговых органов является наличие высшего образования.

По данным УФНС России по РМ, на начало 2010 г. доля федеральных государственных служащих, имеющих высшее образование, составляла 93,3 %, на начало 2011 г. — 95,0 %, на начало 2012 г. — 96,0 %, на начало 2013 г. — 96,2 %, на начало 2013 г. — 96,5 %. При этом 65,0 % государственных служащих являются специалистами в области экономики и управления. Число сотрудников налоговых органов с высшим образованием ежегодно увеличивается. В 2014 г. удельный вес сотрудников с высшим образованием составил 96,5 %. Это связано прежде всего с происходящими процессами модернизации налоговых органов.

Решение задач, стоящих перед налоговой службой, невозможно без системного обучения сотрудников. Федеральной налоговой службой на регулярной основе проводится работа по организации дополнительного профессионального образования федеральных государственных гражданских служащих ФНС России. В соответствии с Приказом ФНС России «Об утверждении перечней организаций, находящихся в ведении ФНС России» от 30 декабря 2013 г. № НД-7-5/661@ федеральные государственные образовательные учреждения дополнительного профессионального образования Северо-Западный институт повышения квалификации Федеральной налоговой службы (г. Санкт-Петербург) и Приволжский институт повышения квалификации Федеральной налоговой службы (г. Нижний Новгород) находятся в ведении ФНС³.

Ежегодно ФНС России совместно с институтами определяет основные приоритетные направления дополнительного

профессионального образования гражданских служащих налоговых органов с учетом интенсивных процессов модернизации налоговой системы, внедрения современных информационных технологий в условиях динамично меняющегося налогового законодательства⁴. Такая совместная работа способствует повышению уровня профессиональных компетенций гражданских служащих, что позволяет более эффективно решать возложенные на ФНС России задачи.

В настоящее время формируется единое образовательное пространство ФНС России на основе разрабатываемого программного обеспечения «Автоматизированная система тестирования кадров и образовательный портал ФНС России». Применение нового программного обеспечения позволит осуществлять организацию дополнительного профессионального образования и отражать информацию, связанную с профессиональным развитием гражданских служащих. Необходимость профессионального роста и повышения профессиональной компетенции работников налоговых органов обусловлена задачами, которые ставятся перед ними в современных социально-экономических условиях. Однажды полученное профессиональное образование уже не может гарантировать работнику высокую эффективность и качество работы на протяжении всей его трудовой деятельности. Специалист налоговой службы должен обладать комплексом знаний, умений и навыков по нескольким смежным специальностям: бухгалтерский учет, налогообложение, юриспруденция, психология, современные информационные технологии⁵. В связи с этим актуально управление процессом профессионального развития кадров в течение всей трудовой деятельности.

Данные табл. 2 показывают, что в УФНС России по РМ успешно используются программы повышения квалификации персонала. Соответственно, число сотрудников, прошедших обучение, имеет тенденцию к увеличению. Согласно данным табл. 2, в анализируемом периоде отмечается рост численности работников налоговых органов, повысивших свою квалификацию как в центрах подготовки, так и по госзаказу. Однако темпы прироста численности работников, прошедших различные программы повышения квалификации, ежегодно снижаются: 2012 г. — 164,8 %, 2013 г. — 120,5 %, 2014 г. — 119,2 %.

Таблица 2

**Сведения о повышении квалификации персонала
налоговых органов Республики Мордовия с 2010 по 2014 г.**

Год	Повышение квалификации				Обучение персонала налоговых органов работе со средствами информатизации		Отклонение +/-, % к предыдущему году
	Повышение квалификации в центрах подготовки персонала налоговых органов		Повышение квалификации по Государственному заказу (госконтракт)				
2010	очно	дистанционно	очно	дистанционно	очно	дистанционно	—
	78	202	—	—	—	18	
	Итого: 280				Итого: 18		
<i>Всего: 298</i>							
2011	очно	дистанционно	очно	дистанционно	очно	дистанционно	-55,3
	—	116	38	—	—	11	
	Итого: 154				Итого: 11		
<i>Всего: 165</i>							
2012	очно	дистанционно	очно	дистанционно	очно	дистанционно	164,8
	—	173	2	23	—	43	
	Итого: 173		Итого: 25		Итого: 43		
<i>Всего: 241</i>							
2013	очно	дистанционно	очно	дистанционно	очно	дистанционно	120,5
	38	197	10	23	11	49	
	Итого: 235		Итого: 33		Итого: 60		
<i>Всего: 328</i>							
2014	очно	дистанционно	очно	дистанционно	очно	дистанционно	119,2
	19	196	1	58	9	108	
	Итого: 215		Итого: 59		Итого: 117		
<i>Всего: 391</i>							

Программы повышения квалификации и переподготовки федеральных государственных служащих имеют узкопрофессиональную направленность, что является положительной стороной их обучения. Однако, как показывает практика, действующий порядок организации профессиональной подготовки и повышения квалификации персонала налоговых органов в недостаточной мере способствует достижению целей организации через профессиональную самореализацию служащих.

В настоящее время существуют проблемы, связанные с обучением служащих. К ним относятся: недостаточная ориентированность предлагаемых учебными заведениями программ дополнительного профессионального образования на практические потребности; отсутствие проработанных механизмов контроля за качеством работы образовательных учреждений, реализующих программы дополнительного профессионального образования; отсутствие мотивации к прохождению дополнительного профессионального образования, так как его результаты не влияют на карьерный рост или материальное положение; медленное внедрение дистанционных образовательных технологий в практику профессионального обучения гражданских служащих.

Профессионализм сотрудников как система трудовых и личностных функций развивается в виде сменяющих друг друга стадий: вхождение в трудовую организацию, освоение профессии, достижение профессионального мастерства, уход из профессии или организации⁶.

Каждый из этих периодов может иметь множество вариантов развития событий. Например, в начале своего трудового пути сотрудник мотивирован на достижение определенных целей в организации в личном и (или) профессиональном плане. Он приходит в организацию, обладая определенным уровнем знаний, умений и навыков. В течение приблизительно 3—5 первых лет работы сотрудники нацелены на повышение своего профессионального уровня, заинтересованы в получении признания в коллективе, в повышении своего социального статуса и дальнейшем развитии профессиональных и личностных качеств. Таким образом, можно говорить об их положительном развитии — приближение к образу идеального сотрудника, настоящего профессионала в налоговой сфере.

Далее следует этап развития работника, на котором он может остановиться. В результате этого наступает так называемый профессиональный или личностный кризис.

В структуре налоговых органов для перехода на другой уровень развития профессиональной карьеры необходима оценка полученных и приобретенных знаний. Такая оценка проводится с помощью аттестации работника и вынесения решения о его соответствии занимаемой должности. Главной задачей, решаемой посредством проведения аттестации

служащих, является создание резерва для продвижения по служебной лестнице. Работа с кадровым резервом включает: планирование предполагаемых изменений в руководстве УФНС; предварительный набор кандидатов в резерв (по результатам аттестации); получение информации о деловых, профессиональных и личностных качествах кандидатов; формирование списочного состава резерва кадров.

Анализ кадровой работы в УФНС России по РМ позволил выявить ее некоторые особенности. Во-первых, в настоящее время недостаточно эффективно реализуется программа развития персонала, нет продуманной системы мотивации, отлаженной схемы поиска и оценки работников. Во-вторых, не в полной мере используются возможности подготовки и переподготовки персонала, поскольку действующая практика образования, переподготовки и повышения квалификации персонала не может обеспечить налоговые органы высококвалифицированными кадрами в необходимом для них объеме и в заданные сроки. В-третьих, действующие кадровые технологии (отбор, формирование и обучение кадрового резерва) применяются весьма ограниченно. В-четвертых, должна измениться процедура проведения квалификационного экзамена, поскольку, как правило, она носит формальный характер.

Таким образом, наше исследование показало, что кадровая работа проводится на регулярной основе, но практические действия и мероприятия разрознены, часто не согласованы между собой, что препятствует формированию целостной системы кадровой работы.

В организации работы с персоналом на современном этапе развития наступает новый период, характеризующийся усилением внимания к личности работников, их мотивации и поискам новых стимулов. В условиях ограниченности у руководителя прямых материальных стимулов особая роль отводится развитию внутренней мотивации, когда сама профессиональная деятельность является способом самовыражения и самореализации человека. При этом необходимо использовать современные методы и инструменты управления для определения и использования всех потенциальных возможностей сотрудников в профессиональной деятельности.

На наш взгляд, целесообразно будет провести ряд мероприятий по развитию мотивации персонала налоговой

службы: повышение профессионального уровня и квалификации работников налоговых органов на основе дальнейшего развития системы непрерывного профессионального образования; самообразование (на добровольной или обязательной основе); проведение аттестации комиссией или руководителем и присвоение соответствующего квалификационного разряда по результатам аттестации; назначение сотрудников на соответствующие должности с учетом их заслуг в профессиональной служебной деятельности, а также с учетом их деловых качеств и совершенствования профессионального мастерства; развитие системы материального и морального стимулирования работников налоговых органов; обеспечение правовой защиты работников налоговых органов, предоставление им социальных гарантий.

Все имеющиеся методы и способы стимулирования работников для повышения их профессионализма не раз прописаны в различных нормативно-правовых актах. Необходимо лишь создать условия, при которых бы они выполнялись реально, а не только в отчетах.

Особая роль в управлении персоналом отводится кадровой службе. В Концепции кадровой политики Федеральной налоговой службы, утвержденной Приказом ФНС России от 11 июля 2011 г. № ММВ-7-4/436@, отмечена необходимость совершенствования подразделений, отвечающих за проведение кадровой политики в налоговых органах, через повышение их роли по управлению персоналом, изменение их структуры и определение новых функциональных задач. Именно перед кадровыми подразделениями налоговых органов стоит важная задача планирования потребности в кадрах, разработки мероприятий по обучению и профессиональному развитию работников, работы с кадровым резервом, развития карьеры и других направлений кадровой работы⁷.

В заключение следует отметить, что дальнейшее укрепление и развитие кадрового потенциала налоговых органов позволит оценить социально значимые и профессионально важные качества сотрудников, спрогнозировать успешность их профессиональной деятельности, повысить эффективность и результативность работы персонала Федеральной налоговой службы России, ее территориальных и структурных подразделений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Троценко С.А. Особенности бюджетных инвестиций в сфере высшего профессионального образования // Юрид. мир. 2011. № 2. С. 41—45. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16319614> (дата обращения: 12.05.2015).

² Здесь и далее приведены данные Управления ФНС России по РМ.

³ См.: Приказ ФНС России «Об утверждении перечней организаций, находящихся в ведении ФНС России» от 30 дек. 2013 г. № НД-7-5/661@. URL: https://www.nalog.ru/rn77/about_fts/fts/subordinate/4573620/ (дата обращения: 12.10.2015).

⁴ См.: Итоговый отчет Федеральной налоговой службы России о результатах анализа состояния и перспектив развития системы образования за 2013 г. URL: <https://www.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/docs/dorprof/analiz2013.rtf> (дата обращения: 18.09.2015).

⁵ См.: Рогова Г.И. Профессиональная компетентность как основа конкурентоспособности работников налоговых органов России // Novainfo.ru. 2015. № 34. С. 349—358. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23477684> (дата обращения: 23.12.2015).

⁶ См.: Ее же. Этапы и ступени профессионального развития работников налоговых органов // Инновации в науке: сб. ст. студентов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей. Уфа: Аэтерна, 2014. С. 31—35. URL: <http://aeterna-ufa.ru/sbornik/SB-01.pdf> (дата обращения: 20.10.2015).

⁷ См.: Приказ «Об утверждении Концепции кадровой политики Федеральной налоговой службы» от 11 июля 2011 г. № ММВ-7-4/436@ // Информ.-прав. портал ГАРАНТ (дата обращения: 06.11.2015).

G. V. MOROZOVA, O. V. DERINA. DEVELOPMENT OF THE TAX AUTHORITIES' HUMAN RESOURCES AS A CONDITION FOR INCREASING THEIR EFFICIENCY

Key words: personnel potential, human resources, personnel, tax service, personnel work, vocational education, professional development, motivation

Abstract. The paper discusses problems and specifics of the tax authorities' human resources work aimed at enhancing professional growth and professional competence of public servants. On the basis of the conducted research, a set of measures is proposed to increase motivation of the tax service personnel.

Synopsis. Introduction: currently, human capital is the most significant economic resource of the society and investing in it is an important condition of competitiveness for any organization. The transformation of the tax service into a service-oriented structure creates a number of problems associated with the need to improve administration, preserve and enhance the quality of human capital of the tax authorities, the main component of which are human resources. Personnel administration includes a range of measures to form the personnel reserve, to train and professionally develop the employees

and it influences the efficiency of the tax service operations as well as the tax policy implementation.

Materials and Methods: the materials used were the scientific publications, reports, and orders of the Federal Tax Service of Russia, the reported data of the Directorate of the Federal Tax Service of Russia in the Republic of Mordovia. The principles of systemic approach were applied allowing to identify the existing problems and peculiarities of the tax authorities' personnel potential development. Besides, such general scientific methods and techniques as scientific abstraction and statistical methods of analysis were applied.

Results: the analysis of the personnel work in the Directorate of the Federal Tax Service of Russia in the Republic of Mordovia allowed to identify the following features and problems: the programs of additional vocational education proposed by educational institutions are insufficiently geared to practical needs; the application of the existing personnel technologies (selection, formation and training of the personnel reserve) is very limited; the qualification examination is a mere formality, etc. The lack of internal motivation of the employees, one of the bases of formation of professionalism of the tax service human resources, is a serious problem.

Discussion and Conclusions: in order to increase the motivation of the tax service personnel, it is appropriate to impose several measures such as: improvement of professional development and training of the employees on the basis of further development of the system of continuous vocational education; assignment of the relevant qualifying category according to the attestation results; assignment of employees to relevant positions based on their achievements in professional activity; development of the system of pecuniary and moral incentives for the tax authorities' employees, etc. Development of the tax authorities' human resources will improve the efficiency of their work.

REFERENCES

¹ Trotsenko SA. Osobennosti bjudzhetnyh investicij v sfere vysshego professional'nogo obrazovaniya [Specifics of the budget investments in the sphere of higher vocational education]. *Juridicheskij mir* = Legal World. 2011; 2:41—45. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16319614> (accessed 12.05.2015). (In Russ.)

² Zdes' i dalee privedeny dannye Upravlenija FNS Rossii po RM [Henceforward the given data are those provided by the Directorate of the Federal Tax Service of Russia in the Republic of Mordovia].

³ Prikaz FNS Rossii «Ob utverzhdenii perechnej organizacij, nahodjashihhsja v vedenii FNS Rossii» ot 30 dekabrya 2013 g. № ND-7-5/661@ [Order of the FTS of Russia “On approving the lists of organizations administered by the FTS of Russia of 30 December 2013, No. ND-7-5/661@”]. Available from: https://www.nalog.ru/rn77/about_fts/fts/subordinate/4573620/ (accessed 12.10.2015). (In Russ.)

⁴ Itogovyy otchet Federal'noj nalogovoj sluzhby Rossii o rezul'tatah analiza sostojanija i perspektiv razvitija sistemy obrazovanija za 2013 g. [The final report of the Federal Tax Service of Russia on the results of the analysis of state and prospects of development of the education system for 2013]. Available from: <https://www.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/docs/dopprof/analiz2013.rtf> (accessed 18.09.2015). (In Russ.)

⁵ Rogova GI. Professional'naja kompetentnost' kak osnova konkurento-sposobnosti rabotnikov nalogovyh organov Rossii [Professional competence as the basis for competitiveness of the employees of the tax authorities of Russia]. *Novainfo.ru*. 2015; 34:349—358. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23477684> (accessed 23.12.2015). (In Russ.)

⁶ Rogova GI. Jetapy i stupeni professional'nogo razvitija rabotnikov nalogovyh organov [Stages and steps of professional development of the employees of the tax authorities]. *Innovacii v nauke = Innovations in science*. Ufa: Ajeterna Publ.; 2014. Available from: <http://aeterna-ufa.ru/sbornik/SB-01.pdf> (accessed 20.10.2015). (In Russ.)

⁷ Prikaz «Ob utverzhdenii Konceptii kadrovoj politiki Federal'noj nalogovoj sluzhby» [Order “On approval of the Concept of human resources management in the Federal Tax Service of 11 July 2011, No. MMV-7-4/436@”]. *Informacionno-pravovoj portal GARANT = Legal information portal GARANT*.

MOROZOVA Galina Vladimirovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Finance and Credit, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

DERINA Olga Viktorovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Finance and Credit, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

Поступила 22.01.2016.

А. М. АЛЛАЯРОВА

МЕТОДИКА РАСЧЕТА ПРОЖИТОЧНОГО МИНИМУМА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)¹

Ключевые слова: прожиточный минимум, минимальная потребительская корзина, индекс потребительских цен

Аннотация. В статье на примере Республики Башкортостан даны сведения о порядке определения прожиточного минимума, его структуре и величине. Представлена авторская оценка расчета стоимости прожиточного минимума и потребительской корзины.

Реферат. Введение: от подходов к определению черты и уровня бедности, принятых в стране и регионе, зависит социальная защита малоимущих слоев населения. Применяемая в России и ее регионах концепция абсолютной бедности детерминирована величиной прожиточного минимума. Рассмотрение порядка расчета этого социального норматива за период реформирования позволяет оценить специфику нормативно-статистического и нормативного подходов.

Материалы и методы: материал подготовлен на основе данных государственной статистики. Для расчета показателей относительной бедности использованы возможности прикладной программы RASP.

Результаты исследования: в ходе исследования на основе сравнения темпов роста регионального прожиточного минимума и индексов потребительских цен предложен авторский подход расчета прожиточного минимума. Дано сопоставление масштабов бедности, определенной на основе абсолютной и относительной концепций. Особое внимание уделено квартальной динамике прожиточного минимума по официальной методологии 2013 г. При сезонных перепадах цен на отдельные продуктовые позиции, заложенные в потребительской корзине, происходит резкий рост (снижение) всей стоимости прожиточного минимума, что не всегда отражает реальное положение, на основе индекса потребительских цен. Во избежание этого необходим более четкий учет изменения цен на непродовольственные товары

АЛЛАЯРОВА Альмира Магруфовна, главный специалист — эксперт отдела статистики уровня жизни и обследований домашних хозяйств Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан (г. Уфа).

© Аллаярова А. М., 2016

и услуги. Проведена оценка потребительской корзины в регионе, в которой продуктовая стоимость определяется в соответствии с применяемой методикой, а стоимость непродовольственных товаров и услуг корректируется прямым умножением на соответствующие индексы потребительских цен. Оценочный вариант стоимости прожиточного минимума близок к уровню, рассчитанному по действующей методике, при этом менее подвержен резким перепадам в динамике, что крайне значимо в социальной практике. В связи со стремлением России к европейским стандартам в этом вопросе обосновано рассмотрение относительной концепции бедности, принятой в странах ОЭСР, на региональном уровне.

Обсуждение и заключения: изучение методологических основ позволило рассмотреть причины выраженных перепадов в квартальной динамике стоимости прожиточного минимума. Сделан вывод о том, что при определении стоимости прожиточного минимума на основе применяемого в настоящее время нормативно-статистического подхода необходим более четкий учет изменения цен на непродовольственные товары и услуги.

В отечественной науке и практике накоплен опыт построения национальной линии бедности за годы постсоветского развития. Методологические подходы к определению прожиточного минимума (ПМ) представлены в отдельных нормативных актах, программах федерального и регионального уровня. Ряд исследователей особое внимание обращает на расчеты минимальной потребительской корзины (ПК) в стране во взаимосвязи с измерением уровня бедности². В то же время анализ имеющейся отечественной литературы показывает недостаточную разработанность методики определения минимальных средств существования, адекватной современному состоянию российского общества, следовательно, требующей научного осмысления. Кроме того, эта проблема актуализируется в моменты пересмотра официальной методологии.

Показатель ПМ в России получил развитие как социальный норматив с началом рыночных отношений. Перед «либерализацией» цен был разработан показатель «минимальный потребительский бюджет»³. Эта ПК включала более 250 позиций продуктов питания, предметов личного и общественного пользования и платных услуг. Минимальный потребительский бюджет рассчитывался на одного члена семьи из четырех человек (два трудоспособных взрослых и двое детей-иждивенцев разного возраста).

В начальный период реформирования необходимость строгих финансовых ограничений в условиях кризисного состоя-

ния экономики наряду с проведением жесткого либерального курса во многом способствовала принятию в стране крайне низкого уровня ПМ. Порядок расчета ПМ был существенно пересмотрен и изменялся в дальнейшем трижды⁴, при этом каждая методика предусматривала учет региональной специфики. С 1992 по 1999 г. величина определялась по методике, основанной на нормативно-статистическом подходе⁵. В ПК нормативно с применением средних цен по 25 товарам-представителям рассчитывалась стоимость продуктового набора. Стоимость непродовольственных товаров и услуг оценивалась статистически, т. е. исходя из фиксированной структуры ПМ, в которой, например, в Башкортостане, 69,1 % занимали продукты питания, 18,9 % — непродовольственные товары, 7,2 % — услуги, 4,8 % — налоги и платежи. Соответственно, на динамику величины ПМ оказывало влияние изменение цен только продуктовой части.

В октябре 1997 г. с принятием Федерального закона «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»⁶ устанавливается правовая основа для определения ПМ и его учета при осуществлении мер социальной защиты граждан. Величина ПМ в соответствии с действующим законодательством представляет собой стоимостную оценку ПК (устанавливается федеральным законом и законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации), а также обязательные платежи и сборы.

Началом реализации закона в субъектах Российской Федерации стал 2000 г. Были разработаны и утверждены новые методические рекомендации по определению ПМ⁷. Наряду с улучшением продуктового набора (по объему и числу позиций), стали нормативно учитываться непродовольственные товары и услуги. В ПК входили 34 позиции продуктов питания, свыше 100 товаров общесемейного и индивидуального пользования, а также основные статьи жилищно-коммунальных и транспортных услуг. Методика, основанная на нормативном подходе, применялась с 2000 по 2012 г. Этот подход характеризуется относительно высокой трудоемкостью, однако темпы роста рассчитываемого таким образом ПМ в основном следовали динамике инфляционных процессов через индекс потребительских цен (ИПЦ).

С 2013 г. по настоящее время величина ПМ рассчитывается в соответствии с методикой, основанной на нормативно-

статистическом подходе⁸. Практически произошел возврат к принципу, применяемому в 1992—1999 гг., когда стоимость непродовольственных товаров и услуг определялась в процентном отношении от стоимости набора продуктов питания. В отличие от первоначальной методики продукты питания сейчас занимают меньшую долю — 50,0 % от стоимости ПК (здесь 46,7 % от стоимости ПМ с учетом коэффициентов пересчета и обязательных платежей в Республике Башкортостан за IV квартал 2015 г.), от предыдущей методики — более высокую (в 2003—2012 гг. варьировала в пределах 38,0—46,0 %). Общеизвестно, что уменьшение удельного веса расходов на продукты питания в структуре потребительских расходов говорит о повышении уровня благосостояния населения. Вместе с тем в последней версии расчета ПМ структурные сдвиги не соответствуют этой тенденции.

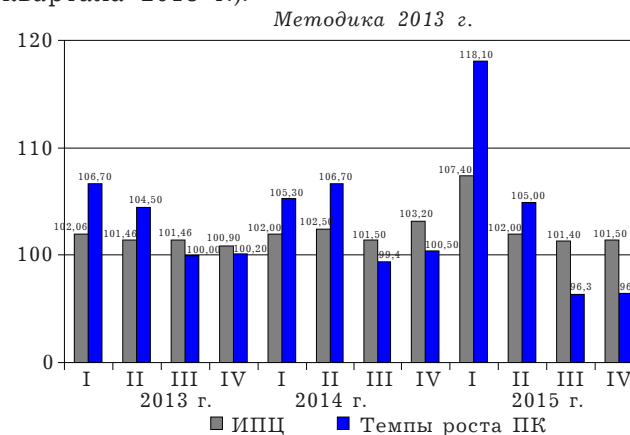
С одной стороны, в очередной раз были улучшены качественные характеристики питания (повышены нормативы потребления по наиболее ценным продуктам питания и увеличено количество продуктов-представителей до 42), с другой — изменение стоимости непродовольственных товаров и услуг связано, главным образом, с колебаниями стоимости минимального набора продуктов питания. Несмотря на то что в алгоритме определения величины ПМ последней версии участвуют ИПЦ непродовольственных товаров и услуг (через поправочные коэффициенты), происходящие инфляционные изменения учитываются в недостаточной мере.

Представленный подход ставит стоимость ПК в полную зависимость от изменения цен в продуктовом наборе, недостаточно учитывая ценовую ситуацию, складывающуюся по непродовольственным товарам и услугам. При сезонных перепадах цен на ряд продуктов, занимающих существенную долю в объемах, заложенных в ПМ (картофель и овощи), происходит резкий рост (снижение) стоимости всей ПК, что не всегда отражает реальное положение и противоречит ИПЦ. При нормативном подходе в 2000—2012 гг. ПМ в динамике менялся в соответствии с ИПЦ, при нормативно-статистическом в 2013—2015 гг. — с более существенными отклонениями. В IV квартале 2015 г. по отношению к предыдущему кварталу произошло снижение ПМ (методика 2013 г.) на 3,6 % при ИПЦ 101,5 %. Для сравнения: в соответствующий период 2012 г. темпы роста ПМ (методика 2000 г.) и ИПЦ схожи: 100,7 и 101,2 %.

В начале года более высокий рост ПМ относительно ИПЦ может быть связан с внесением изменений в набор товаров и услуг для наблюдения за потребительскими ценами. Также на отклонения от ИПЦ влияют сезонные колебания цен на продукты питания, занимающие относительно высокую долю в объемах минимального набора. При нормативно-статистическом подходе их влияние неоправданно завышено.

В начале 2013 г. более высокий темп роста ПМ обозначился в основном за счет перехода на новую методику. В начале 2015 г. более значительное повышение цен на продукты питания (112,1 %, по овощам и картофелю — 148,0 и 131,2 % соответственно, против 106,1 % по непродовольственным товарам и 104,4 % по услугам)⁹ повлекло сверхвысокое увеличение стоимости ПМ по сравнению с общим ИПЦ (118,1 % против 107,4 %). Учет через коэффициенты ИПЦ на непродовольственные товары и услуги на величине ПМ отразился незначительно.

Для снижения трудоемкости и упрощения расчета ПМ при одновременном сохранении качества и полноты учета мы оценили ПК в регионе, в которой продуктовая стоимость определяется в соответствии с применяемой методикой, а стоимость непродовольственных товаров и услуг откорректирована прямым умножением их стоимости на соответствующие ИПЦ (рис. 1). В расчетах использованы данные за последние три года, период применения новой методики (с I квартала 2013 г.).

Продолжение рис. 1 на стр. 84

Окончание рис. 1. Начало на стр. 83

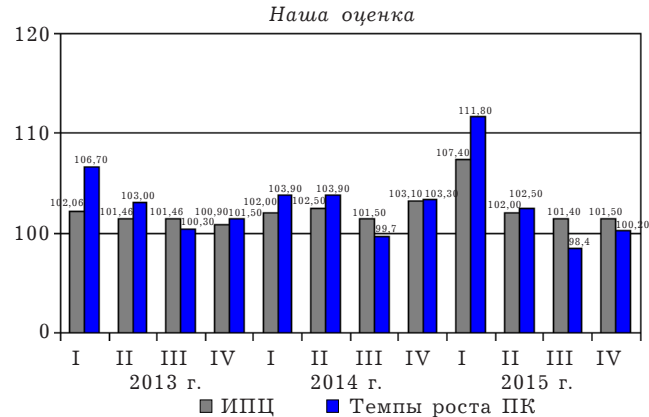

Рис. 1. Динамика ПК и ИПЦ, % к предыдущему кварталу

Можно рассмотреть вопрос о расчете стоимости продуктового набора в действующей методике. При этом базовую стоимость непродовольственных товаров и услуг (0,5 от стоимости продуктового набора) корректировать (поквартально или ежемесячно) прямым перемножением на ИПЦ. В этом случае учитываются инфляционные процессы и, что важно, не происходит резких скачков (падений) в показателе (рис. 2).

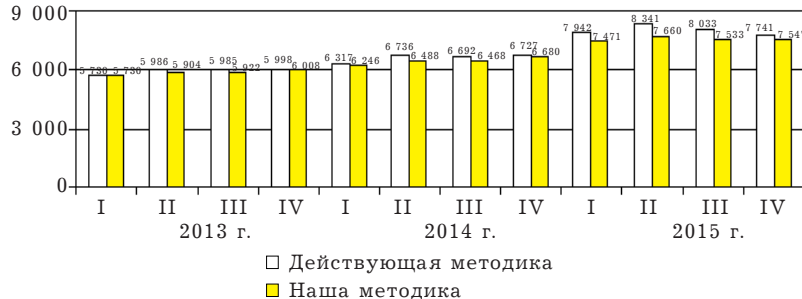

Рис. 2. Динамика стоимости ПК, руб. в квартал на чел.

Таким образом, оценочный вариант величины ПМ почти соответствует уровню, рассчитанному по действующей методике, при этом менее подвержен резким перепадам в динамике, что важно в социальной практике. На наш взгляд,

во избежание противоречий с ИПЦ и для смягчения влияния сезонного фактора на продовольственном рынке необходим более точный учет изменения цен на непродовольственные товары и услуги.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-12-02018 («Сельская бедность в условиях глобальных вызовов: региональный аспект»).

² См.: Овчарова Л.Н., Бирюкова С.С., Попова Д.О., Варданян Е.Г. Уровень и профиль бедности в России: от 1990-х годов до наших дней. М.: НИУ ВШЭ, 2014. 35 с.

³ См.: Кузнецова Н., Разумов А. Минимальный потребительский бюджет. Как его считать? // Экономика и жизнь. 1991. № 37.

⁴ См.: Аллаярлова А.М., Бакиева М.С. О прожиточном минимуме в Республике Башкортостан // Экономика и управление: науч.-практ. журн. 2015. № 1. С. 114—117. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22971056> (дата обращения: 12.01.2016).

⁵ См.: Методические рекомендации по расчетам прожиточного минимума, утвержденные Министерством труда Российской Федерации 10 нояб. 1992 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 2 марта 1992 г. № 210 «О системе минимальных потребительских бюджетов населения Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 11. С. 558.

⁶ См.: Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» от 24 окт. 1997 г. № 134-ФЗ // Рос. газ. 1997. 29 окт.

⁷ См.: Методические рекомендации по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения в целом по Российской Федерации и в субъектах Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 17 февр. 1999 г. № 192 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 8. Ст. 1039.

⁸ См.: Методические рекомендации по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения в субъектах Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 28 янв. 2013 г. № 54 // Там же. 2013. № 5. Ст. 395.

⁹ Рассчитано по: Уровень и динамика цен в Республике Башкортостан: стат. бюл. № 3 (январь — март 2015 г.). Уфа, 2015. С. 7.

A. M. ALLAYAROVA. METHODS OF CALCULATING THE LIVING WAGE (THE CASE STUDY OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

Key words: living wage, minimum market basket, consumer price index

Abstract. Based on the case study of the Republic of Bashkortostan, the paper presents information about the order of setting the living wage, its structure and rate. The author assesses calculation of the living wage rate and of the market basket.

Synopsis. Introduction: approaches to determination of the poverty threshold and the level of poverty adopted in the country and the region influence the social protection of the poor. The absolute poverty concept used in Russia and in its regions is determined by the living wage rate. Consideration of how to calculate this social standard during the period of reform makes it possible to evaluate the specifics of the normative-statistical and normative approaches.

Materials and Methods: the material is based on the state statistics. For calculating the indicators of relative poverty the RASP application was used.

Results: in the course of the study based on comparison of growth rates of regional living wages and consumer price indices, the author proposes an approach to calculate the minimum living wage. Comparison of the extent of poverty determined on the basis of both absolute and relative concepts is presented. Special attention is paid to the quarterly dynamics of the living wage determined by the 2013 official methodology. Seasonal changes in prices of selected food items built into in the market basket lead to a sharp increase (decrease) in the living wage rate; this does not always reflect the real situation, based on the consumer price index. To avoid this, a clearer account of the change in prices for nonfood goods and services is necessary. Evaluation of the market basket in the region was carried out, where the cost of groceries is determined in accordance with the applied method and the cost of nonfood goods and services is adjusted through direct multiplication by the corresponding consumer price indices. The evaluation-based variant of the living wage is close to the rate calculated according to the existing method, at the same time, it is less subject to sudden changes in dynamics, which is extremely important in social practice. In terms of Russia's aspiration to meet the European standards concerning this issue, consideration of the relative concept of poverty adopted in OECD countries and at the regional level is substantiated.

Discussion and Conclusions: scrutiny of the methodological foundations of the study made it possible to consider the causes of the apparent fluctuations in the quarterly dynamics of the living wage rate. It is concluded that in determining the living wage rate based on the normative-statistical approach currently used, a clearer account of the change in prices for nonfood goods and services is necessary.

REFERENCES

¹ Stat'ja podgotovlena pri finansovoj podderzhke RGNF proekt № 15-12-02018 («Sel'skaja bednost' v usloviyah global'nyh vyzovov: regional'nyj aspekt») [This paper was prepared with financial support from the Russian Foundation for the Humanities, Project No. 15-12-02018 ("Rural poverty in the context of global challenges: a regional perspective")].

² Ovcharova LN, Biryukova SS, Popova DO, Vardanyan EG. Uroven' i profil' bednosti v Rossii: ot 1990-h godov do nashih dnei [The level and profile of poverty in Russia: of the 1990th years up to now]. Moscow: NIU VShJe Publ.; 2014. 35 p.

³ Kuznetsova N, Razumov A. Minimal'nyj potrebitel'skij bjudzhet. Kak ego schitat'? [The minimum consumer budget. How to calculate it?]. *Jekonomika i zhizn'* = Economy and Life. 1991.

⁴ Allayarova AM, Bakieva MS. O prozhitochnom minimume v Respublike Bashkortostan [Minimum Cost of Living in the Republic of Bashkortostan]. *Jekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal* = Economics and Management: Research and Practice Journal. 2015; 1:114—117. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22971056> (accessed 12.01.2016). (In Russ.)

⁵ Metodicheskie rekomendacii po raschetam prozhitochnogo minimuma, utverzhdennye Ministerstvom truda Rossijskoj Federacii 10 nojabrja 1992 g. v sootvetstvii s Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 2 marta 1992 g. № 210 «O sisteme minimal'nyh potrebitel'skikh bjudzhetov naselenija Rossijskoj Federacii» [Methodical recommendations for calculation of the living wage approved by the Ministry of Labour of the Russian Federation of 10 November 1992 in accordance with the Decree of the President of the Russian Federation of 2 March 1992 No. 210 "On the system of minimum consumer budgets of the population of the Russian Federation"]. *Vedomosti SND i VS RF* = Sheets of SND Russian Federation and Russian Armed Forces. 1992.

⁶ Federal'nyj zakon «O prozhitochnom minimume v Rossijskoj Federacii» ot 24 oktjabrja 1997 g. № 134-FZ [Federal Law of 24.10.1997 No. 134-FZ "About a living wage in the Russian Federation"]. *Rossijskaja gazeta* = Russian Newspaper. 1997.

⁷ Metodicheskie rekomendacii po opredeleniju potrebitel'skoj korziny dlja osnovnyh social'no-demograficheskikh grupp naselenija v celom po Rossijskoj Federacii i v sub#ektah Rossijskoj Federacii: postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 17 fevralja 1999 g. № 192 [Methodological recommendations for determining the market basket for the main socio-demographic groups in the Russian Federation as a whole and in the constituent entities of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation of 17 February 1999 No. 192]. *Sobranie zakonodatelstva Rossijskoj Federacii* = Code of laws of the Russian Federation. 1999; 8. Art. 1039.

⁸ Metodicheskie rekomendacii po opredeleniju potrebitel'skoj korziny dlja osnovnyh social'no-demograficheskikh grupp naselenija v sub#ektah Rossijskoj Federacii: postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 28 janvarja 2013 g. № 54 [Methodological recommendations for determining the market basket for the main socio-demographic groups in the constituent entities of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation of 28 January 2013 No. 54]. *Sobranie zakonodatelstva Rossijskoj Federacii* = Code of laws of the Russian Federation. 2013; 5. Art. 395.

⁹ Uroven' i dinamika cen v Respublike Bashkortostan: statisticheskij bjulleten'. № 3 (janvar' — mart 2015 g.) [The standard and dynamics of prices in the Republic of Bashkortostan]. Ufa; 2015.

ALLAYAROVA Almira Magrufovna, Chief Specialist — Expert of the Department for Living Standards Statistics and Household Surveys, Territorial Body of the Federal State Statistics Service in the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russian Federation).

Поступила 31.03.2016.

О. Н. ЧИРКОВА

ВЛИЯНИЕ ИМИДЖЕВОЙ ПОЛИТИКИ И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО БРЕНДИНГА РЕГИОНА НА ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова: бренд региона, социальный имидж, этнокультурный брендинг, республики в составе Российской Федерации, региональная идентичность

Аннотация. В статье анализируется эволюция содержания этнокультурного образа Республики Мордовия в сознании населения региона и оценивается влияние имиджевой политики республики, направленной на создание регионального этнокультурного бренда, на развитие республиканской идентичности.

Реферат. Введение: в настоящее время отличительные свойства республик в составе Российской Федерации как «этнических регионов» фактически составляют одну из основ формирования образов этих территорий, предназначенных для официальной пропаганды и медиапозиционирования — регионального брендинга, призванного повысить их привлекательность для бизнеса и проживания. Региональный брендинг представляет собой самопрезентацию территории другим регионам, странам или иным социальным акторам.

Материалы и методы: использованы материалы публикаций исследований зарубежных и российских ученых, занимающихся данной проблематикой, а также материалы авторского социологического исследования — массового опроса «Образ Республики Мордовия в общественном мнении населения», проведенного с 1 февраля по 20 апреля 2015 г. Сбор первичной социологической информации осуществлялся методом очного анкетирования респондентов по месту проживания. Обработка данных проведена при помощи программы SPSS версии 19.0.

Результаты исследования: в ходе исследования определены основные эмоционально-аффективные (гордость за проживание на территории республики), оценочные (положительное или негативное восприятие образа региона в целом), персональные компоненты этнокультурного образа республики

ЧИРКОВА Оксана Николаевна, аспирант кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

© Чиркова О. Н., 2016

(исторические личности, персоналии известных земляков, придающие узнаваемость региону), а также культурно-исторические, событийные, экономические, природные компоненты этнокультурного образа региона. Изучено мнение населения Мордовии о восприятии этнокультурного образа за пределами республики (основные объекты, люди, организации, которые ассоциируются с ней, по мнению жителей региона).

Обсуждение и заключения: опрос выявил тенденцию роста позитивного восприятия имиджа республики ее населением в течение 2013—2015 гг., которая, на наш взгляд, свидетельствует о заметном влиянии целенаправленной имиджевой политики, проводимой органами государственной власти республики, на формирование позитивной идентичности ее населения. Исследование также показало, что в этнокультурном образе республики по-прежнему преобладают компоненты, связанные с культурой титульной национальности (традиции современной мордовской культуры), а также с православным культурным наследием (храмы и монастыри).

В настоящее время отличительные свойства республик в составе Российской Федерации как «этнических регионов» составляют одну из основ формирования образов этих территорий, предназначенных для официальной пропаганды и медиапозиционирования — регионального брендинга, призванного повысить их привлекательность для бизнеса и проживания. Региональный брендинг представляет собой самопрезентацию территории другим регионам, странам или иным социальным акторам. И. Гофман характеризует процесс самопрезентации как целенаправленное влияние на определенные ситуации, в процессе которого индивид выражает себя таким образом, чтобы создать у других впечатление, которое побудит их действовать добровольно, но согласно его собственным планам¹. С конструктивистской точки зрения формирование имиджа территории представляет собой составную часть создания «символического универсума» социальных смыслов и ценностей, интегрируя представления индивидов о социальной реальности, тем самым легитимируя и поддерживая институциональный порядок и обеспечивая «субъективное существование общего смысла»² — в данном случае связанного с легитимацией существования особых административных регионов как объектов брендинга.

В исходной форме понятие «бренд» используется в маркетинге, обозначая в буквальном смысле торговую марку производителя, а в более широком — совокупность представлений, символов и ценностей, связанных с реальными или предполагаемыми свойствами продуктов или услуг кон-

кретных производителей. С. Анхольт определяет бренд как «доброе имя чего-либо, предлагаемого публике, не больше и не меньше», которое «делает вашу продукцию заметной и не позволяет ей пропасть среди тысяч почти идентичных товаров, произведенных конкурентами... побуждает потребителя попробовать любой новый продукт, выпускаемый под той же торговой маркой»³. Как отмечает М. Ю. Тимофеев, с точки зрения экономистов, бренд идентифицирует товар или услугу как отличную от других товаров, указывая на неосязаемую сумму свойств продукта: его имени, упаковки и цены, его истории, репутации и способа рекламирования, позитивных функциональных и социально-психологических характеристик, ассоциируемых с продуктом или услугой, создает таким образом конкурентные преимущества, которые потребители считают достаточными для того, чтобы приобрести продукт⁴.

В маркетинге и имиджелогии принято различать понятия «имидж» и «бренд». А. П. Панкрухин определяет понятие «имидж» с точки зрения маркетинга как «комплекс ощущений и образных, эмоционально окрашенных представлений, спонтанно или управляемо, целенаправленно возникающих в психике по поводу особенностей данного продукта, его восприятия в обществе, а также по поводу условий и способов создания, продвижения и употребления продукта, как они представлены в информации, знаниях и переживаниях, опыте определенной группы людей»⁵, а бренд — как «коммерческое предложение на основе ярко выраженного позитивного имиджа продукта, включая уникальные возможности удовлетворения тех или иных запросов потребителей... и является высшим проявлением эмоциональных потребительских предпочтений». Основное отличие бренда от имиджа заключается в том, что бренд всегда имеет позитивное содержание и «характеризуется наличием позитивных устойчивых связей с целевой аудиторией», в то время как имидж «может быть неустойчивым, противоречивым и даже сугубо негативным»⁶.

Г. Л. Тульчинский выделяет такие функции бренда, как информационно-символическая (обеспечение известности и узнаваемости организации и результатов ее деятельности), рекламная (использование репутации в различных рекламных акциях и программах, способствующее закреплению и рас-

ширению клиентуры), формирования и развития социальных связей с различными контактными целевыми группами, мотивационная (мотивация работников организации — обладателя бренда, создание организационной культуры), формирования и реализации маркетинговой стратегии развития⁷. В бизнес-культуре бренд основывается на репутации производителя, вследствие чего атрибутом бренда организации является «бренд-имидж» — ее публичный образ «в «зеркале общественного мнения», т. е. сформированное представление целевой аудитории о деятельности и успехах предприятия (фирмы, компании), которое оказывает постоянное и динамичное влияние на взаимоотношение предприятия (фирмы, компании) с его реальными и потенциальными клиентами, его конкурентоспособность, финансовые результаты и контакты с государственными учреждениями»⁸.

Концепции имиджа и брендинга территорий также первоначально были разработаны в маркетинговых исследованиях, в частности в книге Ф. Котлера, К. Асплунда, И. Рейна, Д. Хайдера «Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы», в которой рассматривались проблемы улучшения туристического и общего социального имиджа европейских стран и регионов⁹.

Автором терминов «национальный бренд» и «бренд места» принято считать С. Анхольта, который определил бренды территорий как закрепленные в общественном сознании «представления о местах», которые носят конкурентный характер, и выделил шесть основных компонентов бренда страны — «культура и традиции, народ, туризм, торговые марки экспорта, внутренняя и внешняя политика, инвестиции и иммиграционное законодательство»¹⁰.

В то же время национальные бренды страны и государства во многом складываются от позиционирования образцов регионов. В. К. Малькова и В. А. Тишков, исследуя проблемы моделирования и маркетингового продвижения этнокультурных образов российских регионов, рассматривают в качестве синонимов понятия «имидж» и «бренд» региона. С их точки зрения, имидж, или социокультурный бренд территории, ориентирован как «на внешних потребителей, на привлечение людей, ресурсов и заказов, которые необходимы региону для его развития», так и «на местных

жителей, способствуя формированию у них чувства единства, патриотизма, ответственности за свою малую родину»¹¹. Соответственно, в имидже территории выделяются внешний и внутренний взаимосвязанные аспекты. Бренд представляет собой «рекламу» территории, он содержит информацию о ее конкурентных преимуществах, а также о ее уникальных свойствах, которые в совокупности создают неповторимый, запоминающийся образ, делают регион или город узнаваемыми.

В. И. Ильин также полагает, что «есть регион как физическое пространство, и есть регион как идеальный имидж, определяющий политику, экономическую стратегию, миграционные планы индивидов. Имидж — это интеллектуальная или социальная конструкция, в той или иной мере отражающая объективные характеристики в упорядоченном с точки зрения потребностей практики виде. В таком виде он включается в осознанный интерес социальных субъектов» и «оказывает активное обратное воздействие на физическое пространство, которое становится объектом активного освоения или забрасывается, привлекает или отталкивает потоки мигрантов»¹².

Аналогичной точки зрения на соотношение понятий бренда и имиджа территории придерживается Д. Н. Замятин, различающий понятия историко-географического образа и имиджа территории: по его мнению, если образ территории — это «максимально дистанцированное и опосредованное представление реальности»¹³, то имидж территории — это «совокупность или система базовых (простых) представлений об определенной территории, создаваемая, репрезентируемая и транслируемая преимущественно с помощью СМИ в конкретных политических, социокультурных, экономических целях»¹⁴, а «геокультурный бренд» — «целенаправленный, детально структурированный образ» определенной территории¹⁵.

В. К. Малькова и В. А. Тишков выделили основные компоненты историко-культурных образов территорий: ландшафт, историко-географические образы, связанные с историческим прошлым региона, культура, включая этническую специфику, люди — население региона как социальная общность, объединенная в силу исторической судьбы, условий жизни и менталитета, обладающая особыми социально-психоло-

гическими характеристиками, отличающими ее от населения соседних регионов, причем характеристики всех этих компонентов в стихийно сложившемся имидже территории могут быть как позитивными, так и негативными или амбивалентными¹⁶. Необходима целенаправленная имиджевая политика или ребрендинг территории.

Исследователи подчеркивают связь имиджевой стратегии республик в составе России с местной национальной политикой, направленной на формирование республиканского патриотизма и акцентирующей этнокультурную специфику этих регионов, причем их оценка возможных социальных последствий такой политики выглядит весьма амбивалентной. По мнению В. К. Мальковой и В. А. Тишкова, информационная политика республик в составе Российской Федерации, включающая создание и активное продвижение историко-культурных брендов республик, является частью собственной «политики идентичности», так как активно формирует «локальную, этнореспубликанскую идентичность, местный патриотизм, любовь к своей малой родине, которые идеологически скрепляют население республик в единое республиканское сообщество»¹⁷.

Таким образом, в научной литературе, посвященной проблемам формирования имиджа и брендингу территорий, имидж региона может рассматриваться и как целенаправленно формируемый позитивный образ, предназначенный для формирования региональной идентичности, а также для пропаганды привлекательности и конкурентных преимуществ региона, рассчитанный на внешнюю и внутреннюю аудиторию, и как стихийно формирующийся образ массового сознания, который может обладать как привлекательными, так и непривлекательными характеристиками. В дальнейшем, чтобы избежать совмещения этих понятий, мы, следуя традиции, сложившейся в маркетинге территорий, будем рассматривать бренд территории как сознательно формируемый позитивный отличительный образ, а имидж территории — в качестве более широкого понятия, обозначающего как целенаправленно сформированный, так и фактически сложившийся в массовом сознании комплекс эмоционально окрашенных представлений об отличительных социокультурных характеристиках региона, определяющий его восприятие собственным населением или внешними акторами.

С целью выявления на основе представлений жителей Республики Мордовия (РМ) специфики и основных компонентов ее этнокультурного образа, являющихся основой регионального брендинга, а также тенденций формирования и изменения региональной идентичности в последние годы мы с 1 февраля по 20 апреля 2015 г. провели социологическое исследование — массовый опрос «Образ Республики Мордовия в общественном мнении населения». Было опрошено 262 респондента в возрасте от 18 лет и старше. Выборка репрезентировала состав генеральной совокупности — взрослого населения республики — по полу и возрасту и месту проживания. Погрешность не превышает 6,0 в 94,0 % случаев. Для выявления тенденций региональной идентичности населения региона полученные данные сравнивались с результатами пилотажного исследования, проведенного нами в 2013 г.

В задачи исследования входило выявление основных эмоционально-аффективных (гордость за проживание на территории республики), оценочных (позитивное или негативное восприятие образа региона в целом), персональных компонентов этнокультурного образа республики (исторические личности, персоналии известных земляков, придающие узнаваемость региону), а также культурно-исторических, событийных, экономических, природных компонентов этнокультурного образа региона, а также изучение мнения населения Мордовии о восприятии этнокультурного образа за пределами республики (основные объекты, люди, организации, с которыми ассоциируется республика, по мнению жителей региона).

Один из главных компонентов конструирования этнокультурного образа — положительная самоидентификация населения с местом своего проживания. В ходе исследования было выявлено, что большинство опрошенных (68,3 %) гордятся тем, что проживают на территории РМ, относятся к этому безразлично 19,7 %, не испытывают чувство гордости 4,6 %. Если сопоставить полученные данные 2015 г. с данными пилотажного исследования 2013 г., то можно увидеть, что аналогично показателям 2013 г. жителей, испытывающих гордость за свою республику, стало почти на 30,0 % больше. Это в первую очередь говорит о возрастании положительной идентификации населения с местом своего проживания (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
«Гордитесь ли Вы тем, что проживаете в РМ?», %**

Вариант ответа	2013 г.	2015 г.
Горжусь	40,8	68,3
Отношусь к этому безразлично	45,8	19,7
Не горжусь	7,6	4,6
Затрудняюсь ответить	5,8	7,4
Итого	100,0	100,0

Респондентам, испытывающим чувство гордости за свой регион, предлагалось выбрать из предлагаемых в анкете альтернатив. Чаше остальных были представлены варианты: спортивные достижения (70,4 %), сохранение культурных традиций коренного населения (47,3 %) и многонациональность республики (40,9 %) (табл. 2). Спортивные достижения в 2015 г. отметило на 20,0 % респондентов меньше аналогично показателю 2013 г., что связано с антидопинговыми скандалами 2014—2015 гг. Также можно сделать вывод о том, что население стало более позитивно оценивать экономические достижения РМ относительно других регионов страны (2013 г. — 9,5 %, 2015 г. — 26,3 %) и что, по мнению респондентов, намного улучшилось положение в социальной защите населения РМ (2013 г. — 2,4 %, 2015 г. — 21,0 %). Также существенно возросло число отметивших альтернативу «Многонациональность республики» — с 16,7 до 40,9 %.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «В связи с чем Вы испытываете чувство гордости за то, что проживаете в РМ?», %*

Вариант ответа	2013 г.	2015 г.
Политическое влияние РМ на уровне страны	11,9	18,8
Экономические достижения РМ относительно других субъектов страны	9,5	26,3
Социальная защита населения	2,4	21,0
Научные и технологические достижения РМ	9,5	10,8
Спортивные достижения РМ	92,9	70,4
Достижения в области литературы и искусства	11,9	1,1
Сохранение культурных традиций коренного населения	47,6	47,3
Многонациональность РМ	16,7	40,9
Другое	16,7	1,1

* Сумма превышает 100,0 %, так как респондент мог выбрать более одного варианта ответа.

К негативными факторам, из-за которых местные жители не испытывают гордости за проживание на территории республики, относятся экономические, в первую очередь низкий уровень жизни населения (44,6 %), отсутствие работы (34,7 %), система кумовства (27,7 %) и неразвитость инфраструктуры, включая плохие дороги, отсутствие возможности интересного проведения досуга (24,8 %). Стоит отметить, что проблема кумовства — использования личных связей для покровительства руководителя своим родственникам и назначения на высокие посты людей по национальному признаку — теряет актуальность: в 2013 г. этот вариант отмечали 70,8 % респондентов, в 2015 — 27,7 % (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «В связи с чем Вы не испытываете чувство гордости за то, что проживаете в РМ?», %*

Вариант ответа	2013 г.	2015 г.
Отсталое экономическое развитие региона	20,8	14,9
Низкий уровень жизни	45,8	44,6
Отсутствие работы	33,3	34,7
Плохая экологическая обстановка	4,2	14,9
Неразвитость инфраструктуры	4,2	24,8
Слабая социальная защита населения	37,5	10,9
Система кумовства, большая роль личных связей	70,8	27,7
Другое	25,0	4,0

* Сумма превышает 100,0 %, так как респондент мог выбрать более одного варианта ответа.

Следующий вопрос звучал таким образом: «По Вашему мнению, как в целом население России относится к РМ?». Согласно теории зеркального «Я», этот вопрос должен был выявить собственное отношение населения региона к своей республике. Согласно полученным данным, можно сделать вывод о достаточно положительном отношении жителей РМ к своему региону (57,5 %). Стоит отметить, что по сравнению с 2013 г. произошли некоторые изменения, касающиеся отношения населения к собственному региону, увеличилось число респондентов, которые положительно воспринимают РМ (2013 г. — 30,8 %, 2015 г. — 57,5 %), и стало значительно меньше тех, кто безразлично (2013 г. — 45,8 %, 2015 г. — 20,5 %) и отрицательно (2013 г. — 2,5 %, 2015 г. — 0,4 %) относится к республике.

Большинство респондентов считают экс-главу РМ Н. И. Меркушкина персоной, которая способствует конструированию положительного образа республики (107 упоминаний). Н. И. Меркушкин долгое время находился на посту Главы РМ и стал инициатором многих конструктивных изменений, которые произошли в регионе за последние годы. Среди политических деятелей респонденты отмечали В. Д. Волкова (44 упоминания), который занимает пост главы региона. Также большое число респондентов в качестве уроженцев, способствующих поднятию имиджа региона, указало спортсменов, олимпийских чемпионов О. Н. Каниськину (16 упоминаний) и А. В. Мишина (15 упоминаний). Достижения в области спорта стали визитной карточкой региона. Что касается деятелей культуры, то респонденты чаще всего отмечали известного мордовского скульптора С. Д. Эрзю (11 упоминаний). Стоит отметить, что также известным уроженцем региона является участник Великой Отечественной войны Герой Советского Союза М. П. Девятаев (10 упоминаний).

Событиям, которые влияют на восприятие республики жителями других регионов России, по мнению населения региона, являются спортивные мероприятия, проводимые на территории РМ, к ним относятся в первую очередь: предстоящий Чемпионат мира по футболу в 2018 г. (55 упоминаний), на который жители возлагают большие надежды. Не менее важное значение имеют культурные мероприятия: прошедшее празднование тысячелетия единения мордовского народа с народами России (37 упоминаний), проведение форумов и мероприятий, связанных с развитием и поддержанием финно-угорской культуры (13 упоминаний).

Один из вопросов анкеты был направлен на то, чтобы выяснить является ли республика привлекательным для туристов регионом. Большинство опрошенных утвердительно ответили на данный вопрос (57,1 %), но у достаточно большого числа респондентов (21,1 %) возникли трудности, что говорит о неготовности населения республики относиться к месту своего проживания как к территории, привлекательной для туристов. Возможно, еще не пришло осознание предстоящего Чемпионата мира по футболу в 2018 г. и большого наплыва туристов. Также, скорее всего, люди не представляют, что в целом может привлечь туристов в республику.

Для конструирования регионального бренда большое значение имеет наличие на данной территории достопримечательностей и мест, которые в будущем захотели бы посетить гости региона и сами жители. При опросе респондентам предлагался список достопримечательностей региона, из них нужно было выбрать самые известные за пределами региона. По мнению жителей, самой популярной достопримечательностью является недавно открывшийся после реконструкции Музей изобразительных искусств им. С. Д. Эрьзи (78,8 %). Вторым по известности стал кафедральный собор святого праведного воина Феодора Ушакова (68,3 %), что, впрочем, неудивительно, так как этот храм является визитной карточкой республики, на сувенирной продукции РМ чаще остальных размещают его изображение (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, какие достопримечательности (памятники архитектуры, сооружения, музеи, храмы и т. д.) РМ известны за ее пределами?», %*

Вариант ответа	2013 г.	2015 г.
Кафедральный собор святого праведного воина Феодора Ушакова	71,7	68,3
Музей изобразительных искусств им. С. Д. Эрьзи	70,0	78,8
Фонтан «Звезда Тысячелетия»	7,5	16,6
Рождество-Богородичный Санаксарский мужской монастырь (Темниковский район РМ)	45,0	39,8
Иоанно-Богословский Макаровский мужской монастырь (г. Саранск)	20,8	21,6
Мордовский этнокультурный центр в с. Старая Теризморга	17,5	12,4
Центр резьбы по дереву в с. Подлесная Тавла	5,0	9,3
Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей	2,5	5,0
Мемориальный музей военного и трудового подвига 1941—1945 гг.	2,5	10,4
Парк культуры и отдыха им. А. С. Пушкина	13,3	22,8
Монумент «Навеки с Россией»	5,0	7,3
Параскево-Вознесенский монастырь (Рузаевский район РМ)	13,3	12,4
Театр оперы и балета	12,5	20,8
Стадион «Юбилейный»	10,0	22,8
Лыжно-биатлонный комплекс	24,2	14,3
Другое	3,3	0,8

* Сумма превышает 100,0 %, так как респондент мог выбрать более одного варианта ответа.

В ходе анализа последнего вопроса нашла подтверждение еще одна гипотеза исследования о том, что главными архитектурными и культурными достопримечательностями являются православные храмы, которые находятся на территории республики. К ним, естественно, относятся уже упомянутый кафедральный собор святого праведного воина Феодора Ушакова, Рождество-Богородичный Санаксарский (39,8 %) и Иоанно-Богословский Макаровский (21,6 %) мужские монастыри. Если собор был построен недавно и попал в ряд достопримечательностей в связи с монументальным строительством и красотой сооружения в центре столицы республики, то два других православных храма уже давно известны и их посещают паломники со всей России.

Как видно из табл. 4, большое число респондентов отметило в качестве достопримечательностей те места, которые в пилотажном исследовании 2013 г. не получили должной оценки: фонтан «Звезда Тысячелетия», Театр оперы и балета и стадион «Юбилейный». Важно и то, что 12,4 % респондентов отметили как достопримечательность Мордовский этнокультурный центр в с. Старая Теризморга, который демонстрирует жизнь древней мордвы и их культурные особенности. Из этого следует, что респонденты среди особых для посещения мест выделяют не только православные храмы и красивые сооружения, но и знакомство с национальной культурой мордвы.

Мордовия расположена в центральной части Восточно-Европейской равнины, в междуречье Оки и Суры. На ее территории отсутствуют горы и, естественно, нет морей, но все же существуют некоторые природные объекты, которые способствуют привлечению туристов и отдыхающих в республику. Эти природные объекты в свою очередь оказывают сильное влияние на конструирование регионального бренда. По мнению опрошенных, республика в первую очередь известна полноводной р. Мокшей (44,0 %), заповедником им. П. Г. Смидовича, который находится в Темниковском районе (42,1 %) и озером Инерка (35,1 %) (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, какими природными объектами (национальные парки, заповедники, реки и др.) славится РМ?», %*

Вариант ответа	2013 г.	2015 г.
Заповедник им. П. Г. Смидовича (г. Темников)	44,2	42,1
Озеро Инерка	30,0	35,1
Озеро Имерка (Зубово-Полянский район)	0,0	3,9
Сузгарье	11,7	9,3
Сосновый бор (г. Ковылкино)	14,2	23,9
Река Мокша	30,0	44,0
Река Сура	22,5	22,8
Святые источники (родники)	21,7	18,9
Артезианские скважины	16,7	7,7
Национальный парк «Смольный»	38,3	12,7
Другое	3,3	0,0
Затрудняюсь ответить	2,5	11,2

* Сумма превышает 100,0 %, так как респондент мог выбрать более одного варианта ответа.

Каждый регион по-своему оригинален и, конечно, в сознании людей с чем-либо ассоциируется, поэтому один из вопросов анкеты был посвящен ассоциациям, которые возникают у населения России при упоминании о Мордовии. Как выяснилось в ходе исследования, респонденты чаще всего вспоминают о спортивных достижениях уроженцев республики (57,6 %), хотя половина опрошенных считает, что образ республики по-прежнему связан с популярным «антибрендом» — местами лишения свободы (50,4 %). Главной персоной в республике много лет оставался бывший Глава РМ Н. И. Меркушкин, в связи с этим большое число опрошенных (41,2 %) выбрало его имя. В ходе анализа этого вопроса частично было подтверждена гипотеза о том, что Мордовия в большей степени ассоциируется со спортивными достижениями и с сельским хозяйством. Также большое число опрошиваемых связало РМ с сельским хозяйством (35,9 %) и центром финно-угорской культуры (35,9 %) (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, с чем ассоциируется РМ у населения других регионов?», %*

Вариант ответа	2013 г.	2015 г.
Сельское хозяйство (АПК)	19,2	35,9
«Мордовские лагеря» (места лишения свободы)	75,0	50,4
Достижения в области спорта	70,8	57,6
Инновационная площадка «Технопарк»	1,7	19,1
Дотационный регион	18,3	8,4
Центр финно-угорской культуры	27,5	35,9
Многонациональная республика	8,3	9,2
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва	5,0	26,0
Политическая поддержка партии «Единая Россия» и Президента Российской Федерации	17,5	14,1
Воровство, бандитизм	0,8	2,3
С именем Н. И. Меркушкина	53,3	41,2
С визитом Ж. Депардье	49,2	17,6
Другое	0,8	0,0
Затрудняюсь ответить	1,7	3,1

* Сумма превышает 100,0 %, так как респондент мог выбрать более одного варианта ответа.

В связи с изменениями внешней политики России и введением санкций против нее у РМ есть все шансы со своей продукцией выйти на рынки страны и заявить о своих возможностях. В этнокультурный образ территориального брендинга также входит неповторимый товар, производимый в регионе, который может быть представлен в виде подарков или сувениров. По мнению респондентов, наиболее известной продукцией, которая выпускается в республике, является алкогольная (50,8 %); еще одной популярной альтернативой стали светотехнические изделия (42,4 %), довольно известна кондитерская продукция (29,4 %). Треть опрошенных отмечает, что популярными являются мясные (30,5 %) и молочные (29,8 %) продукты. Стоит отметить, что в связи со всеми экономическими обстоятельствами усиливается роль сельскохозяйственной продукции региона.

В числе атрибутов культуры, которые известны за пределами республики, респонденты чаще всего называли мордовский костюм (71,5 %), мордовский фольклор (песни, сказки и т. д.) (42,2 %), резьбу по дереву (37,1 %) и традиционные блюда мордовской кухни (29,4 %). На основе этих

культурных особенностей в целом возможно дальнейшее конструирование регионального бренда. Мордовский костюм с элементами вышивки уже прочно укоренился в сознании жителей как неотъемлемая часть образа региона и ее культуры, к тому же он чаще всего демонстрируется на различных мероприятиях. То же самое должно произойти и с другими составляющими мордовской культуры.

Таким образом, опрос выявил тенденцию роста позитивного восприятия имиджа республики ее населением в течение 2013—2015 гг., которая, на наш взгляд, свидетельствует о заметном влиянии целенаправленной имиджевой политики, проводимой органами государственной власти региона, на формирование позитивной идентичности ее населения. Исследование также показало, что в этнокультурном образе республики по-прежнему преобладают компоненты, связанные с культурой титульной национальности (традиции современной мордовской культуры), а также с православным культурным наследием (храмы и монастыри).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. ст. А.Д. Ковалева. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 14.

² См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М., 1995. С. 152.

³ Анхольт С., Хильдрет Д. Бренд Америка: мать всех брендов. М.: Добрая книга, 2010. С. 14.

⁴ См.: Тимофеев М.Ю. Города и регионы как постиндустриальные бренды // Лабиринт. Журн. соц.-гуманит. исслед. 2013. № 5. С. 30. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21065463> (дата обращения: 14.01.2016).

⁵ Панкрухин А.П. Бренды и брендинг // Практик. маркетинг. 2011. № 4. С. 5. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16225955> (дата обращения: 14.01.2016).

⁶ Там же. С. 6.

⁷ См.: Тульчинский Г.Л. Брендинг как фактор позиционирования и продвижения регионов // PR и реклама в системе территориального маркетинга. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 138.

⁸ Годин А.М. Брендинг: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Дашков и К°, 2013. С. 105.

⁹ См.: Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб.: Стокгольм. шк. экономики в С.-Петербурге, 2005. С. 11.

¹⁰ Анхольт С., Хильдрет Д. Бренд Америка: мать всех брендов. С. 21.

¹¹ Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест / под ред. В.К. Мальковой, В.А. Тишкова. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 30.

¹² Ильин В.И. Социальное неравенство. М.: Ин-т социологии РАН, 2000. С. 260.

¹³ См.: Замятин Д.Н. Геокультурный брендинг территорий: концептуальные основы // Лабиринт. Журн. соц.-гуманит. исслед. 2013. № 5. С. 11. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21065461> (дата обращения: 14.01.2016).

¹⁴ Там же. С. 14.

¹⁵ Там же. С. 11.

¹⁶ См.: Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест. С. 43.

¹⁷ См.: Малькова В.К., Тишков В.А. Культура и пространство. URL: <http://valerytishkov.ru/engine/documents/document1316.doc> (дата обращения: 01.06.2015).

O. N. CHIRKOVA. INFLUENCE OF THE IMAGE POLICY AND ETHNO-CULTURAL BRANDING OF A REGION ON FORMATION AND DEVELOPMENT OF REGIONAL IDENTITY

Key words: regional brand, social image, ethno-cultural branding, republics within the Russian Federation, regional identity

Abstract. The paper analyzes the evolution of the ethno-cultural image of the Republic of Mordovia in the minds of the population of the region and the influence of the image policy of the Republic aimed at the establishment of the regional ethno-cultural brand, at the development of the Republican identity.

Synopsis. Introduction: currently, the distinctive feature of the republics of the Russian Federation as of “ethnic regions” is, in fact, one of the foundations of forming the images of these territories, intended for official propaganda and media positioning, the regional “branding”, designed to increase their attractiveness for business and living. Regional branding essentially is self-presentation of a certain territory to other regions, countries or other social actors.

Materials and Methods: the materials used are the research papers by foreign and Russian scientists, dealing with this issue, as well as the materials of a sociological research done by the author, the mass survey “The Image of the Republic of Mordovia in the Public Opinion of the Population” conducted from 1 February to 20 April 2015. Gathering the primary sociological data was carried out in person: the respondents returned the questionnaires they were given at their places of residence. For data processing SPSS 19.0 program was used.

Results: the study identified the key emotional and affective (pride of residence in the territory of the Republic), evaluative (positive or negative perception of the image of the region as a whole), personal components of the ethno-cultural image of the Republic (historical figures, famous countrymen giving recognition for the region), as well as cultural and historical, event, economic and natural components of the ethno-cultural image of the region. The opinion of the population of Mordovia on the perception of the ethno-cultural image outside the Republic was also studied (basic objects, people, organizations associated with it, according to the opinion of the inhabitants of the region).

Discussion and Conclusions: the survey revealed a trend of growing positive perception of the image of the Republic by its population during 2013—2015, which, in our opinion, indicates a noticeable influence of targeted branding policy pursued by the authorities of the Republic to form a positive identity of its population. The study also showed that the ethno-cultural image of the Republic is still dominated by the components associated with the culture of the titular ethnic group (traditions of the modern Mordovian culture), as well as with the Orthodox cultural heritage (churches and monasteries).

REFERENCES

- ¹ Goffman E. Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoj zhizni [The presentation self in every day life]. Moscow: KANON-press-TS: Kuchkovo field; 2000.
- ² Berger PL, Luckmann T. Social'noe konstruirovanie real'nosti: traktat po sociologii znaniya [The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge]. Moscow; 1995.
- ³ Anholt S, Hildreth J. Brend Amerika: mat' vseh brendov [Brand America: The mother of all brands]. Moscow: Good Book Publ.; 2010.
- ⁴ Timofeev MJ. Goroda i regiony kak postindustrial'nye brendy [Russian cities and regions as (post) industrial brands]. *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij* = Labyrinth. Journal of Social and Humanities Research. 2013. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21065463> (accessed 14.01.2016). (In Russ.)
- ⁵ Pankrukhin AP. Brendy i brending [Brands and Branding]. *Prakticheskij marketing* = Practical Marketing; 2011. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16225955> (accessed 14.01.2016). (In Russ.)
- ⁶ Ibid.
- ⁷ Tulchinsky GL. Brending kak faktor pozicionirovaniya i prodvizheniya regionov [Branding as a factor in positioning and promotion of regions]. *PR i reklama v sisteme territorial'nogo marketinga* = PR and advertising in the system of territorial marketing. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ.; 2012.
- ⁸ Godin AM. Brending [Branding]. Moscow: Dashkov & K; 2013.
- ⁹ Kotler Ph, Asplund K, Rein I, Khayder D. Marketing mest. Privlechenie investitsij, predpriyatij, zhitelej i turistov v goroda, kommuny, regiony i

strany Evropy [Marketing places. Attracting investments, businesses, residents and tourists in the city, municipality, region and Europe]. St. Petersburg: Stockholm of Economics in Russia; 2005.

¹⁰ See reference number 3 in the list of References.

¹¹ Kul'tura i prostranstvo: istoriko-kul'turnye brendy i obrazy territorij, regionov i mest [Culture and space: historical and cultural brands and images of areas, regions and locations]. Rostov-on-Don: Southern scientific center of the Russian Academy of Sciences Publ.; 2012.

¹² Il'in VI. Social'noe neravenstvo [Social inequality]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ.; 2000.

¹³ Zamyatin DN. Geokul'turnyj brending territorij: konceptual'nye osnovy [Geo-cultural branding of territories: the conceptual grounds]. *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij* = Labyrinth. Journal of Social and Humanities Research. 2013. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21065461> (accessed 14.01.2016). (In Russ.)

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ See reference number 11 in the list of References.

¹⁷ Malkova VK, Tishkov VA. Kul'tura i prostranstvo [Culture and Space]. Available from: <http://valerytishkov.ru/engine/documents/document1316.doc> (accessed 01.06.2015). (In Russ.)

CHIRKOVA Oxana Nikolaevna, Postgraduate at the Department of Sociology, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

Поступила 10.05.2016.

А. Н. ЕРШОВ

А. А. САЛАТОВА

ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ БЕЗРАБОТИЦЫ В 1992—2015 гг.

Ключевые слова: безработица, занятость, индекс актуальности проблемы безработицы, индекс вероятности увольнения, индекс вероятности трудоустройства, социоэкономический подход, общественное мнение, общественное восприятие

Аннотация. Статья посвящена обзору изменения общественного восприятия безработицы в контексте общественного мнения относительно занятости/безработицы и трудовых перспектив, а также в контексте направлений научного (преимущественно социологического) изучения безработицы. Анализируется период с 1992 г., с момента появления первых статистических данных о безработице, по конец 2015 г.

Реферат. Введение: реформирование российского общества в начале 1990-х гг. было направленно на развитие рыночных принципов хозяйствования и появление новых социальных явлений, например, таких как безработица. Переход к рыночным отношениям в России произошел стремительно, поэтому адекватное восприятие новых явлений социальной действительности формировалось постфактум. Отсутствовало публичное

ЕРШОВ Андрей Николаевич, профессор кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор социологических наук.

САЛАТОВА Александра Александровна, ассистент кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета.

© Ершов А. Н., Салатова А. А., 2016

обсуждение проводимых реформ и преобразований, подкрепленное данными научных изысканий. Однако с 1992 г. накопилось большое количество исследований, посвященных безработице как социально-экономическому явлению. В то же время наблюдается определенный дефицит обзорных работ, посвященных анализу того, как менялись направления научного исследования безработицы, ее восприятия и обществом в целом, и научным сообществом.

Материалы и методы: материалом послужили исследовательские работы по теме безработицы в 1992—2015 гг., данные инициативных всероссийских опросов ВЦИОМ за 2008—2015 гг.

Результаты исследования: анализ литературы позволил сгруппировать изменения, происходившие в восприятии безработицы по трем основным этапам: пореформенный этап повышенного общественного внимания (1992—1998 гг.), период посттрансформационного подъема (1999—2008 гг.) — попытки соотнесения динамики безработицы с основными социально-экономическими тенденциями и процессами, период затяжного экономического кризиса (с 2009 г. по настоящее время) — постепенное снижение актуальности темы безработицы на фоне постоянной общественной боязни потерять работу и трудностей в поиске равноценной.

Обсуждение и заключения: с опорой на труды современных ученых авторы статьи опровергают два основных стереотипных подхода к восприятию безработицы: «безработица обусловлена существованием рынка труда» и «безработица — абсолютное зло». Анализ динамики различных индикаторов общественного отношения к теме занятости и безработицы, разработанных ВЦИОМ (индекса актуальности проблемы безработицы, индекса вероятности увольнения, индекса вероятности трудоустройства) закономерно показал значительные колебания индекса актуальности темы безработицы в зависимости от социально-экономической обстановки в стране. Напротив, страх потери работы и сложностей в поиске равноценной, возможно, в виду его более эмоциональной, личностной природы, находится почти на том же уровне, испытывая лишь незначительные колебания.

С началом реформирования советской общественной системы проблемы занятости и безработицы активно изучаются. Однако к настоящему времени в массовом общественном сознании, а также в среде государственных деятелей, управленцев-практиков сформировались определенные стереотипы в понимании проблемы безработицы и поиску возможных путей ее разрешения. Отметим наиболее устоявшиеся следующие стереотипные суждения.

«Безработица — исключительно негативное социальное явление». В различных исследованиях такая оценка часто сопровождается этическими категориями «бедствие», «несчастье», «неизбежное зло» и эмоционально окрашенными

выражениями «чудовищные условия», «всеобщая нищета» и др. Стереотип имеет довольно давнюю историю. Он возник под влиянием великой депрессии 20—30-х гг. XX в. и кейнсианской экономической теории, в рамках которой полная занятость рассматривалась как случайное явление. В России в связи с декларируемым долгое время советским правительством тезисом о полной занятости после распада СССР и перехода к рыночной экономике это суждение, особенно в пореформенный период 1992—1998 гг., было очень распространено и популярно. Однако экономическая наука убедительно доказала, что полное отсутствие безработицы в обществе невозможно ввиду постоянного наличия определенного процента экономически активного населения (3—6 %), по различным причинам не желающего работать. Такую ситуацию принято описывать термином «естественный уровень безработицы»¹, который также называют уровнем безработицы при полной занятости.

Явление безработицы подвергается всестороннему анализу. Ее последствия и издержки оцениваются на различных уровнях (национальном, региональном, внутрифирменном) и по различным основаниям (социальным, экономическим, психологическим). Разработаны и успешно применяются различные экономические, статистические, факторные, потоковые модели анализа ситуации. Изучение процессов, протекающих на рынке труда, свидетельствует о том, что не все последствия и издержки безработицы можно однозначно оценить либо как положительные, либо как отрицательные. Например, согласно трехуровневой модели учета совокупных издержек безработицы А. В. Костыря, негативный на региональном уровне эффект от миграционных процессов рабочей силы, возникший вследствие кризиса и безработицы в отдельных отраслях экономики, на национальном уровне может быть преобразован в положительный путем эффективного перераспределения высвободившихся кадров в соответствии со спросом на рабочую силу. Такое перераспределение в итоге будет способствовать уменьшению расходов на выплату пособий по безработице, финансирование мероприятий по ее сокращению и повышению эффективности деятельности принимающих трудовые кадры предприятий².

«Безработица обусловлена самим существованием рынка труда. Если существует рынок труда, обязательно должна

существовать и безработица». Особенно интенсивно такой стереотип поддерживается представителями политэкономии социализма. Фактически прямой зависимости между этими явлениями нет. Напротив, развитый и гибкий рынок труда способствует «рассасыванию» безработицы. Безработица, скорее, является «органическим составляющим рынка труда»³. «Рынок труда — это своеобразное зеркало, в котором в каждый данный момент отражается либо недостаток, либо избышек рабочей силы по сравнению с потребностями общественного производства»⁴. Рынок труда, по сути, призван только регулировать отношения спроса-предложения на рабочую силу. Причины, обуславливающие наличие или отсутствие избыточной рабочей силы, лежат вне его рамок.

Применительно к российским условиям безработица как явление тесно связана, во-первых, с необходимостью обнаружения существенных характеристик различных общественных явлений, непосредственно влияющих на ситуацию и затрагивающих жизненные интересы многих субъектов социального действия, что в свою очередь порождает многоплановость толкований, оценок и мнений, а во-вторых, с исторической динамикой, в контексте которой проходила замена советских стереотипов деятельности, поведения и сознания в духе социализма новыми — рыночного типа. С точки зрения исторического динамизма Р. И. Капелюшников выделяет три этапа в развитии российского рынка труда: пореформенный (1991—1998 гг.), посттрансформационный подъем (1999—2008 гг.), период финансово-экономического кризиса (с 2009 г.)⁵. На наш взгляд, период всемирного финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг., относительной стабильности в 2012—2013 гг., а также период введения санкций в отношении России в 2014—2015 гг. следует объединить в один период структурного экономического кризиса. В пользу этого свидетельствует официальная позиция Правительства Российской Федерации, выраженная в выступлении первого вице-преьера И. И. Шувалова на Всемирном экономическом форуме в Давосе (январь 2015 г.): «На самом деле, из кризиса мы не вышли, а потом мягко начали переходить в другой, еще до событий на Украине, потому что мы стали резко терять темпы и стало понятно — вот он структурный кризис...»⁶. Безработица является составной частью рынка труда, поэтому анализ особенностей ее восприятия обществом целесообразно проводить в рамках рассмотренных этапов.

Пореформенный этап повышенного общественного внимания (1992—1998 гг.). На этом этапе повышенное общественное внимание к процессу формирования в России массовой безработицы было обусловлено самим фактом ее появления в результате перехода к рыночной экономике. Первоначальной формой реакции на данный процесс стал поток так называемой «алармистской публицистики»⁷ — большого количества работ, имеющих резко негативную окраску и прогнозирующих скорую потерю работы для миллионов людей.

В этот же период начинают появляться и публикации (например, З. В. Куприяновой⁸, Р. Г. Емцова⁹, У. Р. Килибаевой¹⁰) об основных статистических и социологических показателях роста численности незанятого населения. Со временем потребность в осмыслении реального хода изменений, происходящих в обществе, начала осознаваться острее, и это сместило вектор общественного внимания в сторону научного подхода к анализу безработицы.

Постепенно, по мере изучения рассматриваемого явления, накапливалась достоверная информация об изменениях в структуре и составе безработных, об их материальном положении и социальном самочувствии, о роли различных слоев населения в пополнении рядов незанятых граждан. Она отражена в работах В. Е. Гимпельсона и В. С. Магуна¹¹, А. А. Гордиенко, Г. С. Пошевнева и Ю. М. Плюснина¹², С. Л. Дановского¹³, Т. Четверниной¹⁴.

Этап посттрансформационного подъема 1999—2008 гг. — попытки соотнесения динамики безработицы с синхронными социально-экономическими процессами и тенденциями. Мировой кризис 1998—1999 гг. дал информационный толчок для нового витка в осмыслении занятости и безработицы. Он обострил зависимость динамики безработицы от общих тенденций социально-экономического развития страны и мира¹⁵. Интерес к теме безработицы усилился в период экономической нестабильности 1998—1999 гг. По данным статистического исследования Т. В. Кузьминовой, количество диссертаций, посвященных исследованию безработицы, возросло сразу же после кризиса и постепенно снизилось в последующие годы¹⁶. В посткризисный период ученые анализировали тенденции развития безработицы как явления, возможности управления ее динамикой. Предпринимались попытки (например, в рабо-

тах Л. С. Морозовой¹⁷, В. И. Шабоевой¹⁸, А. А. Шатскова и С. Е. Радонцева¹⁹) соотнести данные о синхронных с ним социально-экономических процессах.

Между тем без комплексного анализа проблемы довольно сложно оценить и интерпретировать ключевые факторы и особенности безработицы в России, а также найти эффективные механизмы решения проблемы.

На уровне массового сознания в вопросах восприятия безработицы уже к концу 1998 г. обозначились тревожные тенденции. По данным опросов ВЦИОМ, к ноябрю 1998 г. четверо из десяти опрошенных не имели представления о собственных ближайших перспективах в занятости, оплате труда и сохранении своего предприятия в целом²⁰. Под воздействием кризисной ситуации население страны все острее испытывает на себе давление реальных жизненных обстоятельств (потеря работы, падение уровня благосостояния, рост цен, инфляция) и начинает все больше осуждать безработицу. Число респондентов, считающих, что такое явление в России недопустимо, возросло в 1998 г. до 54 %, против 47 % в 1995 г.²¹ С прохождением острой фазы кризиса общественный интерес к теме безработицы начинает ослабевать. Уже к 2006 г. эта проблема в массовом сознании отошла на второй план. По итогам обследования ВЦИОМ, проведенного в октябре 2006 г., среди проблем, наиболее значимых для россиян, безработица занимала третье место после роста цен и пенсионного обеспечения²².

Период затяжного экономического кризиса (2009 г. по настоящее время) — постепенное снижение актуальности темы безработицы на фоне стабильной общественной боязни потерять работу и трудностей в поиске равноценной. На современном этапе научных исследований явления безработицы наблюдается рост количества работ, стремящихся использовать междисциплинарные, социоэкономические подходы. Применение социологического подхода, наряду с экономическим, позволяет вовлечь в исследовательский фокус работника как полноправного субъекта отношений на рынке труда, имеющего собственные потребности и интересы, и тем самым расширить рамки анализа от концепции экономического человека к социологическому. При этом, по мнению А. Л. Комлева, «основные компоненты рынка труда рассматриваются в контексте их включенности в систему

широких социальных связей и отношений, обуславливающих, наряду с экономическими, политическими, демографическими и социально-психологическими условиями и факторами, детерминацию состояния и тенденции развития рынка труда»²³. Однако, несмотря на то что социологический подход позволяет взглянуть на проблему занятости более широко, в отечественной науке он находится в стадии формирования²⁴. В пользу этого свидетельствуют диссертационные работы, защищенные с 2003 по начало 2015 г. Согласно полученным данным, безработица в первую очередь становится предметом исследования экономических наук и только потом — социологических²⁵.

Наметилась тенденция смещения вектора исследовательского интереса от проблем безработицы к анализу различных форм нестандартной, неформальной занятости, появившихся в последнее десятилетие в виду развития информационных технологий. В фокусе изучения безработицы в настоящее время находятся исследования:

— особенностей региональной безработицы. В рамках этого направления ученые предпринимают попытки обобщить и проанализировать не только особенности безработицы как социально-экономического явления, но и ее региональные особенности и специфические механизмы регулирования²⁶. При этом в качестве объекта исследования может выступать не только безработица субъекта Российской Федерации, что подтверждают исследования А. В. Сивцевой²⁷, Н. А. Княгининой и Я. С. Зыковой²⁸), но и отдельно взятого города или группы городов, а также сельской местности;

— гендерных особенностей российской безработицы: гендерного равенства при устройстве на работу, отраслевой сегрегации, вытеснения женщин с рынка труда в кризисные периоды и др. Этой проблематикой занимаются А. И. Ювченко²⁹, А. Д. Неретина и К. А. Нефедова³⁰);

— особенностей безработицы среди различных слоев и групп населения (среди молодежи, среди выпускников вузов, безработицы среди экономически активного населения). Об этом пишут А. А. Рацлаф и А. В. Седова³¹, С. И. Галяудинова и Б. М. Емалетдинов³²;

— особенностей переживания и преодоления ситуации безработицы безработными, что отражено в трудах А. П. Ивлевой³³, М. М. Орловой³⁴;

— особенностей безработицы как явления: рассматриваются сложности в трактовке различных определений и видов безработицы, проблемы многофакторного анализа этого явления.

По данным опросов ВЦИОМ, в начале 2014 г. тема безработицы для россиян была менее актуальной, чем в период экономического кризиса 2008—2009 гг.³⁵. Однако рассмотрение динамики различных индикаторов общественного отношения к теме занятости и безработицы (индекса актуальности проблемы безработицы, индекса вероятности увольнения (индекс вероятности проблем с работой с 2015 г.), индекса вероятности трудоустройства) свидетельствует о том, что общественная оценка вероятности увольнения остается примерно на одном уровне, испытывая незначительные колебания под воздействием кризисных явлений в экономике (рисунок). В аналогичных пределах наблюдается колебание индекса вероятности трудоустройства с той лишь разницей, что его значения более пессимистичны. Воздействие объективной экономической ситуации в стране и мире испытывает на себе только индекс актуальности проблемы безработицы, показавший максимальный прирост на 46 пунктов в начале 2009 г. Этот показатель, отражающий наличие/отсутствие в окружении респондентов лиц, потерявших работу за последние 2—3 месяца, наиболее подвержен сезонным колебаниям.

В целом с 2008 по 2015 г. россияне меньше обсуждают проблему безработицы, но они не перестали бояться увольнений, достаточно пессимистично оценивая возможность трудоустройства на равноценную работу. Возможно, такие оценки перспектив потери работы обусловлены переживаемом на личностном уровне страхом потери источника благосостояния, привычного образа жизни и других социальных издержек безработицы по принципу «своя шкура ближе». Наличие или отсутствие в кругу знакомых лиц, потерявших работу, не вызывает настолько сильных личностных, эмоциональных переживаний. Необходимо отметить, что страх перед безработицей характерен для населения многих стран. В США 35 % жителей считают безработицу наиболее важной проблемой, с которой столкнулась страна. Это наибольшее число обеспокоенных с 1983 г.³⁶

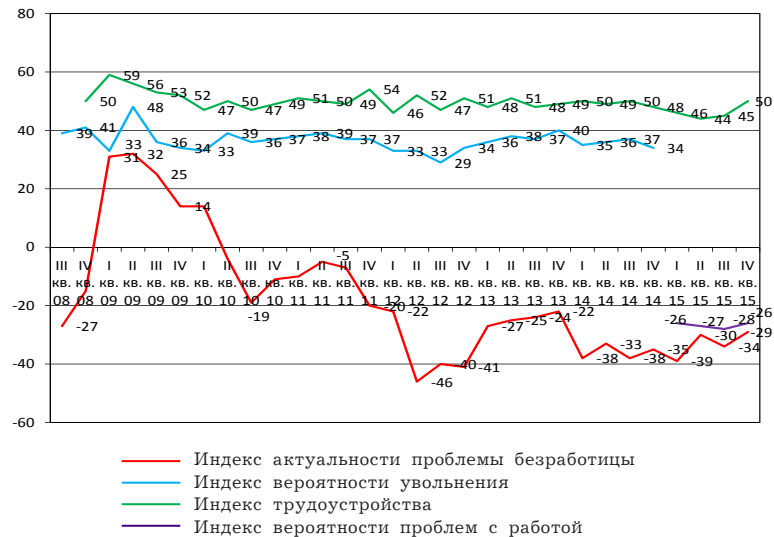

Рисунок. Динамика индексов общественного восприятия проблемы безработицы, по данным опросов ВЦИОМ

Таким образом, общественное восприятие явления безработицы прошло с начала 1990-х гг. этапы от негативного до спокойного и даже будничного. Однако в массовом общественном сознании на протяжении последних восьми лет страх потери работы сохраняется практически на одном и том же уровне. Более того, по данным опросов ВЦИОМ, население продолжает опасаться за возможность трудоустройства после потери работы на аналогичную должность. Несмотря на ухудшение социально-экономической обстановки в стране после введения антироссийских санкций в 2014 г., ситуация на рынке труда в 2015 г. была более спокойной по сравнению с кризисом 2008—2009 гг. Связано это, с одной стороны, с существенным сокращением в течение последних лет численности населения в трудоспособном возрасте и с уменьшением предложения рабочей силы. С другой стороны, в результате оптимизации численности персонала в 2009 г. на предприятиях отсутствует избыточная занятость. Однако опасения россиян за собственные трудовые перспективы, скорее всего, останутся на прежнем уровне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Friedman M. The role of monetary policy // Amer. Econ. Rev. 1968. № 58. P. 1—17.

² См.: Костыря А.В. К оценке социально-экономических последствий безработицы // Управление городом: теория и практика. 2013. № 2. С. 67—76. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=20406615> (дата обращения: 14.01.2016).

³ См.: Файзуллин И.Ф. Безработица и основные пути ее сокращения: дис. ... канд. социол. наук. Уфа, 2007. 177 с. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16120017> (дата обращения: 27.12.2015).

⁴ См.: Плакся В.И. Безработица: теория и современная российская практика (социально-экономический аспект). М.: Изд-во РАГС, 2004. 381 с. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19748634> (дата обращения: 27.12.2015).

⁵ См.: Капелюшников Р.И. Конец российской модели рынка труда?: Препринт WP3/2009/06. М.: Издат. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2009. 80 с. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19915880> (дата обращения: 29.11.2015).

⁶ Россия и кризис встретились в Давосе. URL: <http://www.interfax.ru/business/419940> (дата обращения: 12.10.2015).

⁷ См.: Гордон Л.А., Клопов Э.В. Социальные эффекты и структура безработицы в России // Социол. исслед. 2000. № 1. С. 24—32.

⁸ См.: Куприянова З.В. Безработица глазами работников // Мониторинг обществ. мнения: экон. и соц. перемены. 1994. № 5. С. 32—35. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=9231662> (дата обращения: 02.10.2015).

⁹ См.: Емцов Р.Г. Масштабы и формы безработицы // Там же. С. 40—43. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=9231664> (дата обращения: 02.10.2015).

¹⁰ См.: Килибаева У.Р. Безработица в условиях перехода к рыночным отношениям: дис. ... канд. экон. наук. Алматы, 1994. 320 с.

¹¹ См.: Гимпельсон В.Е., Магун В.С. Уволенные работники на рынке труда: новая работа и социальная мобильность // Социол. журн. 1994. № 1. С. 134—149. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23704120> (дата обращения: 03.10.2015).

¹² См.: Гордиенко А.А., Пошевнев Г.С., Плюснин Ю.М. Структура поведения безработного // Социол. исслед. 1996. № 11. С. 99—109.

¹³ См.: Дановский С.Л. Социальная типология безработных // Человек и труд. 1993. № 5—6. С. 22—24.

¹⁴ См.: Четвернина Т. Положение безработных и государственная политика на рынке труда // Вопр. экономики. 1997. № 2. С. 102—113.

¹⁵ См.: Козлов А.Г. Социальный процесс регулирования уровня безработицы в переходном периоде: дис. ... канд. социол. наук. М., 2000. 126 с. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19147947> (дата обращения: 19.07.2015).

¹⁶ См.: Кузьмина Т.В. Исследование феномена безработицы отечественной наукой (по материалам фондов диссертационного отдела РГБ) // Социол. исслед. 2003. № 7. С. 145—150. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17299681> (дата обращения: 08.12.2015).

¹⁷ См.: Морозова Л.С. Взаимодействие рынка труда и потенциал потребительского рынка // Актуальные проблемы регионального и муниципального управления: сб. науч. ст. преподавателей, аспирантов и соискателей. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та сервиса, 2000. С. 41—47. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22712139> (дата обращения: 13.12.2015).

¹⁸ См.: Шабаетова В.И. Проблема занятости и демографическая ситуация в России в период трансформации (обзор) // Экон. и соц. проблемы России. 2000. № 4. С. 89—106. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=1355836> (дата обращения: 13.12.2015).

¹⁹ См.: Шатсков А.А., Радонцев С.Е. Динамика безработицы и правонарушений в Озерском районе // Человек, здоровье, физическая культура и спорт в изменяющемся мире: тез. докл. X Науч.-практ. конф. по проблемам физ. воспитания учащихся. Коломна: Изд-во КГПИ, 2000. С. 208. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22776309> (дата обращения: 13.12.2015).

²⁰ См.: Куприянова З. Безработица и безработные // Мониторинг обществ. мнения: экон. и соц. перемены. 1999. № 1. С. 28—31. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=9205908> (дата обращения: 18.12.2015).

²¹ Там же. С. 29.

²² См.: Россияне опровергают министров. URL: http://www.trud.ru/article/13-10-2006/108822_rossijane_oprovergajut_ministrov.html (дата обращения: 18.12.2015).

²³ См.: Комлев А.Л. Региональный рынок труда (проблемы и перспективы): моногр. Волгоград: Изд-во Волгоград. ин-та экономики, социологии и права, 2006. 131 с. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19799706> (дата обращения: 12.09.2015).

²⁴ См.: Горина Е.Е. Исследование рынка труда: междисциплинарный подход // Совр. экономика: проблемы, тенденции, перспективы. 2011. № 5. С. 1—7. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17090630> (дата обращения: 13.09.2015).

²⁵ См.: Салатова А.А., Салатов К.А. Научный интерес к отечественной безработице: опыт двух десятилетий исследований // Экономическая наука в 21 веке: вопросы теории и практики: сб. материалов 9-й Междунар. науч.-практ. конф. Махачкала: Апробация, 2015. С. 83—86. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25792271> (дата обращения: 13.09.2015).

²⁶ См.: Вайс К.В. Особенности безработицы на региональном рынке труда: на примере Омской области // Актуальные проблемы экономического развития: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. / ответ. редактор А.А. Сукиасян. Уфа, 28 апр. 2014. Уфа: Аэтерна, 2014. С. 52—54. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21758479> (дата обращения: 12.10.2015).

²⁷ См.: Сивцева А.В. Безработица в России: национальный и региональные аспекты // Экономика и социум. 2014. № 4. С. 835—838. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23385121> (дата обращения: 15.10.2015).

²⁸ См.: Княгинина Н.А., Зыкова Я.С. Рынок труда и безработица в Ивановской области // Науч. поиск. 2015. № 2.4. С. 74—75. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24077241> (дата обращения: 15.10.2015).

²⁹ См.: Ювченко А.И. Глобализация гендерных отношений: изучение перспектив формирования мирового гендерного порядка // Альманах совр. науки и образования. 2014. № 2. С. 190—193. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21143813> (дата обращения: 29.12.2015).

³⁰ См.: Неретина А.Д., Нефедова К.А. Гендерные аспекты безработицы в условиях финансово-экономического кризиса // Актуал. проблемы гуманитар. и естест. наук. 2014. № 3. Ч 2. С. 356—358. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21494558> (дата обращения: 20.04.2015).

³¹ См.: Рацлаф А.А., Седова А.В. Молодежная безработица // Молодой ученый. 2015. № 11. С. 959—961. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23610328> (дата обращения: 12.01.2016).

³² См.: Галляудинова С.И., Емалетдинов Б.М. Социальный инфантилизм как фактор безработицы среди молодежи // Материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. «Системогенез учебной и профессиональной деятельности». Ярославль, 20—22 окт. 2015 г. Ярославль, 2015. С. 149—152. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24781412> (дата обращения: 12.01.2016).

³³ См.: Ивлева А.П. Особенности переживания ситуации безработицы у людей с различными смысловыми ориентациями // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2007. Т. 16. № 40. С. 416—419. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=14650652> (дата обращения: 16.01.2016).

³⁴ См.: Орлова М.М. Адаптационные стратегии безработицы в контексте идентичности «больной-здоровый человек» // Совр. исслед. соц. проблем (электрон. науч. журн.). 2014. № 3. С. 19. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21948005> (дата обращения: 16.01.2016).

³⁵ См.: Безработица и разговоры о ней. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114804> (дата обращения: 29.01.2016).

³⁶ См.: Jones J.M. Unemployment Solidifies Position as Most Important Problem. URL: <http://www.gallup.com/poll/146081/unemployment-solidifies-position-important-problem.aspx> (дата обращения: 22.03.2016).

A. N. ERSHOV, A. A. SALATOVA. PUBLIC PERCEPTION OF UNEMPLOYMENT IN 1992—2015

Key words: unemployment, employment, index of relevance of the problem of unemployment, index of probability of dismissal, index of probability of employment, socio-economic approach, public opinion, public perception

Abstract. The paper is devoted to the overview of the changes in public perception of unemployment in the context of public opinion regarding employment/unemployment and employment prospects, as well as in the context of scientific (mainly sociological) study of unemployment. The period analyzed is that from 1992 (when the first statistical data on unemployment appeared) by the end of 2015.

Synopsis. Introduction: the reform of Russian society in the early 1990s was directed at the development of market management principles and the

emergence of new social phenomena, such as unemployment. The transition to a market economy in Russia occurred rapidly, so adequate perception of the emerging phenomena of social reality was formed post factum. There was no adequate public discussion of the reforms and transformations supported by the data of scientific research. However, since 1992, there were a lot of research data devoted to unemployment as a socio-economic phenomenon. At the same time, there is a certain lack of review papers devoted to the analysis of how the direction of scientific study of unemployment was changing, as well as its perception both by the society as a whole, and by the scientific community.

Materials and Methods: the material used were the research papers on unemployment in 1992—2015 and the data of the initiative nationwide opinion polls conducted by the Russian Public Opinion Research Center in 2008—2015.

Results: the analysis of literature made it possible to group the changes that occurred in the perception of unemployment in three main phases: the reform phase of increased public attention (1992—1998); the period of post-transformation rise (1999—2008) — the attempts to correlate the dynamics of unemployment with the main socio-economic trends and processes; the period of protracted economic crisis (2009 to the present day) — a gradual decline in the relevance of the topic of unemployment against the background of continuing public fear of losing a job and difficulties in finding the equivalent one.

Discussion and Conclusions: basing on the works of contemporary scholars the authors refute the two basic stereotyped approaches to perception of unemployment: “unemployment is caused by the existence of the labor market” and “unemployment is an absolute evil”. Analysis of dynamics of various indicators of social relationships to the topic of employment and unemployment developed by the Russian Public Opinion Research Center (the index of relevance of the problem of unemployment, the index of probability of dismissal, the index of probability of employment) as the natural result, showed significant fluctuations of the index of relevance of the topic of unemployment depending on the socio-economic situation in the country. On the contrary, fear of job loss and difficulties in finding an equivalent, possibly due to its emotional and personal nature, is almost at the same level with only minor fluctuations.

REFERENCES

¹ Friedman M. The role of monetary policy. *American Economic Review*. 1968; 58:1—17.

² Kostyrya AV. K ocenke social'no-jekonomicheskikh posledstvij bezraboticy [On the assessment of social and economic consequences of unemployment]. *Upravlenie gorodom: teorija i praktika* = Management of the city: theory and practice. 2013; 2:67—76. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=20406615> (accessed 14.01.2016). (In Russ.)

³ Fajzullin IF. Bezrabotica i osnovnye puti ee sokrashhenija [Unemployment and the main ways of reducing it]. Ufa; 2007. 177 p. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16120017> (accessed: 27.12.2015). (In Russ.)

⁴ Plaksja VI. Bezrabotica: teorija i sovremennaja rossijskaja praktika (social'no-jekonomicheskij aspekt) [Unemployment: theory and the contemporary Russia's practice (the socio-economic aspect)]. Moscow: RAGS Publ.; 2004. 381 p. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19748634> (accessed 27.12.2015). (In Russ.)

⁵ Kapeljushnikov RI. Konec rossijskoj modeli rynka truda?: Preprint WP3/2009/06 [The end of the Russian model of the labor market? Working paper WP3/2009/06]. Moscow: The Publishing House of the Higher School of Economics; 2009. 80 p. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19915880> (accessed 29.11.2015). (In Russ.)

⁶ Rossiya i krizis vstretilis' v Davose [Russia and the crisis met in Davos]. Available from: <http://www.interfax.ru/business/419940> (accessed 12.10.2015). (In Russ.)

⁷ Gordon LA, Klopov EV. Social'nye jeffekty i struktura bezraboticy v Rossii [Social effects and structure of unemployment in Russia]. *Sociologicheskie issledovanija* = Sociological Studies. 2000; 1:24—32.

⁸ Kupriyanova ZV. Bezrabotica glazami rabotnikov [Unemployment in Working People's Eyes]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny* = The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal. 1994; 5:32—35. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=9231662> (accessed 02.10.2015). (In Russ.)

⁹ Yemtsov RG. Masshtaby i formy bezraboticy [Scales and Forms of Unemployment]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny* = The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal. 1994; 5:40—43. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=9231664> (accessed 02.10.2015). (In Russ.)

¹⁰ Kilibaeva UR. Bezrabotica v uslovijah perehoda k rynochnym otnoshenijam [Unemployment in the conditions of transition to market relations]. Almaty; 1994. 320 p.

¹¹ Gimpel'son VE, Magun VS. Uvolennye rabotniki na rynke truda: novaja rabota i social'naja mobil'nost' [Dismissed workers in the labor market: new jobs and social mobility]. *Sociologicheskij zhurnal* = Sociological Journal. 1994; 1:134—149. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23704120> (accessed 03.10.2015). (In Russ.)

¹² Gordienko AA, Poshevnev GS, Pljusnin JuM. Struktura povedenija bezrabotnogo [The structure of behavior of the unemployed]. *Sociologicheskie issledovanija* = Sociological Studies. 1996; 11:99—109.

¹³ Danovskij SL. Social'naja tipologija bezrabotnyh [Social typology of the unemployed]. *Chelovek i trud* = The Person and work. 1993; 5—6:22—24.

¹⁴ Chetvernina T. Polozhenie bezrabotnyh i gosudarstvennaja politika na rynke truda [Position of the unemployed and public policies in the labor market]. *Voprosy jekonomiki* = Questions of Economic. 1997; 2:102—113.

¹⁵ Kozlov AG. Social'nyj process regulirovanija urovnja bezraboticy v perehodnom periode [The social process of unemployment regulation in a transition period]. Moscow; 2000. 126 p. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19147947> (accessed 19.07.2015). (In Russ.)

¹⁶ Kuz'minova TV. Issledovanie fenomena bezraboticy otechestvennoj naukoj (po materialam fondov dissertacionnogo otdela RGB) [Studying the phenomenon of unemployment in Russian science (basing on the materials of the Dissertation Department of the Russian State Library)]. *Sociologicheskie issledovanija* = Sociological Studies. 2003; 7:145—150. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17299681> (accessed 08.12.2015). (In Russ.)

¹⁷ Morozova LS. Vzaimodejstvie rynka truda i potencial potrebitel'skogo rynka [Interaction of the labor market and the consumer market potential]. *Aktual'nye problemy regional'nogo i municipal'nogo upravlenija* = Urgent problems of regional and municipal administration. Moscow: Moscow State University of tourism and Service Publ.; 2000. p. 41—47. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22712139> (accessed 13.12.2015). (In Russ.)

¹⁸ Shabaeva VI. Problema zanjatosti i demograficheskaja situacija v Rossii v period transformacii (obzor) [The issue of employment and the demographic situation in Russia in a transformation period (a review)]. *Jekonomicheskie i social'nye problemy Rossii* = Economic and social problems of Russia. 2000; 4:89—106. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=1355836> (accessed 13.12.2015). (In Russ.)

¹⁹ Shatskov AA, Radontsev SE. Dinamika bezraboticy i pravonarushenij v Ozerskom rajone [Dynamics of unemployment and crime in the Ozersk district]. *Chelovek, zdorov'e, fizicheskaja kul'tura i sport v izmenjajushhemsja mire* = The human being, health, physical culture and sport in a changing world. Kolomna: Kolomna State Pedagogical Institute Publ.; 2000. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22776309> (accessed 13.12.2015). (In Russ.)

²⁰ Kuprijanova Z. Bezrabotica i bezrabotnye [Unemployment and the unemployed]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny* = The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal. 1999; 1:28—31. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=9205908> (accessed 18.12.2015). (In Russ.)

²¹ Ibid.

²² Rossijane oprovergajut ministrov [The Russians disprove ministers]. Available from: http://www.trud.ru/article/13-10-2006/108822_rossijane_o_provergajut_ministrov.html (accessed 18.12.2015). (In Russ.)

²³ Komlev AL. Regional'nyj rynek truda (problemy i perspektivy) [The regional labor market (problems and prospects)]. Volgograd: Volgograd Institute of Economics Sociology and Law Publ.; 2006. 131 p. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19799706> (accessed 12.09.2015). (In Russ.)

²⁴ Gorina EE. Issledovanie rynka truda: mezhdisciplinarnyj podhod [Labor market research: the interdisciplinary approach]. *Sovremennaja jekonomika: problemy, tendencii, perspektivy* = Modern Economics: Problems, Trends, Prospects. 2011; 5:1—7. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17090630> (accessed 13.09.2015). (In Russ.)

²⁵ Salatova AA, Salatov KA. Nauchnyj interes k otechestvennoj bezrabotice: opyt dvuh desjatiletij issledovanij [Scientific interest in domestic unemployment: experience of two decades of researches]. *Jekonomicheskaja nauka v 21 veke: voprosy teorii i praktiki* = Economic science in the 21st century: questions of the theory and practice. Makhachkala: Approbation Publ.; 2015. p. 83—86. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25792271> (accessed 13.09.2015). (In Russ.)

²⁶ Vajs KV. Osobennosti bezraboticy na regional'nom rynke truda: na primere Omskoj oblasti [Features of unemployment at the regional labor market: the case study of the Omsk Region]. *Aktual'nye problemy jekonomicheskogo razvitija* = Urgent problems of economic development. Ufa: Aeterna Publ.; 2014. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21758479> (accessed 12.10.2015). (In Russ.)

²⁷ Sivtseva AV. Bezrabotica v Rossii: nacional'nyj i regional'nye aspekty [Unemployment in Russia: the national and regional aspects]. *Jekonomika i socium* = Economy and society. 2014; 4:835—838. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23385121> (accessed 15.10.2015). (In Russ.)

²⁸ Knjaginina NA, Zykova JaS. Rynek truda i bezrabotica v Ivanovskoj oblasti [The labor market and unemployment in the Ivanovo Region]. *Nauchnyj poisk* = Scientific search. 2015; 2:4:74—75. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24077241> (accessed 15.10.2015). (In Russ.)

²⁹ Yuvchenko AI. Globalizacija gendernyh otnoshenij: izuchenie perspektiv formirovanija mirovogo gendernogo porjadka [Gender relations globalization: studying perspectives of world gender order development]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija* = Almanac of Modern Science and Education. 2014; 2:190—193. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21143813> (accessed 29.12.2015). (In Russ.)

³⁰ Neretina AD, Nefedova KA. Gendernye aspekty bezraboticy v uslovijah finansovo-jekonomicheskogo krizisa [Gender aspects of unemployment in the circumstances of a financial and economic crisis]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk* = Actual problems of humanitarian and natural sciences. 2014; 3(2):356—358. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21494558> (accessed 20.04.2015). (In Russ.)

³¹ Raclaf AA, Sedova AV. Molodezhnaja bezrabotica [Youth unemployment]. *Molodoj uchenyj* = Young Scientist. 2015; 11:959—961. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23610328> (accessed 12.01.2016). (In Russ.)

³² Galjautdinova SI, Emaletdinov BM. Social'nyj infantilizm kak faktor bezraboticy sredi molodezhi [Social immaturity as a factor of youth unemployment]. *Sistemogenez uchebnoj i professional'noj dejatel'nosti* = System genesis of educational and professional activities. 2015. p. 149—152. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24781412> (accessed 12.01.2016). (In Russ.)

³³ Ivleva AP. Osobennosti perezhivaniya situacii bezraboticy u ljudej s razlichnymi smyslozhiznennymi orientacijami [Features of unemployment experience among people with various orientations in life sense]. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science. 2007;

40(16):416—419. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=14650652> (accessed 16.01.2016). (In Russ.)

³⁴ Orlova MM. Adaptacionnye strategii bezroboticy v kontekste identichnosti «bol'noj-zdorovyj chelovek» [Unemployment adaptation strategies in the context of the of the “sick-healthy person” identity]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (jelektronnyj nauchnyj zhurnal)* = Modern Research of Social Problems. 2014. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21948005> (accessed 16.01.2016). (In Russ.)

³⁵ Bezrobotica i razgovory o nej [Unemployment and talking about it]. Available from: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114804> (accessed 29.01.2016). (In Russ.)

³⁶ Jones JM. Unemployment Solidifies Position as Most Important Problem. Available from: <http://www.gallup.com/poll/146081/unemployment-solidifies-position-important-problem.aspx> (accessed 22.03.2016).

ERSHOV Andrei Nikolaevich, Doctor of Sociological Sciences, Professor at the Department of General and Ethnic Sociology, Kazan (Volga) Federal University (Kazan, Russian Federation).

SALATOVA Aleksandra Aleksandrovna, Assistant Lecturer at the Department of General and Ethnic Sociology, Kazan (Volga) Federal University (Kazan, Russian Federation).

Поступила 13.05.2016.

И. М. ФАДЕЕВА

В. И. СЫСУЕВА

СТИЛЬ ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ВОСПРОИЗВОДСТВА СРЕДНЕГО КЛАССА РЕГИОНА

Ключевые слова: молодежь, средний класс, трудовые установки, стиль жизни, ценностные ориентации

Аннотация. В статье на основе социологического анализа рассматриваются тенденции формирования среднего класса в российском обществе. Выявляются основные факторы, способствующие/препятствующие изменению численности среднего класса в российских регионах (в частности, в Республике Мордовия), показан потенциал молодежи с высшим образованием для становления класса профессионалов, формирования новой системы ценностей и установок, отвечающих требованиям рыночной экономики, общества знаний, инновационного производства.

Реферат. Введение: в современном обществе существует потребность в исследовании социальной структуры, потенциала воспроизводства среднего класса в регионах, особенно среди работающей молодежи. Эта проблема привлекает внимание в условиях быстроменяющейся реальности, трансформации форм трудовой занятости и увеличения числа лиц с высшим образованием, а также в связи с имеющейся дискуссией относительно

ФАДЕЕВА Ирина Михайловна, профессор кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор социологических наук.

СЫСУЕВА Валентина Игоревна, магистрант направления «Социология» Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

© Фадеева И. М., Сысueva В. И., 2016

особенностей формирования среднего класса в России. Обсуждаются возможности изменения методологии изучения среднего класса за счет включения объективно-субъективных показателей, в частности стиля жизни молодежи в проекции настоящего и будущего, интегрированности и устойчивости в профессиональной структуре.

Материалы и методы: основной базой для написания статьи послужили материалы, собранные в ходе авторского социологического опроса работающей молодежи Республики Мордовия, проведенного в марте — апреле 2016 г. Для обработки результатов использовался пакет программ IBM SPSS Statistics 21.

Результаты исследования: анализ эмпирических данных позволил выявить особенности формирования среднего класса в Республике Мордовия в разных группах опрошенных. В статье представлены возрастные, гендерные и иные основания стратификационного поведения, существенную разницу демонстрирует стиль жизни городской и поселковой молодежи.

Обсуждение и заключения: потенциал роста среднего класса в значительной мере есть среди городской молодежи, она же и более активна в досуговых практиках, поддержании здорового образа жизни и более требовательна к условиям труда. Для нее важен творческий компонент, интересная по содержанию работа, хорошие условия труда, признание успехов, перспективы развития и возможности профессиональной карьеры, среди нее меньше патерналистически настроенных людей. Досуговые практики городской молодежи более разнообразны, имеют творческий характер, больше половины стремится к содержательному досугу и интеллектуальным формам общения. В целом работающая и высокообразованная молодежь региона мобильна и с оптимизмом воспринимает настоящее и будущее, нацелена на карьеру и высокий заработок. Значительная часть ориентирована на активный стиль жизни, содержательный и творческий досуг, интеллектуальные формы общения, повышение уровня образования, совершенствование форм самообразования, придерживается здорового образа жизни.

У ученых нет единой трактовки понятия «средний класс». Ряд из них считает, что формирование среднего класса в условиях российских реформ возможно, но осложнено социально-экономической нестабильностью, либо начиная эту дискуссию еще преждевременно, поскольку среднего класса как массового социального субъекта не только нет, но при сложившемся типе общества его существование невозможно¹. У социально-профессиональных групп, которые могут пополнить средний класс, пока не нет профессионализма, отвечающего требованиям рыночной экономики, нет автоматизма «между профессиональной принадлежностью и классовой идентификацией», не сложились системы цен-

ностей и установок среднего класса, не сформировались стереотипы соответствующего поведения, а вектор мобильности определенной части представителей этих групп все еще направлен вниз².

Несмотря на дискуссионность вопроса, среди ученых все же преобладает мнение относительно существования среднего класса в постсоветской России (М. К. Горшков³, Т. И. Заславская⁴, Е. М. Аврамова со авторами⁵, Л. А. Беляева⁶, З. Т. Голенкова и Е. Д. Игитханян⁷). Среди этих ученых одни отстаивают точку зрения, что средний класс в России находится на начальной стадии формирования и скоро станет опорой для страны. Другие же придерживаются позиции, что хотя средний класс в России и существует, но он кардинально отличается от зарубежных аналогов. Несмотря на различие во взглядах относительно природы среднего класса, большинство согласны с тем, что российской социальной структуре требуются новшества, обусловленные изменением институционального климата и модели управления.

Не включаясь в дискуссию относительно самого феномена среднего класса, мы поставили более узкую задачу — исследовать потенциал развития среднего класса в российских регионах и ответить на вопрос «Может ли молодежь с профессиональным образованием (высшим, средним профессиональным) как самый многочисленный слой, важная социальная группа выполнять высококвалифицированную работу или руководить предприятиями, организациями, обладать экономическим типом поведения, ориентированным на рыночную форму хозяйствования в сочетании со стремлением к самостоятельности и независимости, наращивать капитал и инвестиционную активность, служить гарантом социальной стабильности?». Важны также не только социально-психологические установки на благополучие, но и индивидуальное развитие и совершенствование, что значимо для общества, идущего по пути модернизации.

В начале XXI в. в России осуществлено несколько фундаментальных исследований среднего класса, построенных на принципах многокритериальности и главенства дохода, материального положения. Одно из последних исследований по этой теме, проведенных Институтом социологии РАН в 2014 г., фиксирует численность среднего класса в российском обществе на 2014 г. на уровне 40,0—42,0 % населения,

при этом по своему составу он не является однородным⁸. Во внутренней структуре среднего класса выделяется устойчивое ядро, которое наиболее ярко выражает его качественные характеристики (сюда могут быть отнесены до 16,0 % россиян, которые, как правило, имеют высшее образование и являются руководителями, предпринимателями и специалистами высокой квалификации), и менее стабильную периферию этого ядра (составляющую 26,0 %, куда попадают работники средней квалификации, имеющие не только высшее, но и среднее специальное образование)⁹.

За последнее десятилетие ядро среднего класса пополнил ряд потенциальных руководителей и специалистов, однако этот процесс охватил не более 4,0 % занятого населения. К настоящему времени возможности дальнейшего роста среднего класса за счет этой категории рабочей силы, обладающей наиболее качественным человеческим капиталом, по мнению М. К. Горшкова, уже почти исчерпаны¹⁰. Фундаментальные расширения среднего класса возможно только при серьезных институциональных изменениях: диверсификации экономического развития страны, переходе к «экономике знаний», инновационному производству в промышленности и развитии четвертичного сектора. Подобные изменения в структуре среднего класса происходят и на региональном уровне, они изучены В. И. Кучкановым¹¹, О. В. Шиняевой¹² и др.

Значительным потенциалом для воспроизводства среднего класса обладает молодежь. Несмотря на то что большая ее часть по многим социальным позициям не в полной мере соответствует критериям среднего класса, находится на старте карьеры, не имеет имущественных активов, все же исследование ее потенциала на уровне регионов определяет возможности его воспроизводства и, возможно, роста в обозримом будущем.

Основным критерием отнесения молодежи к среднему классу была выбрана методология, предполагающая акцент не на доходы, имущественные характеристики, а на социокультурные и идентификационно-психологические показатели, характеристики стиля жизни молодежи, которые в наибольшей степени влияют на социальное самоощущение и поведение, активность в реализации своего профессионального потенциала. При измерении потенциала молодежи мы опирались на показатели в проекции настоящего и бу-

дущего, поскольку считаем, что молодежь занимает особые позиции в социальной структуре общества, имеет более высокую степень гибкости и адаптивности, чем старшие. В силу своего возраста, небольшого профессионального и жизненного опыта, низкого доступа к социальным ресурсам значимость у молодежи приобретают личностные качества, профессиональное образование и самообразование, способности планировать свою жизнь, ставить цели, связанные с социальной мобильностью, готовность к трудовой миграции ради повышения качества жизни.

Исходя из сказанного, средний класс выделяется на основе самоидентификаций, оценок молодежью своего социального статуса, соответствующего стиля жизни, планов, трудовых ценностей, что позволяет назвать их объективно-субъективными показателями. Объективация показателей происходит по мере достижения социальной зрелости, определенного возраста (30 лет), когда человек приобретает устойчивость в профессиональной структуре, набирается опыта, берет на себя ответственность за семью, рождение детей и т. п. «Потенциальный средний класс», по мнению О. В. Шиняевой, должен соответствовать таким критериям, как наличие занятости, предполагающей высококвалифицированный профессиональный труд, и образование¹³. Следовательно, на наш взгляд, эта группа социально активной молодежи должна иметь профессиональное образование для трудовой занятости, обеспечивающей стабильный доход, ценности к самообеспечению и развитию, у которой сложились культурные интересы, потребности в досуге и образе жизни среднего класса, для нее возможна территориальная мобильность ради улучшения качества жизни.

В ходе авторского социологического опроса работающей молодежи Республики Мордовия в марте — апреле 2016 г. выявлены основные стили потребительского поведения, ценностные ориентации молодежи как потенциала воспроизводства среднего класса в регионе. Было опрошено 327 респондентов в возрасте от 21 до 35 лет (43,6 % мужчин и 54,4 % женщин), проживающих в городах (42,2 %) и населенных пунктах городского типа (57,8 %). Среди опрошенных были представители малого и среднего бизнеса, органов безопасности (силовых структур), власти и управления (муниципальные и государственные служащие),

частные предприниматели, интеллигенция (врачи, учителя), инженерно-технические и другие работники производственных предприятий и сферы услуг.

Большинство опрошенных имеют высшее (62,6 %), неоконченное высшее (12,5 %) и среднее профессиональное (24,2 %) образование. В ближайших планах 18,6 % респондентов рассматривают получение следующего уровня образования, в структуре расходов 5,0 % опрошенных имеют существенные траты на образование. По сравнению с родителями образование детей имеет иную структуру, оно значительно выше. Только 19,9 % отцов и 34,9 % матерей опрошенной молодежи получили высшее образование, большинство же ограничилось получением среднего профессионального образования (58,4 % отцов и 58,1 % матерей).

Профессиональные планы и карьера молодежи, их отношение к работе имеют значение для формирования ценностей труда как источника благ, саморазвития, интересной и содержательной работы. В структуре трудовой деятельности работника наблюдается большой диапазон ценностей: высокий заработок (14,5 %), карьера и удобный график работы (по 13,2 %), комфортный психологический климат в коллективе (10,0 %), хорошие условия труда (9,8 %), наличие социального пакета, развитая система льгот (9,0 %), перспективы собственного развития (6,8 %), гарантия постоянной занятости (6,4 %), интересная по содержанию работа (6,1 %).

Место проживания молодежи определяет их тяготение к той или иной группе потребностей. Наибольшее значение для горожан имеют: творческий компонент (38,0 %), интересная по содержанию работа (49,6 %), хорошие условия труда (66,9 %), признание успехов (44,6 %), перспективы собственного развития (51,2 %). По пирамиде потребностей А. Маслоу¹⁴ это духовные и престижные потребности. Для жителей поселков городского типа более высокие показатели имеют позиции дохода (80,1 %), удобного графика работы (89,8 %) и наличие развитой системы социального обеспечения (59,7 %). У них чаще, чем у горожан, отмечаются базовые экзистенциальные потребности и склонность к патернализму.

Женский пол более требователен к условиям труда, содержанию работы и наличию творческого компонента. Число девушек, отметивших индикатор «хорошие условия труда»,

в два раза превышает число парней, его выбравших (63,5 к 36,9 %). У них в два с половиной раза выше показатели «интересная по содержанию работа» (43,3 к 18,1 %) и «наличие творческого компонента в работе» (37,1 к 16,8 %).

Перспективы развития в трудовой деятельности и интересная по содержанию работа наиболее ценны для молодежи в возрасте от 21 до 25 лет (47,0 % горожан и 47,5 % жителей поселков). Возможность профессиональной карьеры и высокую заработную плату чаще отмечают респонденты в возрасте от 26 до 30 лет (96,1 % горожан и 94,1 % жителей поселков). Для молодых людей в возрасте от 31 года до 35 лет наиболее важны трудовая деятельность как гарантия постоянной занятости (56,7 %), комфортный психологический климат в коллективе (70,3 %), развитая система льгот и наличие социального пакета (87,8 %).

Уровень материального благосостояния на одного члена семьи только у четверти опрошенных (23,2 %) превышает средне медианный показатель по региону (20 тыс. руб.). У 66,4 % опрошенных такие доходы находятся в пределах 10—20 тыс. руб. Более половины опрошенных источником повышения своих доходов считают дополнительную занятость (54,7 %). Молодежь готова улучшать свое материальное положение за счет дополнительной работы: треть ее уже имеет (7,0 % на постоянной основе и 21,4 % эпизодически), четверть опрошенных находится в поиске дополнительного заработка. Наиболее привлекательной для себя большинство считает государственный сектор занятости (64,8 %) против частного (35,2 %), нефизический характер труда (71,3 %) против физического (28,7 %). В прогнозных оценках молодежь демонстрирует оптимистичный тренд (в оценках их материальное положение улучшится — 20,4 % или не изменится — 44,3 %, только у 14,0 % оно в прогнозе ухудшится).

Большинство опрошенных работают в пределах региона проживания (87,5 %) и не планируют в ближайшие три года его покидать (72,8 %). Миграционные настроения молодежи в будущем в проекции город/поселок несколько отличаются: через 3 года планирует покинуть регион проживания 27,3 % городской и 17,5 % поселковой молодежи, через 5 лет — 13,2 и 23,3 % соответственно. Выявлена зависимость между миграционными настроениями, наличием собственного жилья и кредита. Те, кто имеет собственное жилье (нередко обре-

менное ипотечным кредитом), не планируют в дальнейшем покидать регион своего проживания. При оценке жилищных условий больше половины отметили, что имеют свое жилье: выбрали вариант ответа «собственная квартира» (57,7 %), «муниципальное жилье» (10,5 %), «частный дом» (6,7 %) или «комната в общежитии» (4,9 %). Только 11,9 % проживают с родителями и 9,2 % снимают жилье. Ипотечный кредит имеют 12,8 % опрошенных, потребительский (который некоторые граждане используют также на приобретение жилья и (или) его ремонт) — 17,4 %.

Республика относится к регионам промышленно-аграрного типа экономического хозяйствования. В последнее десятилетие отмечается увеличение спроса на земельные участки. Только четверть опрошенных указала, что не имеет никаких участков (23,2 %). Остальная часть имеет их в виде дач, садовых товариществ или участков около дома. Именно наличие участков дает возможность домохозяйствам при ограниченных доходах иметь выращенные собственными силами овощи и фрукты, позволяющие получать дополнительный источник питания, а в некоторых случаях — дохода.

Более половины опрошенных имеют автомобиль (54,4 %), причем значительное число — иномарку (56,2 %). Почти новый автомобиль (сроком до 3 лет) имеют 57,8 % опрошенных (21,3 % владеют новой иномаркой, 36,5 % — новым отечественным автомобилем). Молодежь стремится приобрести либо иномарку, либо новый отечественный автомобиль (старый имеют только 7,4 % опрошенных), включая возможности автокредитования (8,6 %).

Важная составляющая отдыха — качество досуговых практик и потребность в определенном стиле его проведения. Из-за социально-политической обстановки в мире молодежь больше тяготеет к отдыху в границах страны (всего 2,1 % отдыхают в странах дальнего и ближнего зарубежья). Треть предпочитает отдыхать на курортах юга России (29,7 %), менее 5,0 % — на региональных курортах. Более половины отдыхает в своем населенном пункте (51,4 %) или на даче (11,6 %). Как видим, ограниченные возможности (прежде всего материального характера) не позволяют примерно 70,0 % молодежи покидать свой регион в период отпуска.

Треть опрошенных ежемесячно посещает кафе и рестораны (28,1 %), около четверти — театры, кинотеатры, выставки

и музеи (22,9 %), примерно поровну — концерты (20,2 %) и спортивные комплексы (18,7 %). Религиозно-культурные места посещает небольшая часть опрошенных (9,8 %). Шкала расходов состоит в первую очередь из продуктов питания (30,2 %), питания вне дома (10,0 %) и товаров повседневного спроса (14,6 %). Только после них стоят расходы на развлечения, посещение кинотеатров, покупку атрибутов для хобби, спортивного инвентаря, книг, бытовой, компьютерной и видеотехники.

Городская молодежь в отличие от поселковой ежемесячно посещает кафе и рестораны (64,5 %), концертные залы (50,4 %), музеи и выставки (28,1 %), а также театры и кинотеатры (25,6 %). Четверть поселковой молодежи ежемесячно посещает церковь либо мечеть (25,7 %), а пятая часть — спортивный комплекс (20,4 %). Девушки чаще парней посещают театры, концерты, музеи и выставки (10,1 % к 2,7 %). Невысокое культурное разнообразие досуга объясняется отсутствием в сельской местности возможностей для проведения организованных форм досуга, ограниченностью инфраструктуры и преобладанием досуговой культуры не рекреационного типа.

В структуре расходов к наиболее значимым городская молодежь относит расходы на питание вне дома (61,2 %), посещение кинотеатров (55,4 %), выбор развлечений (38,8 %), затраты на обучение и курсы по повышению квалификации (26,5 %), покупку книг (17,4 %), посещение театров, концертов, музеев и выставок (15,7 %). Наиболее популярными расходами у молодежи в поселках являются покупка атрибутов для хобби (31,5 %), выбор развлечений (20,4 %), покупка табака и алкоголя (17,5 %). Наиболее значимые женские расходы в разы отличаются от мужских. Например, расходы на питание вне дома у парней в три раза выше, чем у девушек (48,3 к 16,9 %). В то же время девушки в два раза чаще, чем парни, тратятся на покупку книг (11,8 к 6,0 %), атрибутов для хобби (37,5 к 16,8 %), обучение и курсы по повышению квалификации (18,5 к 8,1 %).

Установки на здоровый образ жизни характеризуются непостоянством. Только 16,2 % указали, что придерживаются здорового образа жизни во всем (не следуют ему 8,0 %), 75,8 % опрошенных указали, что стараются, но не всегда получается. Способы улучшения здорового образа жизни

молодежь видит в оптимизации двигательного режима (19,0 %), занятиях физкультурой и спортом (14,5 %), отказе от вредных привычек (14,3 %), поддержании рационального питания (9,0 %), оптимистичном взгляде на жизнь (7,2 %), соблюдении нормированного сна (5,4 %).

В целом молодежь отмечает ориентацию на высокую заработную плату (68,6 % горожан и 80,1 % жителей поселков), карьероориентированность (причем в поселках она выше — 74,8 %, чем в городах — 59,5 %) и комфортный психологический климат в коллективе (по 52,2 %). Молодежь при выборе наиболее привлекательной сферы занятости чаще идентифицирует себя с работой в государственном секторе экономики (65,5 %). Остальные молодые горожане чаще ориентированы на работу в бизнес-структурах, реализацию своего предпринимательского потенциала. Желаящих работать в сфере нефизического труда среди опрошенных горожан больше (79,3 %), чем среди жителей поселков (66,5 %). Только треть опрошенной молодежи волнуется гарантия их постоянной занятости. Большинство осознает, что такую гарантию в динамичной среде с меняющимися условиями жизни обеспечить крайне сложно.

Активный стиль жизни молодежи характеризуется исчезновением традиционных форм досуга и появлением новых форм. Это выражается в активном социальном и культурном участии вне дома. Различные формы внедомашнего досуга, присущие современной молодежи, представляют собой активный тип социальной жизни. Усилился интерес к занятиям спортом, фитнесом, тренировкам, современной музыке. Из досуга молодежи стали исчезать такие формы, как участие в работе общественных и политических организаций, кружки по интересам.

Потенциал роста среднего класса в значительной мере имеется среди городской молодежи, она же и более активна в досуговых практиках, поддержании здорового образа жизни и более требовательна к условиям труда. Для нее важны творческий компонент, интересная по содержанию работа, хорошие условия труда, признание успехов, перспективы своего развития и возможности профессиональной карьеры. Среди нее меньше патерналистически настроенных людей. Досуговые практики городской молодежи более разнообразны, имеют творческий характер, больше половины

стремится к содержательному досугу и интеллектуальным формам общения. Она уже прошла этап освоения новых для российского общества макдонализированных форм общения в период студенчества (на территории торговых центров), все больше тяготеет к «малым» формам, где рельефнее выражены их предпочтения и вкусы. Выбор поселковой молодежи ограничен той инфраструктурой, которая есть в поселках, поэтому ее досуг часто ограничен, прост по форме и содержанию, обеднен культурной составляющей. Органам местного самоуправления, бизнесу необходимо обратить внимание на развитие инфраструктуры и содержательной стороны общественного питания в сельской местности для организации молодежного досуга на площадках кафе и ресторанов.

Таким образом, работающая и высокообразованная молодежь региона мобильна, с оптимизмом воспринимает настоящее и будущее, ориентирована на карьеру и высокий заработок. Значительная часть придерживается установок на здоровый образ жизни, содержательный и творческий досуг, интеллектуальные формы общения, повышение уровня образования, совершенствование форм самообразования. Современная молодежь, особенно с высшим образованием, отличается высокими жизненными стандартами, доминированием культурно обогащенного досуга, определяющими стиль жизни «потенциального среднего класса». Она связывает перспективы восходящей вертикальной мобильности с собственными личностными характеристиками и способностями, наличием высокой квалификации и знаний, уровнем образования, наличием связей (включая собственно наработанные) и готовностью хорошо трудиться.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Шкаратан О.И., Иняевский С.А., Любимова Т.С. Новый средний класс и информационные работники на российском рынке труда // Обществ. науки и современность. 2008. № 1. С. 5—27. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=10209189> (дата обращения: 18.12.2015).

² См.: Шкаратан О.И. Тип общества, тип социальных отношений. О современной России // Там же. 2000. № 2. С. 96. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tip-obschestva-tip-sotsialnyh-otnosheniy-o-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 18.12.2015).

³ См.: Средний класс в современной России: 10 лет спустя: аналит. докл. / под ред. М.К. Горшкова / Ин-т социологии РАН. М., 2014. 221 с. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22947690> (дата обращения: 25.01.2016).

⁴ См.: Заславская Т.И. Стратификация современного российского общества // Мониторинг обществ. мнения. 1996. № 1. С. 7—15. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=9235835> (дата обращения: 25.01.2016).

⁵ См.: Аврамова Е.М. и др. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / под ред. Т. Малевой; Моск. центр Карнеги. М.: Гендальф, 2003. 506 с.

⁶ См.: Беляева Л.А. Средний класс: проблемы формирования и развития в России // Мир России. Социология. Этнология. 1996. № 2. С. 117—131. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22157942> (дата обращения: 25.01.2016).

⁷ См.: Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов // Социол. исслед. 2008. № 7. С. 75—84. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=10303971> (дата обращения: 25.01.2016).

⁸ См.: Средний класс в современной России ... С. 209.

⁹ Там же. С. 210.

¹⁰ Там же. С. 211.

¹¹ См.: Кучканов В.И. Становление среднего класса в постсоветской России: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2006. 25 с. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15907689> (дата обращения: 24.02.2015).

¹² См.: Шияева О.В., Власова Е.М. Средний класс в социальной структуре региона. Ульяновск: УлГТУ, 2012. 171 с.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Маслоу А.Г. Мотивация и личность / пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина. СПб.: Питер, 2011. 352 с. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=20113304> (дата обращения: 26.02.2015).

I. M. FADEEVA, V. I. SYSUEVA. LIFESTYLE OF YOUNG PEOPLE AS AN INDICATOR OF REPRODUCTION OF THE MIDDLE CLASS IN A REGION

Key words: young people, middle class, labor sets, lifestyle, value orientation

Abstract. On the basis of sociological analysis, the paper examines the tendencies in formation of the middle class in Russian society. The main factors contributing to/hindering the change in the size of the middle class in the Russian regions (particularly in the Republic of Mordovia) were identified. The paper reveals the potential of the youth with higher education for the establishment of a class of professionals, formation of a new system of values and attitudes that meet the requirements of the market economy, knowledge society and innovative production.

Synopsis. Introduction: in modern society, there is a need for study of the social structure, as well as the potential of reproduction of the middle class in the regions, especially among young working people. This

issue attracts attention in terms of the rapidly changing reality, changing forms of employment and increase in the number of persons with higher education, as well as in connection with the existing discussion regarding the features of the middle class formation in Russia. The paper discusses the possibility of changing the methodology of studying the middle class by including objective and subjective indicators, in particular, lifestyle of the youth in the projection of the present and the future, of integration and sustainability in the professional structure.

Materials and Methods: the main basis for writing the paper were the materials collected during the authors' sociological survey of young working people in the Republic of Mordovia held in March — April 2016. For data processing IBM SPSS Statistics 21 software package was used.

Results: the analysis of empirical data allowed to reveal the peculiarities of formation of the middle class in the Republic of Mordovia in different groups of respondents. The paper presents the age, gender and other bases of stratification behaviour; it is noted that the lifestyle of the urban and the rural youth differs significantly.

Discussion and Conclusions: the growth potential of the middle class is largely among the urban youth, which is also more active in leisure practices, in maintaining a healthy lifestyle and is more demanding for working conditions. For the urban youth, important are the creative component, interesting work, good working conditions, success recognition, development prospects and professional opportunities. There are less paternalistic-minded people among the urban youth. Leisure practices of the urban youth are more diverse, they are creative; more than half of them are committed to the leisure-time rich in content and intellectual forms of communication. In general, working and highly educated young people in the region are mobile and optimistic about the present and the future, they are focused on their career and high earnings. A significant part is focused on the active lifestyle, meaningful and creative leisure, intellectual forms of communication, on improving education and self-education; they lead a healthy lifestyle.

REFERENCES

¹ Shkaratan OI, Yniasevskii SA, Lubimova TS. Novyj srednij klass i informacionnye rabotniki na rossijskom rynke truda [A new middle class and information workers on Russian labor market]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* = Social Sciences and the Present. 2008; 1:5—27. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=10209189> (accessed 18.12.2015). (In Russ.)

² Shkaratan OI. Tip obshhestva, tip social'nyh otnoshenij. O sovremennoj Rossii [Type of society, type of the social relations. About modern Russia]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* = Social Sciences and the Present. 2000. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tip-obshchestva-tip-sotsialnyh-otnoshenij-o-sovremennoj-rossii> (accessed 18.12.2015). (In Russ.)

³ Srednij klass v sovremennoj Rossii: 10 let spustja [Middle class in the present-day Russia: 10 years on]. Moscow; 2014. 221 p. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22947690> (accessed 25.01.2016). (In Russ.)

⁴ Zaslavskaya TI. Stratifikacija sovremennogo rossijskogo obshhestva [The stratification of contemporary Russian society]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny* = The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal. 1996; 1:7—15. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=9235835> (accessed 25.01.2016). (In Russ.)

⁵ Avramova EM, et al. Srednie klassy v Rossii: jekonomicheskie i social'nye strategii [Middle Classes in Russia: Economic and Social Strategies]. Moscow: Gendal'f Publ.; 2003. 506 p.

⁶ Beljaeva LA. Srednij klass: problemy formirovanija i razvitija v Rossii [Middle class: problems of formation and development in Russia]. *Mir Rossii. Sociologija. Jetnologija* = Universe of Russia. Sociology. Ethnology. 1996; 2:117—131. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22157942> (accessed 25.01.2016). (In Russ.)

⁷ Golenkova ZT, Ighitkhanian ED. Social'naja struktura obshhestva: v poiske adekvatnyh otvetov [Social structure of the society. Looking for adequate answers]. *Sociologicheskie issledovanija* = Sociological Studies. 2008; 7:75—84. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=10303971> (accessed 25.01.2016). (In Russ.)

⁸ See reference number 3 in the list of References.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Kuchkanov VI. Stanovlenie srednego klassa v postsovetsoj Rossii [Formation of the middle class in post-Soviet Russia]. Saransk; 2006. 25 p. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15907689> (accessed 24.02.2015). (In Russ.)

¹² Shinjaeva OV, Vlasova EM. Srednij klass v social'noj strukture regiona [Middle class in the social structure of a region]. Ulyanovsk: USTU Publ.; 2012. 171 p.

¹³ Ibid.

¹⁴ Maslow AH. Motivacija i lichnost' [Motivation and Personality]. St. Petersburg: Piter Publ.; 2011. 352 p. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=20113304> (accessed 26.02.2015). (In Russ.)

FADEEVA Irina Mikhailovna, Doctor of Sociological Sciences, Professor at the Department of Sociology, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

SYSUEVA Valentina Igorevna, Student Pursuing a Master's Degree in Sociology, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

Поступила 20.05.2016.

А. Г. ФИЛИПОВА,
А. В. ЕСТЬКОВА

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕТСТВА В РЕГИОНЕ: ПОСТРОЕНИЕ ОНТОЛОГИИ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ¹

Ключевые слова: регион, социальный потенциал, детство, онтологическая модель, концептуальная карта

Аннотация. В статье рассмотрен социальный потенциал детства в регионе, который определяется как совокупность ресурсов, резервов и возможностей детей как особой социально-демографической общности, проживающих на территории какого-либо региона (субъекта Российской Федерации). Даны концептуальная карта и базовая онтологическая модель предметной области.

Реферат. Введение: современное детство испытывает на себе воздействие множества рисков. Дополнительным риском стало региональное неравенство как разница в социально-экономическом развитии, инфраструктурном обеспечении, географическом расположении и др. Это актуализировало необходимость построения системы «Социальный потенциал детства в регионе» и управления ей.

Материалы и методы: в качестве метода исследования социального потенциала детства в регионе выбран метод онтологического моделирования. За основу построения предметной области «Социальный потенциал детства в регионе» взяты три типа источников: словарные статьи, научные статьи, авторефераты диссертаций.

Результаты исследования: для визуализации данных и единства интерпретации понятий, например экспертами, создана концептуальная карта предметной области с включением понятий «ресурсы», «потенциал», «человеческий потенциал», «социальный капитал», «социальный потенциал региона», «социальный потенциал детства», «качество детства», «социальное неравенство детства» и др. На основе концептуальной карты сконструирована онтология предметной области, включающая иерархические цепочки «общество — государство — страна — регион» и «ребенок — человек — семья — общество». Отношения между концептами описаны глаголами «является (частью)», «имеет», «наследует (признаки)».

ФИЛИПОВА Александра Геннадьевна, профессор кафедры социальных наук Дальневосточного федерального университета, доктор социологических наук (г. Владивосток).

ЕСТЬКОВА Анна Владимировна, заведующий кафедрой информационных систем Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, кандидат технических наук (г. Комсомольск-на-Амуре).

© Филипова А. Г., Еськова А. В., 2016

Обсуждения и заключения: сконструированная онтологическая модель раскрывает смысловую нагрузку ключевого концепта «Социальный потенциал детства в регионе», помогает выявить ресурсы для воспроизводства и развития детства в регионе, а также скрытые резервы на микро- (семья, ребенок), мезо- (регион, населенный пункт) и макросоциальном (страна) уровнях. В перспективе планируется определение качественных и количественных индикаторов оценки состояния системы.

Современное детство испытывает воздействие множества социальных рисков, продуцируемых макро- и микро-социальной средой. Кризисное состояние общероссийского детства является отражением ситуации в регионах. Депрессивные, отсталые регионы создают дополнительные угрозы для детства. Это актуализирует необходимость построения системы «Социальный потенциал детства в регионе» для последующего управления ею. Идеальное состояние системы «Социальный потенциал детства в регионе» можно охарактеризовать через понятие «качество детства» как такое состояние, при котором детство является здоровым, образованным и духовно-развитым.

Социальный потенциал детства в регионе включает субпотенциалы двух видов: индивидуально-семейные и региональные. Индивидуально-семейные субпотенциалы располагают следующими ресурсами: физиологический (состояние здоровья матери и ребенка, отсутствие наследственных, хронических заболеваний и ограничений жизнедеятельности), экономический (доходы семьи), социальный (статус семьи, социальный состав семьи: полная/неполная, число детей), культурный (образование родителей, развивающие стратегии воспитания, религиозно-этнические характеристики семьи), психологический (нравственный климат семьи, ответственное родительство, доверие в семье, поддержка). Сущность региональных субпотенциалов определяется спецификой региона как части территории России, обладающей общностью природно-климатических, социально-экономических, национально-культурных и других условий.

В качестве метода исследования социального потенциала детства в регионе мы выбрали метод онтологического моделирования, позволяющий выявить факторы, оказывающие влияние на систему в настоящем и спрогнозировать возможные влияния в будущем. По определению Т. Р. Грубера, онтология — это спецификация концептуализации², т. е.

описание понятий и выстраивание модели их отношений. Онтология представляет собой «надежный семантический базис в определении содержания»³. Модели онтологий, как правило, содержат концепты (понятия, классы, сущности, категории), свойства концептов (слоты, атрибуты, роли), отношения между концептами (связи, зависимости, функции) и дополнительные ограничения.

Для анализа структуры отношений между понятиями в предметной области и формирования концептуальной модели была построена концептуальная карта, отражающая онтологию предметной области «Социальный потенциал детства в регионе». Важными концептами в нашем случае выступают: социальный потенциал, детство, потенциал региона, потенциал детства, социальный капитал, человеческий потенциал. Отношение (связь) представляет собой соединение (взаимоотношение) между двумя или более понятиями. Концепты представлены тремя уровнями иерархических отношений — надсистема, система и подсистема.

За основу построения предметной области «Социальный потенциал детства в регионе» взяты три типа источников: словарные статьи, научные статьи, авторефераты диссертаций. Изначально поиск определений осуществлялся по ключевым словам «потенциал», «социальный потенциал», «социальный потенциал детства», затем выявлялись смежные понятия и выстраивалась иерархия отношений.

Под потенциалом разные авторы понимают «совокупность имеющихся средств, запасов, сил в какой-либо области»⁴. Атрибут «социальный» говорит о ведущей роли общества или других форм социального взаимодействия индивидов (группы, общности, движения и др.) в накоплении этого потенциала. «Социальное» — это то общее свойство, которое присуще различным группам индивидов, являющееся результатом интеграции индивидов, тех или иных свойств общественных отношений⁵.

Отношения «включение» связывают «социальный потенциал» со смежной категорией — «человеческий потенциал». Человеческий потенциал является частью социального потенциала: «человеческий ресурс формируется, развивается, реализуется только в пределах социальной группы, общности»⁶.

«Социальный потенциал» наследует признаки «социального капитала» как совокупности ресурсов, но при этом еще учитывает характеристики личности, трактует человека как «креатора»⁷.

В справочной и научной литературе понятие «Социальный потенциал» довольно часто используется в семантической связке с молодежью и семьей, обществом и регионом. В этом случае можно говорить об отношениях проекции, когда социальный потенциал как совокупность материальных и духовных ресурсов отображается на разных социальных уровнях — макроуровне (общество), мезоуровне (регион), микроуровне (индивид, семья), и соединения, когда интеграция ресурсов разных уровней и разных субъектов дает новое образование — социальный потенциал детства в регионе.

Социальный потенциал молодежи исследовали Ю. В. Березутский⁸, В. Э. Филиппов⁹ и др. Ученые интерпретируют его как интегральную, целостную характеристику совокупных качеств, резервов и возможностей молодежи. Семейный социальный потенциал чаще всего редуцируется до воспитательного потенциала семьи, определяемого как совокупность имеющихся средств и возможностей для формирования личности ребенка.

В социальный потенциал включены ресурсы, резервы как совокупность имеющихся средств, запасов, сил. При этом от ресурсов и резервов социальный потенциал отличается динамичность — он отражает прошлое (ретроспективный потенциал), характеризует настоящее (исходный потенциал), программирует будущее (перспективный потенциал).

Социальный потенциал имеет еще одну грань интерпретации — скрытые, пока не реализованные возможности, неактивизированные ресурсы. Такая интерпретация задает еще один вектор рассмотрения — определение факторов, способствующих раскрытию социального потенциала детства.

Рассуждая о социальном потенциале детства в регионе, можно выделить первичные (внутренние) и вторичные (внешние) факторы. Первые актуализируют индивидуально-личностные ресурсы и резервы, вторые в нашем случае действуют на уровне социальной среды региона. Цель нашего исследования — описание идеальной модели реализации социального потенциала детства в регионе. Соответственно, на достижение обозначенной цели направлены задачи вы-

явления и классификации факторов по степени влияния (сильно влияющие, слабо влияющие, умеренно влияющие), описания разных уровней реализации социального потенциала детства (высокий, средний и низкий).

Система «Социальный потенциал детства в регионе» представлена набором подсистем или субпотенциалов, разворачивающихся на уровнях «детство», «детство в семье» и «детство в регионе»: психофизическая, интеллектуально-образовательная, духовно-нравственная («детство»); семейно-воспитательная («детство в семье»); социально-политическая, социально-экономическая, демографическая, природно-климатическая, экологическая, территориально-поселенческая, социально-инфраструктурная («детство в регионе»).

На трех выделенных уровнях может проявляться социальное неравенство детства, возникающее из-за неравномерного распределения ресурсов. На индивидуально-личностном уровне, например, источником социального неравенства могут стать наличие инвалидности, отклонения в поведении, нарушения психических процессов у ребенка; на семейном — структурные деформации семьи, педагогическая неграмотность родителей, малообеспеченность семьи; на региональном — уровень социально-экономического развития региона, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, состояние экологии и др.

Значение детства как этапа, предвещающего взрослую жизнь, заключается в накоплении социальных ресурсов, формировании стартового потенциала для выхода во взрослую жизнь. Ю. В. Овинова делает акцент на стартовом потенциале детства, поскольку ребенок находится в самом начале своего жизненного пути, а позитивный старт в начале жизненного пути выступает фактором становления и развития личности¹⁰.

Еще один концепт, связанный отношениями целеполагания с социальным потенциалом детства в регионе, — это «социально благополучное детство», под которым понимается благоприятная социальная среда в сочетании с необходимым набором институциональных ресурсов, создающая для детей возможности восполнения социальных ресурсов, актуализации скрытых резервов детства.

После поиска и интерпретации основных понятий предметной области мы приступили к визуализации полученных

данных с помощью программы SmartTools¹¹. Выбор SmartTools был обусловлен простым интерфейсом, возможностями сотрудничества и обмена информацией в Интернете, сопровождения и обновления за счет модульной архитектуры. Результатом работы стала концептуальная карта понятий предметной области, представленная на рис. 1. В ней акцент сделан на смысловых связях ключевого концепта «Социальный потенциал детства в регионе».

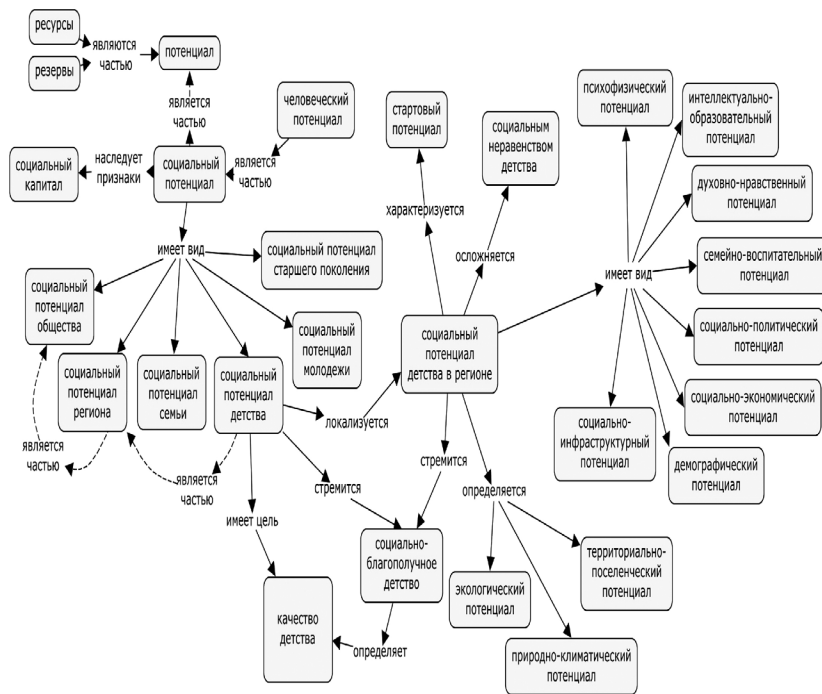

Рис. 1. Концептуальная карта понятий

Концептуальная карта понятий направлена как на визуализацию предметной области, так и на превенцию риска несогласованности интерпретаций этих понятий экспертами. Однако она является шагом на пути к построению онтологии предметной области «Социальный потенциал детства в регионе».

Использование различных программных средств обработки и визуализации данных онтологии требует дальнейшей детализации понятий, более четкого выражения отношений зависимости (часть — целое, выше — ниже, вид — подвид и т. д.), выстраивания системы классов, единообразия языка. В связи с этим дальнейшая работа с понятиями будет осуществляться в рамках онтологической модели предметной области.

Главный концепт «социальный потенциал детства в регионе» мы дробим на составляющие — регион, детство, социальный потенциал и определяем сопутствующие категории — надклассы и подклассы. В результате у нас возникают иерархические цепочки «общество — государство — страна — регион» и «ребенок — человек — семья — общество».

Отношения между классами мы описываем глаголами «является частью», «имеет», «наследует признаки». Отношение «имеет» указывает, что концепт имеет соответствующие характеристики. «Является частью» означает включение данного элемента (как специфического или одного из многих) в класс более высокого порядка. Отношение «наследует признаки» означает смежность концептов, частичное или полное заимствование функциональности.

Государство как форма организации общества обладает возможностями, заложенными в подсистемах жизнеобеспечения его существования: законодательной, исполнительно-распорядительной, судебной, подсистеме охраны общественного порядка и государственной безопасности. Страна, с одной стороны, как территориально-политическое образование «наследует» признаки государства, а с другой стороны, как общность людей — признаки общества. Страны характеризуются своими природно-климатическими условиями, религиозными, национально-культурными особенностями, внутренней политикой, экономикой и идеологией. Регионы (в нашем случае субъекты Российской Федерации), будучи частью страны, имеют аналогичный перечень условий существования и систем жизнеобеспечения, но проявляют их в соответствии со своей территориальной, ресурсной, инфраструктурной спецификой.

Существующие потенциалы государства как формы управления обществом и надсистемы для региона оказывают непосредственное влияние на социальный потенциал

региона и опосредованно влияют на социальный потенциал детства в регионе, предоставляя ресурсы для его развития или продуцируя социальные риски детства.

Другая линия концептов выстраивается с включением «ребенка». «Взрослый» и «ребенок» наследуют признаки «человека» как родового понятия, отражающего общие черты человеческого рода. Совокупность людей образует население разных территориальных единиц региона — городов, поселков, районов и прочих населенных пунктов. Общество включает разные формы объединения людей — социальные общности, социальные группы, социальные организации. Базовая онтологическая модель «Социальный потенциал детства в регионе» представлена на рис. 2.

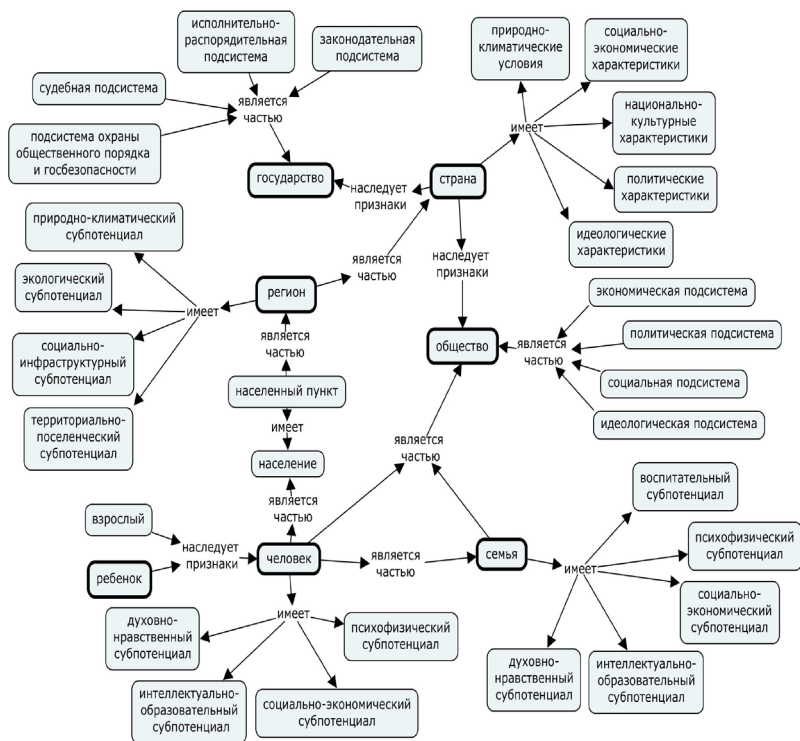

Рис. 2. Базовая онтологическая модель «Социальный потенциал детства в регионе»

Таким образом, построенная онтологическая модель «Социальный потенциал детства в регионе» поможет получить ответы на ряд вопросов: «Что включает социальный потенциал детства в регионе (смысловая нагрузка понятия)?», «Какие особенности региона влияют на социальный потенциал детства?», «Какие ресурсы можно использовать для воспроизводства и развития социального потенциала детства в регионе?», «Где искать скрытые резервы для развития социального потенциала детства в регионе?».

В представленной модели отображена структура основных сущностей/концептов предметной области, выстроенных в иерархическом порядке. В ходе исследования модель будет уточняться и корректироваться. В процессе построения второй (онтологической) модели были разрешены противоречия первой (концептуальной) модели. Во-первых, была расширена шкала понятий, связывающих ребенка и общество. Во-вторых, были отобраны понятия, лежащие в одной плоскости. В ходе моделирования пришлось отказаться от темпоральных концептов «младенчество», «дошкольное детство», «зрелость» и т. д. В-третьих, был минимизирован набор лексем, описывающих отношения между концептами. Остались три отношения: наследования, обобщения и включения.

Построение концептуальной карты и онтологической модели предметной области помогло осмыслить сущность ключевого концепта. Под *социальным потенциалом детства в регионе* мы будем понимать совокупность ресурсов, резервов и возможностей детей как особой социально-демографической общности, проживающих на территории какого-либо региона (субъекта Российской Федерации), реализующихся под воздействием внешних и внутренних факторов, направленных на достижение качественного состояния детства в области здоровья, образования и духовно-нравственного развития, формирование необходимого набора стартовых ресурсов для выхода во взрослую жизнь.

Целью следующего этапа работы является характеристика текущего состояния системы «социальный потенциал детства в регионе», для достижения которой будут выделены качественные и количественные индикаторы оценки состояния подсистем. Количественные индикаторы базируются на материалах региональной и федеральной статистики,

источниками качественных индикаторов будут служить экспертные оценки, данные, полученные в ходе анкетирования и интервьюирования жителей какого-либо региона — детей и взрослых.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 16-36-60041).

² См.: Gruber T.R. A translation approach to portable ontology specifications. URL: <http://citeseer.ist.psu.edu/viewdoc/summary?doi=10.1.1.101.7493> (дата обращения: 26.02.2016).

³ См.: Овдей О.М., Проскудина Г.Ю. Обзор инструментов инженерии онтологий // Электрон. б-ки. 2004. № 4. С. 1—16. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=9118522> (дата обращения: 28.04.2016).

⁴ См.: Социологический энциклопедический словарь: на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред.-координатор Г.В. Осипов; Ин-т соц.-политич. исслед. РАН: Ин-т социологии РАН. М.: ИНФРА*М-НОРМА, 1998. С. 254.

⁵ См.: Энциклопедический социологический словарь / под общ. ред. Г.В. Осипова. М.: ИСПИ РАН, 1995. С. 689—690.

⁶ См.: Дергало А.А., Ульяновский В.И. Социальное пространство и потенциал региона // Северное регионоведение в современной регионологии: моногр. / отв. ред. Ю.Ф. Лукин. Архангельск: Выш. шк. делового администрирования ИУППК ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. С. 139—173. URL: http://narfu.ru/pomorsu.ru/www.pomorsu.ru/_doc/mba/nr/intcon.pdf (дата обращения: 28.03.2016).

⁷ См.: Штырбул С.А. Социальный капитал и социальный потенциал: субъекты и функции: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2010. 27 с. URL: <http://www.econ.msu.ru/cmt2/lib/a/1731/file/Shturbul.pdf> (дата обращения: 28.03.2016).

⁸ См.: Березутский Ю.В. Социальный потенциал молодежи как фактор социально-экономического развития молодежи: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2002. 27 с.

⁹ См.: Филиппов В.Э. Социальный потенциал современной молодежи в условиях модернизации российского общества: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. 23 с. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15864447> (дата обращения: 28.03.2016).

¹⁰ См.: Овинова Ю.В. Стартовый потенциал детства в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 1998. 19 с.

¹¹ См.: Construct, Navigate, Share and Criticize. URL: <http://cmap.ihmc.us/cmaptools> (дата обращения: 18.02.2016).

A. G. FILIPOVA, A. V. ESKOVA. SOCIAL POTENTIAL OF CHILDHOOD IN A REGION: BUILDING THE TOPICAL AREA ONTOLOGY

Key words: region, social potential, childhood, ontological model, conceptual map

Abstract. The paper considers the social potential of childhood in a region, which is defined as a set of resources, reserves and capabilities of children as a special socio-demographic community living within the territory of a region (of a subject of the Russian Federation). A conceptual map and the underlying ontological model of the topical area are presented.

Synopsis. Introduction: present-day childhood is affected by many risks. Regional inequality, as a difference in socio-economic development, infrastructure support, geographical location, etc., has become an additional risk. This made it necessary to build and manage the system named “Social Potential of Childhood in a Region”.

Materials and Methods: the chosen research method to study social potential of childhood in a region is the method of ontological modeling. The bases for building the topical area of “Social Potential of Childhood in a Region” are the following three types of sources: dictionary entries, research papers and dissertation synopses.

Results: for data visualization and uniformity of interpretation of concepts by experts, for example, the authors draw a conceptual map of the topical area which includes such concepts as: “resources”, “potential”, “human potential”, “social capital”, “social potential of the region”, “social potential of childhood”, “quality of childhood”, “social inequality of childhood”, etc. On the basis of the concept map, the ontology of the topical area was built, which includes a hierarchical chain of “society — state — country — region” and “child — person — family — society”. Relations between the concepts are described with such verbs as “is (part of)”, “has” and “inherits (signs)”.

Discussion and Conclusions: the built ontological model reveals the meaning of the key concept of “Social Potential of Childhood in a Region”, helps to identify resources for reproduction and development of childhood in a region, as well as the hidden reserves on the micro- (family, child), meso- (region, settlement) and macro-social (country) levels. It is planned to determine the qualitative and quantitative indicators to evaluate the state of the system.

REFERENCES

¹ Rabota vypolnena pri finansovoj podderzhke granta RFFI (proekt № 16-36-60041) [The work was carried out with financial support from the Russian Foundation for Fundamental Research (Project No. 16-36-60041)].

² Gruber T.R. A translation approach to portable ontology specifications. Available from: <http://citeseer.ist.psu.edu/viewdoc/summary?doi=10.1.1.101.7493> (accessed 26.02.2016).

³ Ovdey OM, Proskudina GJu. Obzor instrumentov inzhenerii ontologii [Overview of the ontology engineering tools]. *Jelektronnye biblioteki* = Electronic libraries. 2004; 4:1—16. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=9118522> (accessed 28.04.2016). (In Russ.)

⁴ Sociologičeskij jenciklopedičeskij slovar' [Sociological encyclopedic dictionary]. Moscow: INFRA*M-NORMA; 1998.

⁵ Jenciklopedičeskij sociologičeskij slovar' [Encyclopedic sociological dictionary]. Moscow: The Institution of the Russian Academy of Sciences the Institute of Socio-Political Research RAS Publ; 1995.

⁶ Dergalo AA, Ul'janovskij VI. Social'noe prostranstvo i potencial regiona [Social space and capacity of the region]. *Severnoe regionovedenie v sovremennoj regionologii* = Northern region research in modern science about regions. Arkhangel'sk: Higher school of business administration PSU of a name M.V. Lomonosova Publ; 2005. Available from: http://narfu.ru/pomorsu.ru/www.pomorsu.ru/_doc/mba/nr/intcon.pdf (accessed 28.03.2016). (In Russ.)

⁷ Shtyrbul SA. Social'nyj kapital i social'nyj potencial: sub#ekty i funkcii [Social capital and social potential: subjects and functions]. Moscow; 2010. 27 p. Available from: <http://www.econ.msu.ru/cmt2/lib/a/1731/file/Shturbul.pdf> (accessed 28.03.2016). (In Russ.)

⁸ Berezutskij JuV. Social'nyj potencial molodezhi kak faktor social'no-ekonomičeskogo razvitija molodezhi: sociologičeskij analiz [Social potential of the youth as a factor of socio-economic development of the youth: a sociological analysis]. Moscow; 2002. 27 p.

⁹ Filippov VE. Social'nyj potencial sovremennoj molodezhi v uslovijah modernizacii rossijskogo obshhestva: sociologičeskij analiz [Social potential of the present-day youth in the context of modernization of the Russian society: a sociological analysis]. Moscow; 2007. 23 p. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15864447> (accessed 28.03.2016). (In Russ.)

¹⁰ Ovinova JuV. Startovyj potencial detstva v sovremennom rossijskom obshhestve [Starting potential of childhood in the modern Russian society]. Saratov; 1998. 19 p.

¹¹ Construct, Navigate, Share and Criticize. Available from: <http://cmap.jhmc.us/cmaptools> (accessed 18.02.2016).

FILIPOVA Aleksandra Gennadievna, Doctor of Sociological Sciences, Professor at the De-partment of Social Sciences, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).

ESKOVA Anna Vladimirovna, Candidate of Engineering Sciences, Head of the Department of Information Systems, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation).

Поступила 04.05.2016.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ «ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО И ЦЕРКОВЬ:
УКРЕПЛЕНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО
СОГЛАСИЯ, РАЗВИТИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
МЕХАНИЗМОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ»**

11—13 мая 2016 г. в Новосибирске прошла крупнейшая за Уралом за последнее десятилетие Международная научно-практическая конференция «Государство, общество и церковь: укрепление межнационального и межрелигиозного согласия, развитие и совершенствование механизмов взаимодействия». Организаторами научного форума выступили Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Правительство Новосибирской области, мэрия города Новосибирска, Новосибирская митрополия Русской православной церкви, Новосибирская региональная общественная организация «Всемирный русский народный собор», а также Институт социальных и этнокультурных исследований (г. Москва).

Более 360 участников конференции из России, Казахстана, Таджикистана, Азербайджана, Белоруссии и Чехии обсудили актуальные вопросы взаимодействия государства, общества и церкви в современном мире. Особое внимание было уделено проблемам межрелигиозного и межэтнического согласия в России и ее регионах. В работе конференции активное участие приняли не только ученые и эксперты со всей России, но и представители органов государственной власти и местного самоуправления, институтов гражданского общества, СМИ. На конференцию приехали делегации митрополий и епархий Русской православной церк-

ви, а также представители других традиционных церквей России.

На открытии конференции с приветствием к участникам и гостям обратились директор Сибирского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации доктор физико-математических наук С. Р. Сверчков, губернатор Новосибирской области В. Ф. Городецкий, мэр города Новосибирска А. Е. Локоть, глава Новосибирской митрополии Русской православной церкви и др.

На пленарном заседании были представлены научные доклады, в которых нашли отражение наиболее острые аспекты тематики конференции. Первым на тему «Укрепление межнационального и межрелигиозного согласия в России» выступил митрополит Новосибирский и Бердский Тихон. Он особо подчеркнул, что конференция посвящена важной проблеме — укреплению согласия и взаимодействия между соотечественниками, людьми разных национальностей и верований, но при этом имеющих общее Отечество — Россию. «Каждый человек должен вносить свой вклад в единство многонационального народа. В последние годы мы не раз были свидетелями того, как мир нарушался межнациональными и межконфессиональными конфликтами. Не допустить возникновения и разрастания таких конфликтов есть одна из главных задач государства, общества и церкви», — сказал он.

Особый интерес у аудитории вызвал доклад заведующей кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, заместителя руководителя Центра «Религия в современном обществе» Института социологии РАН доктора политических наук М. М. Мчедловой, которая обратила внимание на роль институтов государства и гражданского общества в формировании цивилизационного единства России. На основе авторских социологических исследований она раскрыла значение таких институтов и в развитии межрелигиозного сотрудничества.

О религиозных ценностях Западной Европы и их проявлении в политике и государственном управлении в научном докладе рассказал профессор Высшей школы финансов и управления (Чехия, г. Прага), доктор философии В. Пророк. По его мнению, ситуация в Европе и России значительно разнится в силу цивилизационных и ментальных различий.

Церковно-славянский и русский языки в культурном и социальном пространстве России стали темой доклада декана гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета доктора филологических наук Л. Г. Панина.

Программа конференции была насыщена не только научными дискуссиями, но и другими мероприятиями. В первый день в концертно-театральном зале «Евразия» состоялся большой концерт «О России петь...» с участием профессиональных и самодеятельных творческих коллективов. Участники и гости конференции также посетили выставку «Вера и дела» в Новосибирском государственном краеведческом музее.

По результатам работы участники конференции приняли резолюцию, в которой выразили общее согласие в том, что свобода мысли, совести и религии в современной России является одним из фундаментальных прав человека, определяющих его личность и идентичность. Была подчеркнута неизбежность конституционных норм о том, что Россия — светское государство. При этом участники конференции поддержали общие принципы «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683, «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 декабря 2012 г. № 1666, и усилия органов власти, общественных и религиозных организаций как институтов гражданского общества по выработке единых подходов к решению проблем государственной национальной политики Российской Федерации государственными и муниципальными органами, различными политическими и общественными силами, в том числе в регионах Сибирского федерального округа.

По мнению участников конференции, основные риски и угрозы в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений в большей степени продуцируются миграционными процессами. В связи с этим участники конференции констатировали, наряду с необходимостью ужесточения и кодификации миграционного законодательства в России, первостепенную значимость выработки и эффективной реализации

механизмов успешной интеграции и адаптации мигрантов.

Участники конференции обратили внимание на необходимость усиления комплексного научного, философского и богословского осмысления гуманитарных проблем развития современного российского общества. Результаты этой работы позволят, по их мнению, системно решать задачи по предотвращению социальных конфликтов и противоречий, а также будут содействовать прогнозированию и определению путей минимизации этнополитических и этносоциальных рисков, связанных с национальной безопасностью России. При этом богословское осмысление достижений современной гуманитарной науки в контексте разных религиозных традиций дает возможность различным конфессиям вступать в соприкосновение не через конфликт часто диаметрально противоположных богословских воззрений, а через науку, являющуюся единым языком описания и постижения современного мира.

Укрепление общероссийской гражданской нации и этнокультурное развитие народов России, по мнению участников конференции, требует постоянного мониторинга законодательства, политики и правоприменительной практики в отношении свободы совести и деятельности религиозных организаций и групп со стороны государственных органов, религиозных организаций, независимых экспертов, институтов гражданского общества, СМИ и др. Необходимо постоянное развитие диалога и консультаций

экспертов, религиоведов, социологов, политологов, юристов, представителей общественных организаций, СМИ, органов государственной власти и местного самоуправления по вопросу усовершенствования межэтнических и межконфессиональных отношений.

Участники конференции, подтверждая практическую значимость рассмотренных вопросов, предложили:

— рассмотреть вопрос о создании Координационного совета по гармонизации и совершенствованию межнациональных и межрелигиозных отношений в регионах Сибирского федерального округа;

— организовать и провести в 2016—2017 годах ряд семинаров и круглых столов по вопросам и тематике конференции в муниципальных образованиях Новосибирской области. Целью их проведения должна стать методическая помощь органам местного самоуправления в вопросах изучения и гармонизации межнациональных, межрелигиозных и государственно-церковных отношений.

Участники конференции также рекомендовали создание на базе Сибирского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ междисциплинарного научно-исследовательского и образовательного центра «Региональная этнополитика и государственно-конфессиональные отношения».

Л. Савинов,
доктор политических наук

Редакторы *С. В. Денисова, А. А. Парамонов*
Редактор текста на английском языке *А. В. Пузаков*

Подписной индекс в каталоге ОАО Агентство «Роспечать» — 73335.

Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-65932 от 06 июня 2016 г.

Подписано в печать 09.09.2016. Дата выхода в свет 30.09.2016. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 8,84. Уч.-изд. л. 7,79. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура JournalSTT. Тираж 1 000 экз. I завод — 300 экз. Заказ № 1144. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 39а (НИИ регионологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»).
Тел.: (8342) 32-86-14. E-mail: redreg@mail.ru
<http://regionsar.ru>
Адрес учредителя и издателя: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68

Отпечатано в Издательстве федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва» (430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24).

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.